ПРЕДМЕТА ТАЙНЫЙ СМЫСЛ...

[illegible]

Николай ХРУСТАЛЕВ

70 коп.
Индекс 70798

РОДИНА

4/90

ISSN 0235—7089

ГЕРОИ ИСТОРИИ
И ИСТОРИЯ ГЕРОЕВ...

РОССИЯ. МАЙ 90-го. ПЕРВЫЙ СЪЕЗД...

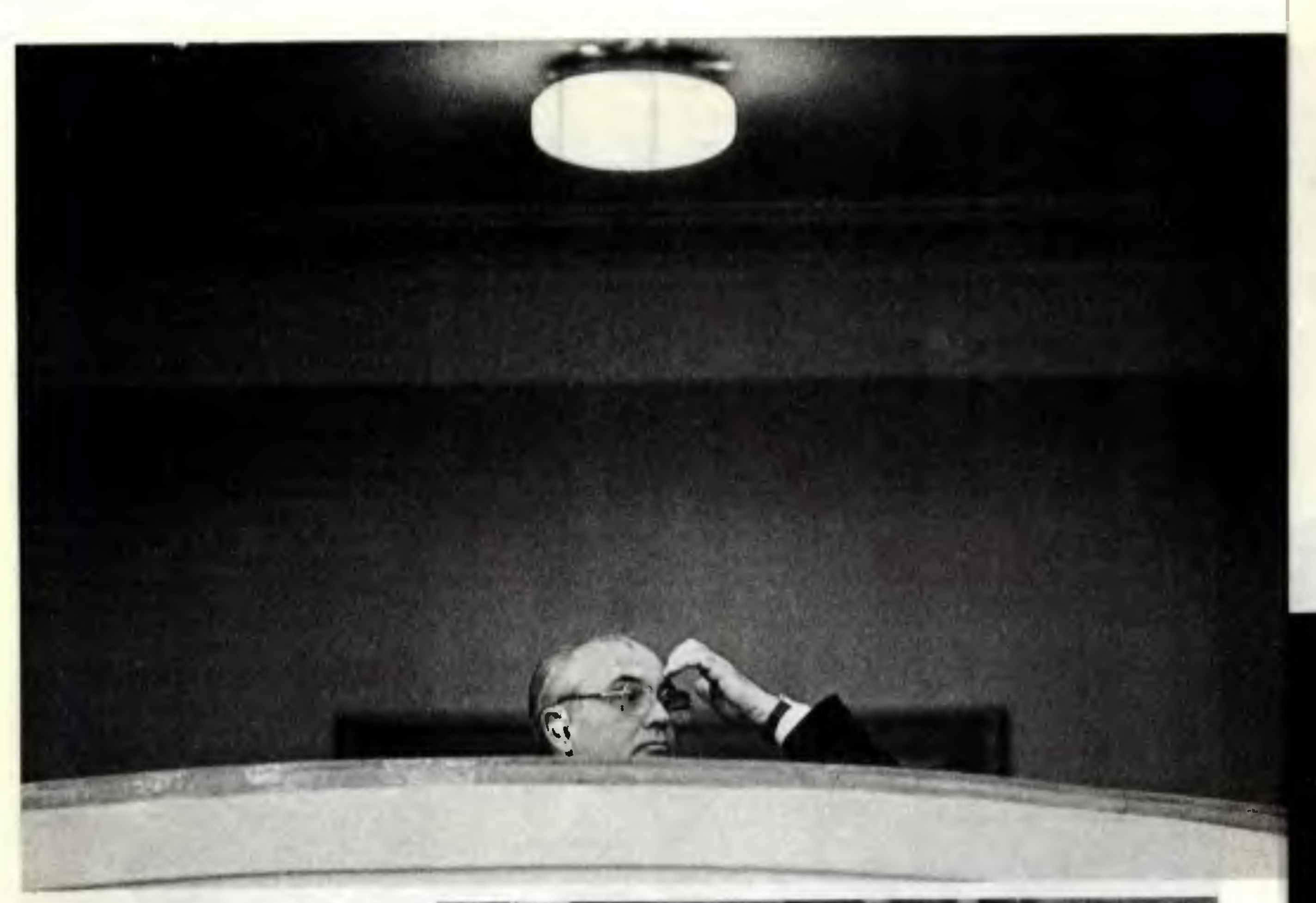
Сверху, с гостевого балкона, все выглядит иначе. Стираются мельчайшие штрихи, казавшиеся такими важными вблизи, не видно лиц, глаз, их выражения, не разобрать красноречивейших жестов... Море голов. Еще — голоса, измененные микрофонами до неузнаваемости. Ими-то и определяется атмосфера на нашем корабле-балконе. Мерный, роеный гул — все спокойно, мы тихо «плывем» по заданному курсу. Вдруг тон меняется — и весь «экипаж» толпится у перил, корабль кренится, грозя зачерпнуть кормой воду... Через минуту опять штиль... И все-таки у балкона есть свое преимущество: он, отсекая детали, позволяет увидеть главное.

На нашем корабле-балконе экипаж смешанный. Здесь присутствуют и журналисты из разных стран, и дипломаты, и народные депутаты СССР. Что они увидели с балкона? Что стало главным для них?

Леон БУЙКО, «Газета Выборча» (орган «Солидарности»), ПНР:

— То, что происходит у вас, это — исторический процесс, и делать попытки предвидеть, что случится дальше, значит, входить в компетенцию господа Бога. Но уже наметились четкие тенденции, которые позволяют в общих чертах определить возможные варианты событий.

Ельцин как председатель Верховного Совета России очень неудобен для центральной власти. В случае если «наверху» будет преобладать стремление к сохранению своего комфорта, я думаю, произойдет очень глубокий разрыв между государством и обществом — то, что мы наблюдали в Польше с середины 80-х годов. Тогда у властей не останется уже никакого



влияния на общество. А ведь ваша страна входит в опасный период полного развала всех экономических, государственных и общественных структур... Если произойдет именно такой разрыв общества и государства, то вам угрожает анархизация общественной и политической жизни со всеми вытекающими отсюда последствиями. То есть налицо реальность гражданской войны.

А гражданская война в СССР никого в мире не устраивает. Именно в этот период обязательно должна существовать какая-то связь между властью и обществом. Ее мог бы осуществлять Верховный Совет. Посмотрим, сработает ли ваша еще очень молодая парламентская система.

Почему у нас стал возможным «круглый стол»? Почему наши власти согласились на это? Все чувствовали, что в стране приближается общественный взрыв невероятной силы. Нашему правительству хватило патриотизма и ума, чтобы почти в последний момент уйти от грозящей опасности. Найдутся ли у вас такие политические деятели, и найдется ли у вас такая альтернатива? Это еще вопрос. Оптимальный вариант российского суверенитета, способного предотвратить все эти опасности, я увидел в концепциях Ельцина и Залевской (редактор газеты «Молодая гвардия», г. Пермь).

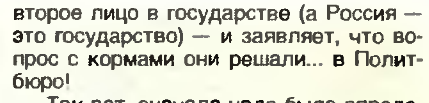
Главное же, что я увидел на этом съезде: коммунистическая система рухнула в сознании людей. Это ее конец.

А. ЩЕЛКАНОВ, народный депутат СССР, Ленинград:

— Основным вопросом съезда стал вопрос о суверенитете.

Реален ли вообще сегодня суверенитет — в том, большом и высоком, смысле, о котором надо бы говорить и к которому нужно было бы прийти? Задачей съезда следовало бы считать не провозглашение Декларации о суверенитете, а подготовку тех механизмов, которые обеспечат реализацию настоящего суверенитета. К сожалению, сегодня это зависит не только от съезда, не только от России в целом, но все еще от Союза. Не только потому, что центр обладает властью, при которой можно управлять так называемым суверенитетом, а и потому, что эти вопросы решаются у нас абсолютно не в той последовательности, как это должно бы происходить. Все перевернуто с ног на голову, поэтому и России в сегодняшней ситуации просто невозможно реализовать свой суверенитет. Как перспектива он возможен, но сегодня — увы! — нет.

Мешает этому, например, ничуть не изменившееся руководство КПСС. Мы слышали, кстати, подтверждение тому и на съезде. Выступает А. Власов —



второе лицо в государстве (а Россия — это государство) — и заявляет, что вопрос с кормами они решали... в Политбюро!

Так вот, сначала надо было определиться с общей концепцией существования нашего государства: если партия, то что это такое; если Союз, то что это такое? С Конституциями — какие они? Мы недавно сами создали институт, который работает против суверенитета. Это институт президентства, Конституция СССР, которую мы разрабатываем сейчас, не имея конституций республиканских. Ведь в Союзе первична **республика,** а не наоборот. Соответственно первична и ее Конституция. Распределять власть следует от низшего органа правления к высшему органу народовластия: только те полномочия, которые республика считает **необходимым** передать, а не наоборот (как это сделали — приняли соотношение республик и их прав, не опросив новые Верховные Советы, не получив их одобрения).

Буквально со второго дня работы съезда я почувствовал, что Президенту придется приходить сюда с тем, чтобы попытаться направить его работу, внести коррективы в мнения депутатов. Его выступление, по сути, не состоялось. Еще был шанс — оно могло бы состоять в приветствии съезду, в пожелании успеха, в обмене мнениями по ситуации в стране в целом, он мог бы поделиться результатами переговоров с Литвой, происходивших в эти дни, рассказать о подготовке к встрече на высшем уровне с президентом США... Вот, если бы он это сделал, от такого выступления была бы громадная польза и депутаты бы ощутили подлинное доверие к себе. К сожалению, все выступление Президента было направлено целиком на то, чтобы повлиять на настроение и умы участников съезда, на то, чтобы несколько переориентировать четко проглядывающийся конструктивный характер работы съезда — не шажками, а шагами намечающего свое движение к российскому суверенитету. И уж тогда Президент перешел к рассмотрению выступления только одного депутата (из многих участников обсуждения), к критике этого выступления, к навязыванию своего мнения присутствующим в зале... Подобное выступление могло вызвать только еще более сильное, более активное размежевание сил. И именно в такое время, когда так необходимо найти общий язык...

Майкл К. МОРРОУ, второй секретарь посольства США:

— В Америке 50 штатов, и все они более или менее одинаковы. У нас нет «нашей» России, нет такого штата, который занимал бы большую часть страны. Это уникальная ситуация. Вот почему меня так горячо заинтересовал Первый съезд народных депутатов РСФСР. Кроме того, я являюсь консультантом по вопросам политики РСФСР, присутствовал на съезде каждый день. Поэтому мне было странно читать во многих советских газетах, что съезд работал слабо, депутаты слишком много говорили, попусту тратя время... Я не согласен с такой точкой зрения. По-моему, они очень хорошо работали.

Наша палата представителей насчитывает 435 человек. Многие критикуют

ее за то, что она медленно работает. Чуть более расторопным оказывается Сенат — в котором только 100 человек. Но Россия — огромная страна (она больше США по территории), и ей надо иметь много депутатов. Это тяжело — такое большое количество мнений. И со всеми надо считаться. Но этот съезд со всей очевидностью показал, что люди у вас в стране стали более терпимыми к мнениям оппонентов.

Самым бурным моментом съезда был вопрос о суверенитете. В Америке сто лет назад из-за него лилась кровь — шла гражданская война. Именно поэтому я хорошо понимаю, что в СССР сегодня это самый важный вопрос. Весь мир надеется, что в процессе решения этой проблемы в вашей стране не будет столкновений между людьми, не будет насилия, не будет гражданской войны...

* * *

Да, российские депутаты оказались готовыми к конструктивной работе. И, несмотря на довольно четкое размежевание сил, чувствовалась настроенность сторон на взаимное понимание. Наконец-то мы смогли реально увидеть, что сотрудничество возможно. Ведь все хотят одного — спасти Россию. Разными видятся им пути, не совпадают оценки происходящих событий, но они ищут основу для диалога. Это дает основание верить, что конфронтация перестанет диктовать стиль работы сторон на заседаниях высших органов страны.

Съезд закончился. Сформированы Верховный Совет и комиссии. Начинается самое трудное — работа. Мы пока не знаем, сумеет ли новое правительство вытащить Россию из кризиса. Во всяком случае, теперь у нас есть такой шанс.

Е. СКВОРЦОВА,
В. ЛАГРАНЖ (фото)

РОДИНА 4/90

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА И СОВЕТА МИНИСТРОВ РСФСР

Выходит с января 1989 г.

Москва.
Издательство «Советская Россия»

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

В этой традиционной рубрике читатели высказывают мнения, которые редакция может не разделять. Тема сегодняшнего разговора — «Нужна ли смертная казнь?»

8

Петр КРОПОТКИН, выдающийся русский ученый-географ, революционер-анархист:
«...СМЕРТНАЯ КАЗНЬ ТОЧНО ТАК ЖЕ, КАК И ПЫТКИ, ЯВЛЯЕТСЯ СОВЕРШЕННО ЛИШНЕЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ, КОТОРАЯ, В СВОЮ ОЧЕРЕДЬ, СЛУЖИТ ТОЛЬКО РАСПРОСТРАНЕНИЮ И УСИЛЕНИЮ ЖЕСТОКОСТИ В ОБЩЕСТВЕ».

27

Алексей БЫЧКОВ, пастор Церкви евангельских христиан-баптистов:
«...СМЕРТНАЯ КАЗНЬ, КАК НАКАЗАНИЕ НА ЗЕМЛЕ ЗА СТРАШНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ЧЕЛОВЕКОУБИЙСТВО ПРИ ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ДОЛЖНА БЫТЬ КРАЙНЕЙ И РЕДКОЙ МЕРОЙ».

36

Игорь БЕСТУЖЕВ-ЛАДА, доктор исторических наук:
«ОТМЕНА СМЕРТНОЙ КАЗНИ, БЕЗУСЛОВНО,— БЛАГО. НО ЕГО, КАК И ВСЯКОЕ БЛАГО, НАДО ЗАРАБОТАТЬ НЕ БОЛТОВНЕЙ, А РЕШИТЕЛЬНОЙ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЙ БОРЬБОЙ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ».

50

Давид ФЕЛЬДМАН, публицист:
«ОНИ ЖИВУТ СРЕДИ НАС. НАЕМНЫЕ УБИЙЦЫ, КОТОРЫМ ВСЕ РАВНО, КОГО УБИВАТЬ. ВРАЧИ, ИМ ПРИСЛУЖИВАЮЩИЕ. РАЗРАБОТЧИКИ ПРОЦЕДУРЫ УМЕРЩВЛЕНИЯ...ОНИ ВСЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СЛУЖАЩИЕ».

75

Леонид НИКИТИНСКИЙ, кандидат юридических наук:
«...КРОВЬ КАЗНИМЫХ, БЫТЬ МОЖЕТ, ТОЛЬКО УДОВЛЕТВОРЯЯ НРАВСТВЕННЫЕ ИНСТИНКТЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ, С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ ЛЬЕТСЯ АБСОЛЮТНО ДАРОМ».

СТАРОЕ

13
СЕГОДНЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ, политическая, государственная, научная деятельность В. И. Ленина, так же как и сама личность создателя Коммунистической партии и Советского государства, стала вновь предметом острой полемики. А полемика эта началась еще в 20-х годах. «Родина» публикует несколько статей тех лет.

28
В ЭТОМ НОМЕРЕ кандидат исторических наук Лев Овруцкий и доктор исторических наук Алексей Литвин ведут диалог о партии революционных коммунистов.

41
КАЗАЛОСЬ, что печальной памяти архипелаг ГУЛАГ растворился, пропал, исчез, не оставив свидетелей страшной жизни на его бесчисленных островах. Но нет! Сегодня мы печатаем письма-воспоминания, которые объединены заголовком: «Обратный адрес — ГУЛАГ».

76
ПАМЯТИ СОВЕТСКОГО историка и писателя, нашего автора Натана Эйдельмана посвящены в этом номере материалы под рубрикой «Историки об историках».

НОВОЕ

10
В ОБЗОРЕ «Перестройка: факторы риска» доктор исторических наук Сергей Васильцов подводит некоторые итоги анкетного опроса читателей «Родины», проведенного в конце 1989 — начале 1990 года.

20
СКОЛЬКО БОЕВЫХ кораблей теряет наш Военно-Морской Флот в мирное время? Почему тонут, взрываются, горят подводные лодки, крейсеры и другие боевые единицы ВМФ? Об этом рассуждает на страницах журнала капитан второго ранга Владимир Стефановский в статье «Спасайте, кто может...»

52
ПОСЕЩЕНИЕ КОРРЕСПОНДЕНТОВ Елены Скворцовой и Александра Земляниченко Мытищенского завода художественного литья навело их на раздумья, которыми они делятся с читателями в материале «Наш бронзовый герой».

86
ИНТЕРВЬЮ У БЫВШЕГО первого заместителя министра внутренних дел Юрия Чурбанова берет журналист Андрей Караулов.

ВЕЧНОЕ

33
ПО МЕСТАМ Таманского полуострова, связанным с пребыванием здесь А. Пушкина и М. Лермонтова, проведет вас Евгений Сорокин в статье «Казачьим трактом в Тмутаракань».

57
В ОЧЕРКЕ Бориса Черных «Чистая лампада» рассказывается о встречах с известным советским драматургом Александром Вампиловым.

62
В ПОСТОЯННОЙ РУБРИКЕ ЖУРНАЛА «Сто народов России» рассказывается о самом северном народе земли — нганасанах.

65
ИМЯ ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР, народного депутата СССР Алексея Яблокова в рекомендациях вряд ли нуждается; защита окружающей среды — его боль, его жизнь, его профессия. Этому же посвящена и статья А. Яблокова «Пробуждение от экологической спячки».

СОДЕРЖАНИЕ

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

НАКАЗАНИЕ СМЕРТНОЙ КАЗНЬЮ

Петр КРОПОТКИН, ученый и революционер

Ныне существующая система наказаний представляет собою пережиток понятий, сложившихся в давно прошедшие времена. В ней есть следы *родовой мести, уплаты* за причиненное зло, установившейся в эпоху общин, и, наконец, *системы устрашения*, выработанной в деспотических монархиях и теократиях Востока. Но главным образом выработана была нынешняя система наказаний с целью охранения привилегий, захваченных имущими и правящими классами. И уже в силу этого к ней нельзя относиться иначе, как с самым беспощадным отрицанием.

По мере того как идею мести становилось все труднее защищать в современном обществе, для оправдания нашей системы наказаний стали все более и более настаивать на том, что она необходима для устрашения людей с преступными наклонностями, а *также* для устранения преступников из общества. При этом наиболее лицемерные из ее защитников прибавляют еще, что она имеет целью также и *исправление* преступников. Несмотря на равнодушие общества и даже реформаторов к этому вопросу, за последнее время было сделано, однако, немало исследований, которыми доказано, что ни одной из названных трех целей наша система наказаний не достигает. Тюрьмы не только не устрашают заключенных и не исправляют их, но, напротив того, они толкают их на новые и худшие преступления, так как делают их еще более неприспособленными к жизни общественной, усиливают в них неохоту или даже ненависть к правильному труду и развивают в половом отношении такие наклонности, которые прямо намечают их в кандидаты на уголовное преследование.

Из вора тюрьма делает виртуоза воровства или же грабителя; из человека, провинившегося в чем-нибудь небольшом против общественной нравственности, она делает одного из типов, описанных Крафтом Эббингом, и т. д. Так что из моих личных тюремных наблюдений и многочисленных бесед с людьми из тюремной администрации в Европе и Америке я мог только вынести одно непреложное заключение: *тюрьма* — всякая тюрьма в силу основных ее начал — есть *университет преступности.* Кроме того, и на это обстоятельство, совершенно упускаемое из виду, следует обратить особое внимание — всякая тюрьма и всякий суд, поощряя шпионство, донос и провокацию, сыскную полицию и частные сыскные агентства, становится центром распространения в обществе разврата в самых отвратительных его формах.

Но если, говоря вообще, наша система наказаний не достигает своих целей исправления и устрашения, а, напротив того, наши тюрьмы постоянно ухудшают формы преступности, то смертная казнь точно так же, как и пытки, является совершенно лишней жестокостью, которая, в свою очередь, служит только распространению и усилению жестокости в обществе.

Известно, что в странах, уничтоживших у себя смертную казнь, количество преступлений, наказывавшихся смертью, *никогда* не увеличивалось. Известно также, что в Англии и во Франции наиболее зверские убийцы выходили именно из той толпы, которая в ночь перед казнью собиралась вокруг тюрьмы или на площади и проводит всю ночь в пьянстве и разврате. В Женевской Республике смертная казнь была уничтожена после того, как один убийца сознался, что за несколько лет перед тем он совсем еще молодым человеком присутствовал при одной смертной казни. С тех пор мысль об убийстве не покидала его. Известно, наконец, что в Англии, где в начале XIX века казнили за множество проступков, например, за кражу белья, развешанного на задних дворах, число подобных проступков после уничтожения казни за них отнюдь не увеличилось, а, напротив того, вследствие действия общеизвестных общих причин шло уменьшаясь. Теперь по вторникам и по средам все дворики в предместьях больших городов бывают завешаны бельем, и много его остается на ночь в самых пустынных улицах на границе полей, не пропадая. Между тем в Англии, где вешают до сих пор с библейской свирепостью за убийство, убийства свирепее, чем где бы то ни было.

Словом, имеется громадная масса фактов, доказывающих *ненужность, зловредность* смертной казни. Только косность ума да трусость собственников удерживают этот пережиток варварских времен.

С другой стороны, нет сомнения, что факт существования смертной казни поддерживает в обществе мысль, что убийство есть хорошее средство возмездия и представляет собой действительное средство устрашения против злодеяний лиц, принадлежащих к правительству и к эксплуатирующим классам. И покуда смертная казнь будет существовать, будет существовать также и убийство со стороны угнетаемых. Вообще за последнее время человеческая жизнь истребляется в таких количествах и так бесшабашно не только на войне, но и в видах устрашения крестьян и рабочих и подчинения их богатым и правящим классам, что человеческая жизнь перестает считаться чем-то ценным. Достаточно вспомнить о массовых избиениях в Париже после падения Коммуны, в Милане, в крестьянских бунтах в Андалузии и по всей Италии и, наконец, в последнее время в России. За белым террором всегда, однако, следует красный террор, и последний является, таким образом, прямым порождением первого.

Единственный выход для современного общества — это признание высшего начала, чем месть и устрашение. Нужно признать открыто, что узаконенное устрашение, возведенное в систему и производимое судом и палачами под предлогом охранения общества, оказалось ложным началом, недействительным для намеченной цели и пагубным для общественной нравственности. Что же касается до смертной казни, то пора признать, что не только она ненужная жестокость, но она главный источник, который поддерживает в обществе жестокость нравов.

1906 г.

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

Испокон веков в русском народе существовали святые понятия о нерасторжимости связи со своим прошлым. Прервать эту связь было равносильно потере памяти, а беспамятный для русского человека был все равно что неблагодарный. Помните, у А. С. Пушкина:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва...

Это написано в 19-м веке. Увы, сегодня чувство благодарности к предкам нашим, уважения к их памяти и праху доступно не каждому нашему современнику...

Пресса уже не раз сообщала о вандализме на наших кладбищах, об оскверненных могилах. Пройдите сегодня по пензенским кладбищам, и вы увидите, что представляет собой наше общество. Я не ошибся. Не кладбища, а именно общество, потому что именно по отношению к мертвым можно судить о его нравственном состоянии.

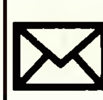
Вновь обращаюсь к А. С. Пушкину: «Уважение к минувшему — вот черта, которая отличает образованность от дикости». Наверное, великий русский поэт не имел в виду «технократическую образованность» наших современников, правая рука которых не ведает, что творит левая. К сожалению, прогнозы на будущее не предвещают нам положительных изменений в области нравственности и культуры — мы жертвы материально-технического прогресса, заботящиеся о благополучии материальном, на духовное же развитие у нас катастрофически не хватает времени. Круг интересов большинства ограничивается колбасой, водкой и телевизором, в последнее время к ним прибавился еще один — политика, но опять с вульгарно-материальным уклоном.

В войну мародеров расстреливали на месте, сегодня по ст. 229 УК РСФСР им грозит 3 года лишения свободы или год исправительных работ. Гораздо чаще применяется второй пункт статьи, но и само возбуждение уголовных дел по ней большая редкость, во всяком случае, если говорить о преступлениях по Пензенской области. А вместе с тем фактов вандализма предостаточно, они встречаются почти на каждом кладбище в области.

В нашем законодательстве нет понятия о ведомственном вандализме, однако он существует в реальности. Терновское кладбище в Пензе яркий тому пример. Здесь вы не увидите ухоженных клумб вдоль могил, зато предостаточно строительных балок, мешков с известью, битого кирпича и шифера. По соседству с размахом идет строительство завода, и ограждения стройки проходят по территории кладбища. Поистине мы строим свое грядущее на костях наших предков! Такие безобразия творятся не только у нас в Пензе. Пройдите по кладбищам в своем городе, поселке, селе, и, уверен, вы обнаружите везде те же самые бутылки, те же обрывки газет, тот же мусор, то же мародерство... И дело вовсе не в слабой работе правоохранительных органов (ведь нельзя же у каждой могилы выставить постового!). Проблема в самом законе. Возбуждение дел, согласно законодательству, может быть начато только по поступившему заявлению. То есть, если у умершего не осталось в живых родственников и заявление писать уже некому, то, значит, некому и ходатайствовать перед правосудием о наказании осквернителей могил. Ибо не всегда найдутся рядом люди, которым небезразлично отношение к умершим, если последние не являются их родственниками. Да, необходимо пересмотреть законодательство по этому вопросу, но не мешало бы и работникам правоохранительных органов заглядывать на кладбища, особенно в праздничные дни весною и летом (может быть, тогда меньше будет там оскверненных могил и искореженных оград?).

Но представим себе, что эти объекты взяли под свой контроль органы ОВД — исчезнет ли проблема отношения к умершим? Кто будет следить за благоустройством кладбищ, если горкомхозы, которым отпускаются немалые государственные дотации на эти цели, знают о состоянии кладбищ не более, чем мы знаем о жизни марсиан. Куда же используются государственные дотации на благоустройство кладбищ и не лучше ли будет, если их передадут, скажем, епархии, которая использует эти средства по прямому назначению? Во всяком случае, появилась бы гарантия, что человеческое горе не станет предметом наживы (когда, например, бумажные цветочки продаются по кооперативным ценам). Иными словами, нужна целая комплексная программа организации похоронной службы и защиты умерших от посягательств на их прах, без этого наше общество нельзя будет назвать гуманным.

А. БАХМУТОВ,
научный сотрудник краеведческого музея
Пенза



Чем доживший до нынешних дней, не единожды раненный на фронтах участник Великой Отечественной отличается от инвалида войны? Так же болят старые раны, с годами одолевают те же болезни, ведь самым «молодым» фронтовикам перевалило уже далеко за шестьдесят...

Комиссия ВТЭК вольна засвидетельствовать, что болезни ветерана связаны с полученными ранениями и тяготами фронтовой жизни, но может — как, например, язву желудка — признать общим заболеванием. От выводов комиссии зависит не только возможность получения каких-либо льгот, но даже право лечения в военном госпитале, где, не в пример обычным больницам, к недугам бывшего солдата относятся с вниманием.

Но чтобы попасть на решающую для судьбы фронтовика областную втэковскую комиссию, нужно сначала пройти городскую или районную, да еще получить направление от собеса — записям в военных билетах о ранениях комиссии не верят. А для этого нужны справки госпиталей.

На войне мы были так молоды, что не думали о старости. Да и как о ней всерьез можно было думать в той мясорубке войны? Не все записывали номера госпиталей, не предполагали, что от сохранившейся справки о ранении зависит будущее. И вышло: «Без бумажки ты — букашка, а с бумажкой — человек». Центральный архив без указания номеров госпиталей копии справок дать не может. Да и понятно, надо перебрать десятки тысяч дел, а такое им не под силу.

Хорошо, если госпиталь размещался в городе или в поселке, и с выездом на место, с помощью военкомата можно установить его номер. А если солдат после ранения лечился в медсанбате, в армейском или даже фронтовом госпитале, расположенном в палатках или землянках, когда и область-то помнишь предположительно,— тут военкомат не поможет. Кстати, и широко разрекламированная программа помощи бывшим фронтовикам «Забота» таких проблем не касается.

Сколько участников Великой Отечественной войны сегодня осталось в живых? Несколько сотен или десятков тысяч? Почему они, защитившие Родину и честно трудившиеся в мирное время, теперь, уже стариками, должны вести длительную переписку с архивами и мыкаться по стране (если позволяют силы), чтобы подтвердить свои фронтовые ранения и доказать работникам отделов социального обеспечения, что получены они «не на охоте и не в пьяной драке»?

В. КУЛИКОВ,
член КПСС с 1944 года, ветеран войны и труда
Киров

ЛЮДИ И ВРЕМЯ: ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

ИТОГИ ПАРТИЙНОЙ РАБОТЫ ЗА ГОД. 1922—1923 гг. КОМСОМОЛЬСКИЕ КАРНАВАЛЫ

Пробным камнем, на котором мы испытывали свои силы, были наши массовые кампании, из них основная — «комсомольское рождество»... Это попытка совместить веселый, близкий и понятный молодежи и даже религиозно настроенным взрослым карнавал с большой и серьезной антирелигиозной пропагандой... В смысле изучения сравнительной истории религии — карнавал каждому рядовому комсомольцу давал большой толчок. Вынужденный полемизировать с верующими комсомолец должен был всерьез браться за антирелигиозную книжку. Кривая читаемости антирелигиозной литературы очень поднялась во всех московских библиотеках, где читает рабочая молодежь...

В нескольких сотнях пунктов были проведены антирождественские карнавалы...

Вот несколько наиболее ярких фактов из описаний карнавалов.

В Архангельске в шествии участвуют ряженые крестьяне, которые тащат сани с попами. У каждого из крестьян надпись «Доколе, Господи!» — В Симбирске на карнавале проведена была инсценировка «Крестный путь человечества». Состояла она из коротких сцен, ставившихся на остановках шествия: избиение младенцев, инквизиция, гонение сектантов и т. д. Инсценировка имела чрезвычайно большой успех.— В Тамбове шествие открывает колоколенка на грузовике, языки колокола раскачивают Деникина, Колчака, Пуанкаре, Керзона и т. д. Колокольня успешно конкурирует с церковными.

В другом месте карнавал начался инсценировкой на возвышенной площади мифа о Будде.

После двинулся карнавал. Открывал его грузовик с картонными церквами, синагогой, попом и раввином, приплясывавшими при игре оркестра. Дальше подвода с ледяными богами, ряжеными офицерами, нэпманами, меньшевиками.

...Очень любопытно выступление комсомольцев и партийцев Донбасса, инсценировавших 9 января, на улицах Бахмута «Кровавое Воскресенье». Сперва по городу проехала в погонах казацкая сотня, расставили пулеметы. Затем двинулось шествие ряженых комсомольцев, с иконами и царскими портретами. Но зато — после стрельбы иконы и портреты подверглись уничтожению — и комсомольцы вернули окружавшие толпы к 1923 г. [...]

Союз имеет дело с подростками, которые мало знакомы с капиталистическим гнетом. Этот рабочий подросток требует к себе сложного, комбинированного подхода. Подходом к нему является «комсомольское рождество и пасха». Подходом к нему будет книжка «Комсомольцы в дебрях Африки». Так, постепенно всеми этими путями беря его в руки, мы через волшебный фонарь приведем его к политкружку, легче и занимательней построенному. Это время не за горами.

Москва. 1923

ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЖУРНАЛА «РОДИНА»

ПЕРЕСТРОЙКА: ФАКТОРЫ РИСКА

Подводя итоги нашей анкеты, хотелось бы — после обращения к историческим ев аспектам — коснуться и современности, вопросов сегодняшнего дня. Ведь всякая перестройка, где бы она ни осуществлялась, всегда бывает связана с глубочайшими передвлками и даже разрушениями пришедших в ветхость общественных структур, с одной стороны, а с другой — с возникновением новых социальных и политических институтов, ценностей, норм поведения, более полно отввчающих переменившвмуся состоянию страны.

Однако сам двусторонний этот процесс — сломв и одновременного созидания — далеко не всегда совершавтся последовательно, тем паче синхронно. Нередки в нвм и сбои. Возникают нв просто узлы противоречий. Формируются как бы спусковые механизмы кризисных взрывов, ввдущих к деструктивным сдвигам.

Реалии сегодняшнвго дня, отраженные в материалах нашвго опроса, заставляют признавать: существует нв один такой узел, по-своему влияющий и на массовое политическов сознание. В первую голову это упадок социального оптимизма — верный, прямо скажем, признак «нвздоровья» всякого общества. Так, например, свышв 76% читателей убеждены, все мы стоим на грани если и не военного, то экологического уничтожения, краха цивилизации. В сознании людей преобладают ощущения усталости, безразличия, тщетности всех предпринимаемых усилий. Нв случайно жв лишь 46% участников обследования решились причислять себя к счастливым людям. Причвм полностью удовлвтворен среди них своей жизнью всего один из десяти. Показатель, прямо скажем, чрезвычайно низкий, особенно на фоне настроений основной части жителей Западной Европы, среди которых преобладает оптимистическое восприятие настоящего.

Обращаясь к состоянию и путям развития нашего общества, основная часть читателей (44%) продемонстрировала острый скепсис. Страна наша, на их взгляд, движвтся в совершенно неверном направлении. Остальныв же примерно в равной мере либо приемлют такого рода движение, либо предпочитают просто уклоняться от каких-либо оценок. Что, впрочем, не мешает им бросать весьма характерныв реплики в адрес «верхов»:

— Что сейчас творится? Кому верить или доверять?

— Сталин строил социализм, Хрущев — коммунизм, Брежнев — развитой социализм, Горбачев строит обновленный социализм. Кто следующий и что он будет строить? Называйте как угодно это «строитвльство», только дайте возможность человеку жить по-человечески. Это самое главное. А названия?! Все они — ерунда.

— Преобладает шараханье из стороны в сторону.

Анкетирование указало и еще на один тревожный момент — «атомизацию» общества, растущев взаимное обособленив людей. Для многих из них стало свойственно замыкаться в вечных, не поддающихся ни идеологическим, ни политическим, ни каким-либо иным конъюнктурам ценностях. Семья, родитвли, малая родина — вот понятия, которыв делаются для них как бы самодостаточными. Только перед ними и чувствует себя ответственным такой человек. А вот интересы и потребности СССР или своей республики решаются выдвигать на передний план всего 8,7% анкетированных. Зато крепнет индивидуализм, стремленив вообще ни перед кем не отчитываться морально: к этому стремится почти каждый пятый из опрошенных, заявляя, что за свои дела он намерен отвечать только перед самим собой.

Негативные общественные эмоции возникают свгодня дажв там, где совсем еще недавно генерировались по преимуществу позитивныв настроения. К числу явлений такого рода уместно отнести и массовое восприятив нового элемента политического руководства страны — народных депутатов СССР. Одобрение им выражает 45% участников опроса. Почти столько жв отвергают и стиль их поведения, и характер, и цели совершаемых ими действий.

Что раздражает и делает их оппонентами, казалось бы, полностью обновленных органов власти? Материалы обследования указывают лишь на некоторыв из существующих здесь причин.

Прежде всего пробуксовка обновительных процессов. В жизни нашего общества, убеждены читатели, сегодня более всего не дел и перестройки (их отметили 1,9% опрошвнных), не стремления к порядку (5,8%), а практического застоя (23,8%), пустословия (67,6%). Годы общественной встряски, настаивают многие из них, ничего не дали «простому» человеку — тому же рабочему или крестьянину, общественный вес которых (и это — еще одна «неожиданность» проводимых сегодня опросов) не только не упал, но, судя по всему, и проявляет способности к росту. В таком контексте весьма наглядными сигналами неблагополучия смотрятся следующив высказывания:

«Мы сами себя уничтожим. Рвзгул преступности... Никаких мер — одни дебаты».

«Люди устали от эмоциональных перехлестов, субъективизма, политиканства. А ведь чем острее проблема, тем взвешеннев, мудрее должен быть ее анализ».

Именно ощущвние всеобщего упадка, засасывающего страну, и питавт сейчас другой, как бы смежный фактор общественного риска — рост иррациональных, порою «ниспровергательных» суждений. В том числв и обращаемых против КПСС. «Партия начала перестройку...— пишет наш читатель-пенсионер.— Но ведь эта партия заввла страну в тупик. И Сталин, и Брежнее, и Ельцин, и Гришин — это же сыны партии, и любой путь партии порочен...»

Так что снова возникает старый как мир вопрос: кто виноват?

И соотношение мнений выстраивается здесь в недвусмысленную «формулу»:

— Хозяйственное и партийное руководство не в состоянии руководить и справляться со своими обязанностями. . 58,1%
— Кое-кто сознательно противодействует переменам, саботирует, вызывает недовольство людей. 39,8%
— Люди семи забыли, как надо по-настоящему работать 33,6%
— Все еще дают о себе знать последствия культа личности Сталина 13,9%
— Все уходит корнями в эпоху застоя 13,5%

Похоже, что люди все менве склонны взваливать всю ответственность за совершаемыв у нас просчеты и ошибки только на прошлое. Спрос все чаще и настойчивее ведется уже и с нынешних руководителей, попавших под нарастающий огонь критики. Впрочем, к чести опрашиваемых, следует упомянуть: почти каждый третий из них все-таки признавт — начинать надо бы с себя.

Потребность вглядеться в свбя, повернуться лицом к собствeнным проблемам чувствуется сейчас как никогда остро. Не потому ли, скажем, взвешивая, что для страны важней — внешнеполитические или внутренние двла,— основная масса людей, заполнивших наши анкеты, высказывавтся либо за их паритвт (70,3% мнений), либо отдавт предпочтвнив все-таки внутренним делам в соотношвнии 10 : 1.

В свою очередь, в делах отечественных многив склоняются к требованию «прямого» политического участия, все чаще (в 47,9% случаев) связываемого с введвнием в стране института референдума, который ставится в народе выше и Съезда народных депутатов, и Вврховного Соввта СССР. Сюда жв следувт отнести и убежденность, что всех высших руководителей у нас слвдовало бы нв назначать или «утверждать», а избирать путвм прямого и тайного голосования граждан.

Важнвйшая черта переживавмого страной момвнта состоит и в том, что все эти умонастроения и потребности формируются на фоне стремитвльного роста национального самосознания. В том числв и россиян, составляющих, напомним, до 85% опрошенных нами читателей. Причем развивается оно в видв двух разнонаправленных внешнв процессов. С одной стороны, можно говорить о своего рода реакции на давление и угрозу извне, со стороны националистических сил, действующих в иных частях страны. С другой — возрождение этого самосознания выступает в качестве морально-политического условия, органически необходимого самой России для восстановления и укрепления ев государственной суверенности.

Особенно наглядно такого рода двойственность российского (и особенно русского) самоутверждения видна из восприятия опрашиваемыми забастовочных выступлений, начало которым, как мы помним, было положено действиями шахтеров. Иерархия мнений выглядит тут следующим образом:

— Этим людям надоело, что плодами их труда пользуются все, а им не достается ничего; что они живут в своей стране в неравноправном положении. 49,7%
— Терпение русского, украинского и пролетариата других национальностей истощилось; забастовки шахтеров — только первая ласточка. 45,6%
— Случиашееся — следствие непонимания этими людьми сложностей обстановки в стране, излишней их нетерпеливости 12,7%
— Это обычный трудовой конфликт, который не стоит драматизировать 4,2%

Пониманив и сочувствие, как видим, выдвинулись тут на первый план.

Национальное и социальное буквально переплелись в массовом восприятии этих и подобных им событий. Особенно наглядно видно это из отношения людей к забастовкам, потрясшим в том же 1989 году республики Прибалтики и Молдавию. «Это обычные трудовыв конфликты, для которых вопрос о правах русских и прочих «некоренных» национальностей только повод» — так думают о происходящем

лишь 15,5% россиян, охваченных исследованием, проводившимся параллельно с нашим анкетированием в Тамбове, Иркутскв, Улан-Удэ и некоторых других населенных пунктах РСФСР. Основная жв масса убеждена: речь идет о защите гражданских и чвловеческих прав наших соотечественников. Может быть, именно поэтому откровенно критические, твм паче нвприязненныв высказывания в адрес бастовавших остаются покв делом в общвм-то редким. Хотя люди, как правило, и отмечают потери и убытки, наносимые прекращением работы всей экономике стрвны. И все же моральная солидарность берет здесь верх, даже если опрошенный попутно замечавт: «Условия жизни у всех одинаковые, чего бастовать?»...

Обращаясь к итогам анквтирования, уместно заметить и другое. Несмотря на национальную окраску многих из волнующих жителей РСФСР проблем, этническое отчуждение остается у нас явлением пока еще редким, малосвойственным для россиян. Около половины из них (среди опрошенных нами) не перестали питать доверия ко всему без исключения соввтскому народу, не обосабливаются в противостоящие всем остальным общности. Хотя в целом и в среде опрошенных нет-нет да и проскользнет синдром этнического самозамыкания. Так, до трети опрашиваемых предпочитают выражать доверие лишь к своим соплеменникам, противопоставляя их всем прочим, «чужим». Утешением тут может служить одно: мы все еще далеки от другой крайности — полного отчуждения человека от всякого народа вообще. Ни людям своей национальности, ни всему советскому народу нв доверяют у нас не болве 16% граждан — показатель, в полтора-два раза уступающий аналогичным данным итальянского, испанского, французского, немецкого и прочвго происхождения.

Однако, затронув тему национальных чувств, мы подошли к вопросу о восприятии нашими читателями движений и организаций, активно обсуждающих подобныв ценности. В нашем опросе упомянуты две такие силы — Демократический союз и «Память», символизирующие собой, по сути двла, крайние фланги нарождающейся в стране многопартийной политической системы.

И надо сознаться, итоги обследования оказались в этой связи весьма неожиданными. Прежде всего выяснилось, что при всей, казалось бы, настойчивости упоминаний то об одной, то о другой из зтих организаций со стороны органов массовой информации они остаются пока весьма малоизвестными населению, особенно живущему в «глубинке», вдалеке от столиц и больших городов. Так, на незнание «Памяти» ссылается чуть меньше половины опрошенных. В свою очередь, и ДС нвзнаком почти каждому пятому из них.

Бросается в глаза и другое — высокая терпимость к этим движениям. Во всяком случае, на запрещении либо преследовании их настаивают: в отношении Демократического союза лишь 9%, а «Памяти» — 14% читателей. Хотя более или менее убежденных последоватвлей у них также немного. Примерно каждый четвертый из анкетированных нами находит в основном положительные черты у «Памяти». Один из шести симпатизирует ДС. Остальные жв, не питая к ним ни вражды, ни дружбы, отстаивают вдинственный, на их взгляд, верный способ взаимоотношений с неформалами — осторожное «наведение мостов» путем политического диалога.

Впрочем, при всей своей терпимости немалое число наших корреспондентов оставило на полях анкет и конкретные, порой достаточно резкие высказывания в тот или другой адрес. Скажем, в отношении ДС:

«Кто это, еще одни болтуны?»

«Приверженность идеям ДС, на мой вэгляд, базируется на низкой культуре, малограмотности и национальных чувствах».

«Окончательно уничтожить Россию, не дать ей возродиться — это их план».

«В экстремизм ДС загнала КПСС».

Не менее образные оценки даются и «Памяти». Взгляды на нее при всем их разнообразии можно свести к нескольким достаточно типичным подходам:

«Память» хотелось бы запретить, но вряд ли получится».

«Черная сотня» — только вред самим русским!»

«Отдайте им власть, и через год будет мясо».

Для полноты картины уместно заметить и другое. Многие среди опрошенных вообще не склонны хоть как-то разделять или группировать действующие в стране «неформальные» движения, они воспринимают их как нечто единое, хотя и наделенное порою какими-то особыми чертами и свойствами:

«Все эти ДС, «Память» — антитела больного государства».

«Что дают разного рода неформалы? Кроме разделения общества — ничего. Под видом этих движений скрываются всякого рода бездельники, которые будоражат народ».

«ДС, «Память» и другие подобные организации хоть немного пошатнули устои коммунистической идеологии».

И трудно сегодня ответить, что же способно снять усиливающуюся день ото дня в нашем обществе напряженность, как можно смягчить воздействие факторов риска. Опрос же наш в состоянии указать лишь на некоторые из тенденций. И среди них — на укрепление российской государственности, республиканского суверенитета. В том числе и путем воссоздания единой партийной организации РСФСР. Хотя сам по себе вопрос этот далеко нв прост.

Начнем с того, что сравнение итогов проведенных нами зондажей массовых настроений показывает: доля сторонников российской компартии растет. Только за лето 1989 — зиму 1990 года она увеличилась с 35 до 54%. В то время как удельный вес противников подобного шага сократился с 24 до 12% и, судя по всему, не прекратил еще падения. К тому же немалое число людей, считающих такое решение нужным, но пока несвоевременным, составлявт и «естественный» резерв для поддерживающих данное предложение.

При этом нельзя не заметить, что настроения такого рода носят во многих случаях как бы вынужденный характер и представляют собой реакцию массового политического сознания россиян на разгул центробежных движений в стране. Отсутствие у России своей партии вызывает у наших соотечественников чувство ущемленности. И хотя многие из опрошвнных нами сознают: появление российской партии способно будет подтолкнуть и федерализацию КПСС, и конфедерализацию Союза,— они твм нв менее готовы всем этим рискнуть. Ибо угроза российским интересам представляется многим из них несравнимо большим злом. К тому же ход общественных событий как бы утверждает их в этом мнении чуть ли не с каждым новым днем. Последний тому пример — поток беженцев, хлынувший в республику из Закавказья и даже Прибалтики. Так что все зти проблемы, судя по всему, и принадлежат к числу важнейших факторов риска на пути общественных перемен.

Свргей ВАСИЛЬЦОВ,
доктор исторических наук

«КАКИЕ ПРОФЕССИИ В НАШИ ДНИ ЗАСЛУЖИВАЮТ ОСОБОГО УВАЖЕНИЯ?»

Член правительства	5,8
Крестьянин	49,5
Военный	2,8
Медик	28,0
Чекист	4,7
Космонавт	11,2
Пожарный	1,9
Писатель	10,3
Артист	0,8
Кооператор	9,3
Летчик	3,7
Журналист	14,0
Советский работник	8,9
Милиционер	3,7
Экономист	8,8
Инженер	11,2
Юрист	1,8
Руководитель предприятия	4,7
Партийный работник	0,8
Ученые (в целом)	18,7
Служащий	2,8
Рабочий	51,4

«СЕГОДНЯ НЕРЕДКО ПРИХОДИТСЯ СЛЫШАТЬ, ЧТО РОССИЯ, КАК И ДРУГИЕ СОЮЗНЫЕ РЕСПУБЛИКИ, ДОЛЖНА ИМЕТЬ СВОЮ ПАРТИЮ (С ЦК), АКАДЕМИЮ НАУК И ПР. ЧТО ВЫ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ ДУМАЕТЕ?» *

Да, они необходимы	52,3
Нужны, но сейчас не время ставить этот вопрос	18,1
В этом нет особой необходимости	18,1
Этого России не требуется	8,0
Трудно сказать, не дали ответа	3,5

* Примечание: большая часть ответов на этот вопрос была получвна до образования Российского бюро ЦК КПСС.

Ленин — ВЕЛИКИЙ человек, но — человек. Ленины, Марксы рождаются раз в сто лет. Но и они — дети своей эпохи, и они «обусловленны», и они «развиваются». Ленин первый отверг бы и осмеял бы «идеал» штампованного пророка, который уже во чреве матери «все предвидел» и был «во всем прав». Надо дать ИСТОРИЧЕСКОГО Ленина. И именно он — живой, и именно он прекрасен, и именно он — на столетия.

Г. Е. ЗИНОВЬЕВ

ЛЕНИН ИСТОРИЧЕСКИЙ

Личность ввликого человека всегда вызывает повышенный интерес. Не стал исключением и В. И. Ленин. В последнее время появляется особенно много работ, посвященных ему. Часто они воспринимаются как откровения, новое слово в исследовании личности Ленина и его роли в революционном движении. Но попытки резко критического анализа предпринимаются не впервые. Были они и при жизни Владимира Ильича, и особенно после его смерти.

Смерть Ленина явилась рубежным событием для его идейных и политических протиеников, она обнажила их точку зрения на его личность. Казалось бы, представилась возможность напасть на человека ужв беззащитного, неспособного ответить на самые резкие выпады, возможность свести счеты, растоптать его. Но как раз этого и не попытались сделать серьезные противники Ленина. У них было больше оснований ненавидеть вго как личного врага, нежели у некоторых современных исследователей. Тем не менее не произошло срыва в безудержную брань — была сделана попытка проанализировать его путь.

Думается, и сегодня суть вопроса не в том, чтобы нападать на выдающегося деятеля прошлого или защищать его. Необходимо именно проанализировать и победы его, и поражения, прислушиваясь ко всем точкам зрения, используя как можно больше документов, принадлежащих перу как соратников Ленина, так и его противников. Долгое время документы русского зарубежья были спрятаны в отделы специального хранения архивов и библиотек. Сейчас эти тексты возвращаются из небытия, становятся известны не только узкому кругу ученых, но и широкой общественности. В этом ряду — публикуемые здесь три отклика на смерть Ленина. У их авторов-змигрантов были основания считать вождя революции виновником своих бед, еышвырнувшим их из России. И тексты действительно носят личностный, субъективный характер: в них весь спектр человеческих чувств — от восхищения до резких выпадов, прорывов ненависти, не всегда справедливых упреков и запоздалых обвинений. Но не зто главное. Сумев подняться над личными обидами и амбициями, стремясь более объективно оценить личность Ленина, зти люди и сами себя поднимают в глазах современников и потомков.

Хотелось бы, чтобы читатель увидел и второй план зтих документов. Размышляя о Ленине, авторы думали и о себе, о собственной роли е российской истории, сознательно или неосознанно соизмеряли себя с великим человеком, присматриеались к себе через него. Это было одной из возможностей договорить недосказанное и проверить свои аргументы в долгом и оставшемся незавершенным споре. Первый из публикуемых документов — «Ленин» — принадлежит перу Виктора Михайловича Чернова (псеедоним — Ю. Гарденин) (1873—1952), русского политического деятеля, одного из организаторов партии зсеров, члена ее ЦК. После февральской буржуазно-демократической революции 1917 года Чернов вернулся

в Россию из первой эмиграции, был министром земледелия во Временном правительстве. С 1920 года — вновь за границей. Во время второй мировой войны участвовал во французском движении Сопротивления.

Второй текст — «Смерть Ленина» — редакционная статья республиканской демократической газеты «Руль», издававшейся в Берлине с 1920 по 1931 год под редакцией И. В. Гессена, А. И. Каминки, В. Д. Набокова.

Третий документ принадлежит, по-видимому, Павлу Николаевичу Милюкову (1859—1943), русскому политическому деятелю, историку и публицисту, одному из организаторов кадетской партии. Милюков был членом Государственной думы 3-го и 4-го созывов, министром иностранных дел во Временном правительстве (до 2(15) мая 1917 года). С 1920-го — в эмиграции. Издавал в Париже газету «Последние новости» (до 1940 года). Во время второй мировой войны выступал против сотрудничества русской эмиграции с фашистами.

Последний документ — «К партии. Ко всем трудящимся» — несколько выпадает из общего контекста. Это официальное обращение экстренного Пленума ЦК РКП(б), состоявшегося в ночь с 21 на 22 января 1924 года. Но публикация его наряду с материалами русского зарубежья кажется нам необходимой. Без этого картина существовавших точек зрения на смерть Ленина была бы неполной, односторонней. И наоборот — многие оценки будут выглядеть по-иному, более выпукло, зримо в сравнении, в противопоставлении взглядов идейных противников и соратников — товарищей Ленина по партии, людей, которые были с ним рядом в моменты триумфа и величайших потрясений Революции.

САМЫЙ КРУПНЫЙ ХАРАКТЕР РЕВОЛЮЦИИ*

Ленин умер. Умер второй раз,— физически. Духовно и политически он умер уже давно,— по меньшей мере год тому назад. Мы уже привыкли давно говорить о нем в прошедшем времени. И потому нам не трудно теперь писать о нем просто и безгневно. И поскольку в исторически еще неостывших делах человеческих возможно безстрастие, мы можем, не насилуя себя, пойти навстречу его требованиям, тем более, что достоинство истинного революционера требует воздания всякому своему противнику должного, а не оскорбительных выкриков в догонку его только что снаряженному гробу.

Ленин был большой человек. Он не только был самой крупной фигурой возглавляемого им движения,— он был (и по заслугам) его «некоронованным королем». Он был и головою движения, и его волей,— я бы сказал даже «и его сердцем», если бы и вся его натура, и природа руководимой им партии не ставили безсердечности себе в революционный долг.

Ум у Ленина был энергический, но холодный. Я бы сказал даже: это был прежде всего насмешливый, язвительный, цинический ум. Для Ленина не могло быть ничего хуже сантиментальности. А сантиментальностью для него было всякое вмешивание в вопросы политики — морального, этического элемента. Все это было для него пустяком, ложью, «светским поповством». В политике есть лишь расчет. В политике есть лишь одна заповедь: добиться победы. Одна добродетель: воля к власти для осуществления целиком своей программы. Одно преступление: нерешительность, упускающая шансы успеха.

Военные говорят, что «война есть продолжение политики, только иными средствами». Ленин выворотил бы это положение наизнанку: политика есть продолжение войны, только иными средствами — средствами, маскирующими войну. В чем сущность войны для обычного «морального сознания»? В том, что война узаконяет, возводит в принцип, в апофеоз, то, что в мирное время считается преступлением. Обращение цветущей страны в пустыню — война делает естественным тактическим приемом, грабежи — реквизицией, обман — военной хитростью, готовность выкупаться в крови врага — боевым энтузиазмом, безчувственность к жертвам — самообладанием, безпощадность и безчеловечность — долгом. В войне «все позволено», в войне всего целесообразнее то, что всего недопустимее в нормальном общении человека с человеком. А так как политика есть лишь скрытая форма войны, то правила войны суть правила политики.

Ленина часто обвиняли в том, что он не хочет или не умеет быть «честным противником». Но для Ленина самое понятие «честного противника» было нелепостью, обывательским предразсудком. Им порой можно воспользоваться, немножко по иезуитски, в собственных интересах, но принимать его в серьез глупо. Защитник пролетариата не только в праве, но и обязан по отношению к врагу отбросить всякие scrupules**. Ввести его в заблуждение, сознательно обмануть, допустить по отношению к нему заведомое преувеличение, неправду, выставить его в наивозможно худшем виде, возбудить по отношению к нему, во что бы то ни стало, самые отвратительные подозрения — все это Ленин считал в порядке вещей, и не скрывал, что считает в порядке вещей. Трудно превзойти Ленина в цинической грубости, с какой он развивает все это в особой записке по вопросу о третейском суде с меньшевиками, ныне целиком напечатанной в приложении к последнему тому полного собрания его сочинений[1]. Ленин по совести разрешал себе переноситься «по ту сторону совести» в отношениях ко всем, кого считал врагами своего дела. Отбрасывая или попирая ногами при этом все нормы честности, он оставался — «честен с собой».

Ленин, как марксист, был теоретиком классовой борьбы. Его личным вариантом этой теории было признание, что необходимым апогеем классовой борьбы является гражданская война. Можно сказать, что классовая борьба была для него всего лишь недостаточно развернутой, зачаточной, эмбриональной формой гражданской войны. Всякое серьезное партийное — иногда даже фракционное — разногласие он стремился объяснить, как рефлекс, как отражение каких-то классовых противоречий. И когда он раскалывал партию, он в процессе этого раскалывания честно совершал самые возмутительные, самые отвратительные вещи. Ведь раскалываемая партия есть незаконное соединение классово-враждебных тенденций, а со всем, классово враждебным, надо поступать по правилу: на войне, как на войне.

В расколах, во фракционной борьбе, протекала вся жизнь Ленина. В ней и развилась его несравненная мускулатура гладиатора, профессионала-борца, ежедневно практикующегося, ежедневно изобретающего новые трюки и уловки, чтобы положить противника на обе лопатки. Эта практика выковала в нем изумительное хладнокровие, способность в самых опасных положениях не теряться, сохранять присутствие духа и надежду как нибудь «вывернуться». Счастливая целостность его натуры и сильный жизненный инстинкт облегчали ему здесь его внутреннее «credo, guia absurdum»*** и делали из него какого-то духовного «Ваньку-Встаньку». После всех неудач, ударов судьбы, поражений, даже стыда и позора, он умел духовно выпрямляться и «начинать сначала». Его волевой темперамент был, как стальная пружина, которая тем сильнее «отдает», чем сильнее на нее нажимают. Это был сильный и крепкий партийный и политический боец, как раз такой, какие нужны, чтобы создавать и поддерживать в своих сторонниках подъем духа, и чтобы при неудаче предупреждать зарождение среди них паники, ободряя их силою личного примера и внушением неограниченной веры в себя,— и чтобы одергивать их в моменты удачи, когда так легко и так опасно превратиться — выражаясь словами Ленина — в «зазнавшуюся партию», способную почить на лаврах и проглядеть будущие опасности.

В этой необыкновенной целостности натуры заключался и в значительной мере секрет умения Ленина импонировать своим сторонникам. Его ничем непреоборимый, действенный оптимизм, даже в такие моменты, когда все дело казалось погибшим, и все готовы были потерять голову, не раз оправдывался просто потому, что Ленина во время спасали ошибки врагов. Это бывал просто слепой дар судьбы, удача; но удача

* Заголовок изменен. В статье сохранена авторская орфография.
** Сомнения *(лат.)*.

*** Верую, потому что абсурдно *(лат.)*.

венчает лишь тех, кто умеет держаться до конца даже в явно безнадежном положении. Большинство сдается, не дожидаясь этого конца,— не хочет даром тратить силы, не хочет явно ненужных и безполезных жертв. И по своему они правы и благоразумны; только именно их благоразумие часто и не позволяет случайной удаче их выручить. Вот почему есть некое высшее благоразумие в неблагоразумии человека, готового истощить до конца последнюю каплю сопротивляемости вопреки всему: вопреки стихии, логике, судьбе, року. Такого благоразумного неблагоразумия природа отпустила Ленину необыкновенно много — быть может, черезчур много. Зато для окружающих, для друзей, для приверженцев, для массы — факт, что Ленин не раз выводил партию из самых отчаянных ситуаций, превращался в какое-то чудо, и разумеется приписывался его гениальной прозорливости, т. е. как раз тому качеству, которого у него в большом, историческом масштабе совершенно не было. Ленин был прежде всего — фехтовальщик. А фехтовальщику не нужно провидений, не нужно слишком сложных идей, может быть вообще не следует черезчур задумываться: но надо уметь сосредоточить на одном все внимание и все силы, приковать свой взгляд ко всем движениям противника, обладать чисто инстинктивной находчивостью и приспособленностью всех рефлексов, чтобы в должный момент на каждое данное действие врага найти без малейшего промедления самый удачный ответ.

Ум у Ленина был не широкий, но интенсивный; не творческий, но изворотливый и в этом смысле изобретательный. Он был большим мастером в оценке любой наличной политической ситуации, великолепно ориентировался в ней, метко схватывал в «текущем политическом моменте» все, что его отличало от предыдущего, и проявлял большое практическое политическое чутье в предвидении ближайших его политических последствий. И с этим непосредственным тактическим здравомыслием в необычайно резком на первый взгляд противоречии стояла абсолютная безпочвенность и фантастичность всех его прогнозов более широкого исторического размаха, и всех его программных идей и планов, разсчитанных не на сегодня и не на завтра, а на целую переживаемую эпоху. Составленную им для социал-демократии в начале 900-х годов аграрную программу, которую он вынашивал добрый десяток лет, постиг полнейший провал; после этого он же весьма ловко маневрировал с аграрными лозунгами, наскоро перехваченными у партии социалистов-революционеров, лозунгами, на борьбу с которыми он сам затратил столько сил и темперамента. Конкретный способ действий, который, при смене обстоятельств, изобретал он в каждый данный момент для скорейшего захвата власти, отличался необыкновенной практичностью; но грандиозная программа, намеченная на проведение в жизнь после захвата власти и разсчитанная на целый исторический период, оказалась ниже всякой критики и разлетелась вдребезги при первом соприкосновении с действительностью. Это был отличный революционный и государственный деловик, но исторический провидец это был просто никакой. Его «малый политический разум» был блестящий; его «большой политический разум» был перманентным банкротом.

Считаясь с особенностями духовного склада русского революционера, русского интеллигента, Ленин должен был заплатить большую дань делу всяческого теоретизирования, и даже философствования. Назвался груздем, полезай в кузов; назвался вождем партии, поставляй ей все потребное, вплоть до собственной патентованной философии. И когда среди русских марксистов пошел философский разброд мыслей и завелись разные эмпириокритические ереси, Ленин, не долго задумываясь, засел в библиотеку, со свойственным ему упорством преодолел труды тех, кто в Европе служил философским прототипом для русских «ересей» и «еретиков», еще тщательнее пересмотрел писания их критиков, а затем смастерил целую книгу, в которой «разделал» всех этих Шуппе[2], Лаасов[3], Махов[4], Авенариусов[5], Петцольдов[6] и им подобных так, как привык разделывать у себя в партии непослушных и бунтовщиков: как дураков и мальчишек. В первый и последний раз произвел он эту карательную экспедицию в область философии. Он сделал это не по своей охоте, а из чувства долга, подобно тому генералу, который говорил: «прикажут — акушером буду». Больше делать этого было некому, и Ленин взялся за дело. Was er selbst hat noch gestern gelernt, das mußte er heute schon lehren*,— как говорят немцы; и неудивительно, что целым рядом грубейших промахов и наивностей он головой выдал свою абсолютную чуждость этой области мысли и свою полную неприспособленность к философствованию... Но и в этой книге он тот же, что и везде,— уверенный, не подозревающий того, где и в чем он беспомощен, ломящий напролом, исполненный пренебрежения к другим и поставивший себе за правило аффишировать это пренебрежение, это презрение еще в большей мере, чем имеет его на деле.

Как человек «с истиной в кармане», он не ценил творческих исканий истины, не уважал чужих убеждений, не был проникнут пафосом свободы, свойственным всякому индивидуальному духовному творчеству. Напротив, здесь он был доступен чисто азиатской идее, сделать печать, слово, трибуну, даже мысль — монополией одной партии, возведенной в ранг управляющей касты. Здесь он походил на того древнего мусульманского деспота, который произнес приговор над сокровищами александрийской библиотеки: если там сказано то же, что в коране, то они — лишни; а если другое, то они — вредны.

Если ум его был абсолютно лишен творческой складки, если он мог быть только искусным, темпераментным и неутомимым толкователем и перетолкователем готовой доктрины, если ему была в высшей степени свойственна узость и однобокость мысли, «граничащая с ограниченностью», то в пределах этой узости, этой ограниченности он достигал большой и своеобразной силы. Эта сила сказывалась, главным образом, в необычайной, в абсолютной ясности, можно сказать прозрачности всех положений. Тут уж он шел неумолимо до политического конца (хоть ad absurdum)**, не оставлял ничего расплывчатого, ничего неопределенного (кроме тех случаев, когда это надо было ему сознательно допустить из соображений дипломатии): все конкретизировалось и упрощалось до последних пределов возможного. В связи с этим, быть может, стояла и специфическая особенность Ленина, как оратора. Он никогда не был блестящим фейерверкером слов и образов. Это не было «красноречие» в собственном смысле: говорил он вовсе не красно. Он бывал и неуклюж и грубоват, особенно в полемике; он часто повторялся, «одно и тоже твердословил». Но в этих повторениях, и в грубоватости, и в простоте была своя система и своя сила. Сквозь разжевывания и неуклюже-сильные взмахи, сквозь топорность выходок и вылазок пробивалась живая, неугомонная волевая стихия, твердо шедшая к намеченной цели. Эта стихия, раз захватив, уже не выпускала, не ослабляла своего напора; ее монотонная приподнятость гипнотизировала; несколько разных словесных варьяций одной и той же мысли пробивали себе дорогу в чужое сознание не в той, так в другой форме; как капля, долбящая камень, затверженное втеснялось в ум и навязывало себя памяти. Редко кто умел до такой степени бить в одну точку. И, наконец, Ленин умел ощущать свою аудиторию, умел возвышаться над ней не больше, чем нужно, умел даже во время вернуться к ней, даже принизиться к ней,— так, чтобы не создалось нарушающего гипноз отрыва, так, чтобы произвести в данный момент наибольшее давление на волевое состояние аудитории. И в то же время он лучше, чем кто либо, знал, что толпа — словно конь, любящий шпоры и твердую узду седока, что толпа любит поработиться; и он умел, когда надо, взять с нею тон властный, требовательный, обличающий, даже бичующий. «Это не оратор, но это, пожалуй, побольше оратора»,— сказал про Ленина кто-то, и сказал метко.

Воля Ленина была сильнее его ума. И потому ум его в своих извилинах и зигзагах был угодливо покорен его воле. Вот почему, когда торжество увенчало, наконец, усилия и труды его долголетней подпольной жизни, Ленин приступил к воплощению своей «идеи» не как социалистический мыслитель, заранее взвесивший все элементы созидательной проблемы, имеющий свой творческий синтез и свой «операционный план», с полною перспективой последовательных и друг друга дополняющих мер. Нет, и на область чисто конструктивной деятельности он без дальнейшей процедуры переносил те же руководящие принципы, которые действительны в области борьбы, т. е. деятельности деструктивной. Он любил повторять слова Наполеона: on s'engage, et puis on voit***». Надо в социальном творчестве смело начать с чего нибудь, а лучше всего сразу с нескольких пунктов, чтобы неудача в одном не остановила дела; а там уж действовать,

* Тому, чему сам научился еще вчера, он вынужден был сегодня учить других *(нем.)*.

** До абсурда *(лат.)*.
*** Сначала надо ввязаться в бой, а там видно будет *(франц.)*.

смотря по обстоятельствам, как подскажут опыт и практика. Надо нв бояться ошибок, учиться на ошибках, бросать неудачное, переделывать сызнова и сызнова, действовать где прямо, где обходными путями. Ленина чаще всего воображали слепым упрямым догматиком; но он был догматиком лишь постольку, поскольку отсутствие творческого гения неизбежно приковывало вго к какой нибудь из готовых творий; раз езявшись ее защищвть, он, конечно, не уступал ни пяди врагам. Но он вовсе не был догматиком по натуре, он влюблялся не в стройность и симметрию головного творчества, а лишь в успех на арене политической и революционной «игры», где надо поймать момент и сорвать ва-банк. И потому он охотно становился змпириком, экспериментатором, игроком. Отсюда же и его оппортунизм — черта, совершенно не мирящаяся с настоящим догматизмом. Его ум был покладист, и эластичен, и изворотлив. Он послушно становился на запятки воли. Воля же Ленина, поистине, была из ряду вон выходящею психоэнергетическою величиною. Я думаю, что в лице Ленина сошел в могилу самый крупный характер из выдеинутых русскою революцией.

Ленина охотно считали честолюбцем и властолюбцем; но он был лишь естественно, органически властен, он не мог не навязывать сеоей воли, потому что был сам «заряжен двойным зарядом» ее, и потому, что подчинять себе других для него было столь же естественно, как центральному светилу естественно притягивать в свою орбиту и заставлять вращаться вокруг себя меньшие по размеру планеты,— и как им естественно светить не своим светом, а отраженным солнечным. Но «почестей» Ленин не любил, и пышность, парадность не радовала его глаз; плебей по привычкам и натуре, он оставался прост и натурален в своем быту после октябрьского торжества так же, как и до него. Ленина охотно представляли себе безсердечным, фанатичным «сухарем»; но его безсердечие было чисто головное, разсудочное, направленное на «дальних»: на врагов его дела, его партии. С «ближними» — же он был приветлив, добродушно весел и обходителен, как простой хороший товарищ; и недаром любовно фамильярное «Ильич» получило такое распространение среди рядовых большевиков. Да, Ленин был добродушен. Но добродушие и доброта — не одно и то же. Подмечено, что все физически очень сильные люди обычно бывают добродушны. Это добродушие есть просто побочный продукт благодушной удовлетворенности, происходящей от сознания силы. Таким же добродушием большого сен-бернара по отношению к маленьким дворнягам был полон и Ленин по отношению к своим «ближним». Что же касается настоящей внутренней доброты, то ее Ленин вероятно считал одной из ненужных и мешающих людских слабостей. По крайней мере когда он хотел возможно презрительнее третировать кого-нибудь из своих противников-социалистов, то к его имени он прибавлял зпитет «добренький»... Этим было все сказано: значит — мягкотелость, размазня, слякоть.

Он всю жизнь посвятил борьбе за рабочий класс. Любил ли он его? Очевидно, да,— хотя струнка любви к конкретному, живому рабочему у него звучала слабее струнки ненависти к конкретному, живому зксплуататору. Пролетариат он любил тою же самовластной, деспотически требовательной, жестокой любовью, какой некогда любил и спасал человечество — Торквемада[7].

Ленин, действительно, по своему любил тех, кого ценил, как слуг «дела»; он легко им прощал их ошибки, даже их измены, хотя порой задавал им хорошие головомойки, чтобы их возвратить «на путь истинный»: злопамятства, злобности в нем не было; но зато враги его дела для него были не живыми людьми, а подлежащими уничтожению абстрактными величинами; он ими не интересовался; они были для него лишь математическими точками приложения силы его ударов, мишенью для постоянного, беспощадного обстрела. За простую идейную оппозицию партии в критический для нее момент, он способен был, не моргнув глазом, обречь на разстрел десятки и сотни людей; в сам он любил беззаботно хохотать с детьми, любовно возиться с щенками и котятами. Аморалистом он был не из-за того, чтобы в его груди жили легионы страстей, ниспровергающих всякие моральные нормы и переступающих через все заповеди; о, нет, его эмоциональная сторона была однообразна, была скудна, но в зтой маниакальной сосредоточенности и опасна; он был профессиональным борцом, он был политическим боксером на арене социальных распрей, и в этом смысле знал «одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть»: этой страстью была сама его профессия, сама борьба, само переливание своей воли в формы политических событий. И аморализм его был простым производным из монопольного владычества над ним этой страсти. Его моноидеизм был его слабостью и его силой, его своеобразной красотой — и его уродством.

Говорят, что стиль — это человек. Еще вернее будет сквзать, что мысль — это человек. И если Ленин вложил все же нечто «свое» в проповеданную им доктрину классовой борьбы, то зто своеобразное толкование диктатуры пролетариата — толкование, всецело носящее на себе печать концентрированного «волюнтаризма» его личности. Социализм — освобождение труда; среди трудящихся пролетариат есть наиболее чистое выражение — крепкий зкстрат или вытяжка — трудового начала. Но и среди самого пролетариата есть более и менеє «чистые» пролетарские слои. Если необходима диктатура пролетариата над массою трудящихся, то на том же основании в самом пролетариате необходима диктатура авангарда его над остальною пролетарскою массой. Это — экстрат из экстрата, вытяжка из еытяжки: истинно пролетарская партия. Но и внутри партии по тому же закону необходим режим внутренней диктатуры твердокаменных элементов над расплывчатыми. Это восходящая система диктатур, и фактически ее увенчивал — и не мог не увенчиеать — диктатор просто, каким Ленин и был. Его теория диктатуры пролетариата была, таким образом, целой системой диктаториальных кругов — подобных кругам Дантова ада — и в целом являлась универсальной теорией диктаториального, *опекунского* социализма. А, значит,— полной противоположностью настоящего социализма — социализма, как системы хозяйственной демократии. Эта излюбленная, интимнейшая,— единственная собственно ленинская — идея была — contradictio in adjecto*. И зто внутреннее противоречие не могло не явиться в конце концов источником внутреннего разложения и распада созданной им партии.

Он умер. Его партия, возглавляемая людьми, которых он долго формовал по своему образу и подобию, людьми, которым легко быть его подражателями и столь же трудно — его продолжателями, уже в последнее время повторяла в своей коллективной судьбе его личную судьбу: становилась живым трупом. Ленин больше не сможет гальванизировать его зарядами собстеенной воли. Он весь израсходовался на нее — без остатка. Она тоже вся внутренне израсходована. На свежей могиле учителя и вождя, умевшего сколотить ее воедино глубоко врезающимися железными обручами, она на момент сплотится теснее, и произнесет обеты верности много говорящему в прошлом и ничего не говорящему в настоящем и будущем завещанию учителя. А затем — погрузится в будни и подпадет опять под власть неумолимых законов размагничивания и распада.

В. ЧЕРНОВ

«Воля России». № 3 1924 года

* Внутреннее противоречие (*лат.*).

[1] Вероятно, имеется в виду записка о третейском суде между товарищем N, привлеченным к суду «за ложное заяаление с целью дезорганизовать партию», и членами ЦК Глебовым, Любимовым и Красиным. Ленин писал в ней о необходимости своего участия в судебном разбирательстве и выдвигал обвинения против названных членов ЦК. В. М. Чернов ссылается на: Ленин В. И. Собр. соч., изд. 1-е, М., 1923, 1925, т. 5, сс. 513—520. См. также: Ленин В. И. ПСС, т. 9, сс. 117—125.

[2] Шуппе Вильгельм (1836—1913) — немецкий философ-идеалист, представитель имманентной философии (направление, отождествляющее бытие, познаваемую реальность с содержанием сознания и отрицающее существование внешней по отношению к сознанию действительности).

[3] Лаас Эрнест (1837—1885) — немецкий философ и педагог, субъективный идеалист. Разработал систему познания — «коррелятивизм», согласно которой субъект и объект «соотносительны», бытие имманентно сознанию, мир — сумма возможных ощущений.

[4] Мах Эрнест (1836—1916) — австрийский физик и философ-идеалист. Согласно Маху, мир есть «комплекс ощущений», задача науки лишь описывать эти «ощущения».

[5] Авенариус Рихард (1843—1896) — швейцарский философ-идеалист, один из основоположников эмпириокритицизма (от греческого empena — опыт; «критика опыта»).

[6] Петцольд Йозеф (1862—1929) — немецкий фипософ-идеалист, представитель змпириокритицизма.

[7] Торквемада, **Торкемада** Томас (около 1420—1498) — глава инквизиции в Испании, монах-доминиканец, отличался исключительной жестокостью.

БЕЗ ВОЖДЯ

Если бы советская власть была в таком положении, что могла бы думать и заботиться о завтрашнем дне, ей не трудно было бы подготовить общественное мнение к смерти Лвнина и сделать зто известие совсем незаметным. Судьба благоприятствовала коммунистам. Болезнь Ленина — прогрессивный паралич — такова, что он мог умереть, и весьма быстро, после первого проявления этой болезни два года назад. Случись так, смерть Ленина застала бы коммунистов врасплох и притом как раз в тот момент, когда партия отреклась от коммунистического эксперимента и беззаботно переходила к нэпу. Но судьба, повторяем, оказалась милостивой к советской власти и, превратив Ленина в труп, формально оставила его в живых. Два года было отпущено в распоряжение коммунистов, чтобы приспособиться обходиться без Ленина, чтобы постепенно забыть его и тем самым подготовить безболезненность для партии его ухода. Все это злементарно ясно, и, конечно, советская власть так бы и поступила, если бы ей оставлена была возможность размышлять и заботиться о завтрашнем дне. Только потому, что она этой возможности не имеет, она поступила как раз наоборот. Она не только не старалась приучить к мысли, что Ленин выбыл из строя, что нужно обходиться без него, но, напротив, всячески старалась возбудить надежду, что Ленин поправится и вернется к руководительству партией и властью. Как должны себя чувствовать теперь те иностранные знаменитости, которые не пожалели своей ученой репутации, чтобы составлять бюллетени о здоровье Ленина, которые помогали коммунистам беззастенчиво лгать перед всем миром?

И чем дальше, тем лгать приходилось все более нагло и более нелепо, не останавливаясь перед тем, чтобы показаться просто до шутовства смешным и вызвать всеобщее издевательство над собой. Рекорд в этом отношении достигнут был чуть не накануне самой смерти, когда с неделю назад мы вдруг, глазам не веря, прочитали в советских газетах сообщение о том, что Ленин стреляет ворон и что его с трудом удержали от поездки в Москву для принятия участия в роковой дискуссии. Знали ведь тогда коммунисты, видели, что агония началась, что к похоронам готовиться нужно. Да! Знали и видели, но ведь не было у них другого козыря, которым можно было бы бить запутанные известия о затяжной таинственной болезни Троцкого, столь же предупредительно подписанные иностранными светилами[1]. Пришлось играть краплеными картами.

А теперь приходится за зто расплачиваться. Даено известно, что глупому сыну не в помощь богагство. Подарком судьбы коммунисты не сумели или не могли воспользоваться. Они все сделали, чтобы внушить мысль, что без Ленина партия и советская власть существовать не могут. На последней дискуссии Ленин был в устах всех ораторов чуть ли не каждым десятым словом, и это до того осточертело, что один из говоривших наконец не выдержал и заявил, что это демагогический прием...

Болезнь Ленина была такова, что он еще год мог прожить в животном состоянии. Но судьба словно мстила за то, что ее прежняя милость не пошла впрок, и убрала Ленина в самый критический момент, когда после тяжелых хозяйственных неудач оппозиция вырвалась бурно наружу и заменившей Ленина гнусной тройке громко заявлено и брошено в лицо, что она никаким авторитетом не пользуется, что она обманывает партию и всем жертвует для удержания власти в своих грязных руках[2]. Вот почему смерть Ленина, которая после двухлетнего пребывания его в состоянии живого трупа могла пройти совершенно незаметно, превращается в событие огромной исторической важности. Не только потому, что, безжалостно разоблачив беззастенчивую ложь коммунистов, она подтвердила, что только на лжи они и могут держаться. Но наступив в момент величайшей внутренней растерянности и остроте распада, зта смерть наносит коммунистам coup de grâce, ошеломляющий толчок, который отнимает последнюю возможность удержаться на наклонной плоскости. Завтрашний день никаких радостных надежд не внушает, напротив, эта бесславная смерть духовно давно умершего вождя отбрасывает на этот день еще более мрачную тень. Но никакого сомнения быть не может, что она страшно приближает неминуемую развязку.

«Руль», 24 января 1924 года

[1] В это время в центральной и местной печати публиковались бюллетени о состоянии здоровья Л. Д. Троцкого, заболевшего воспалением легких.

[2] Речь идет о дискуссии, развернувшейся в партии в конце 1923 — начале 1924 года. Начало ей положило письмо Л. Д. Троцкого членам ЦК и ЦКК от 8 октября и так называемов «Заяаление 46-ти» от 15 октября 1923 года. Появление этих документов было вызвано резким обострением экономического кризиса (что угрожало разрывом «смычки» между рабочими и крестьянами), нараставшей бюрократизацией партийного аппарата, а также заметной активизацией «руководящего ядра ЦК» и прежде всего «тройки» (Зиновьева, Каменева и Сталина), которая стремилась дискредитировать Троцкого и добиться его политической изоляции.

ЛИЦО И ЛЕГЕНДА*

...Ленин и большевизм — разве зто не одно и то же? На протяжении истории большевизма был не один момент, когда вся партия воплощалась в Ленине.

Но прошло время, и зта иллюзия... вероятно, и тогда она была иллюзией,— разрушилась. Мы знаем теперь, что созданный благодаря доктринерскому упорству Ленина аппарат власти приобрел независимое от Ленина существование. Правда, можно говорить, что без Ленина он существует только по инерции. Можно предполагать, что если бы Ленин был жив и здоров, то партия обнаружила бы больше гибкости в обращении с неумолимыми фактами жизни. Бездарным «ученикам Ленина» не понадобилось бы брать оппозицию в лоб, потому что Ленин сумел бы обойти ее с тыла с несравненно большим искусством, чем зто сделал ЦК в своих последних резолюциях. «Отступление» могло бы пойти дальше, чем идет теперь: ведь существовал же тезис в первоначальном проекте Ленина, что в случае неудачи с коммунистическим переворотом можно отступить — хотя бы вплоть до парламентаризма. Без Ленина нет человека, который был бы е состоянии взять на себя ответственность за такие смелые тактические движения или кто просто обладал бы для этого достаточным авторитетом. Партия, как целое, ослепла, потеряв свой перископ в Ленине. И хотя в ней есть отдельные зрячие люди, но, как целое, она носится теперь по прихоти житейских волн, пока не разобьется о какой-нибудь подводный риф, обойти который не сумеет.

Те, кто надеялся на «эволюцию» партии. должны будут в значительной степени убавить своего оптимизма. Трудно, конечно, сказать, что было бы при Ленине... Но партия без Ленина должна пойти к гибели путем конфликтов. все более глубоких,— и на этот путь она уже стала. Результаты отсутствия Ленина легко рассчитать уже потому, что теперь мы имеем дело пишь с его **физичвской** смертью: его действительная смерть произошла давно, и хотя имя и взгляды Ленина трепались на всех съездах и конференциях, но вместо символа движения, следующего за запросами жизни, зто имя сделалось символом неподвижности. Процессы разложения уже наметились с полной отчетливостью во еремя болезни Ленина. Теперь, когда исчезла возможность ссылаться хотя бы на отсутстеующего, но периодически «выздоравливающего» вождя, зти процессы пойдут ускоренным темпом.

Над самой личностью человека, совершившего над своей страной из убеждения величайшее злодейство, которое когда-либо удавалось совершить профессиональному тирану, суждение истории сложится не сразу. Надо будет начать с отделения лица от легенды, которою успело густо покрыться его имя. Надо будет отделить мысль вождя от исполнения, первоначальную идею от ее преломления в той среде, которую выбрал не он, а события. Ленин — не Петр Великий,

* Заголовки изменены.

а и Петра разложили историки. С Лениным это будет гораздо легче, ибо идея и дело Петра органически сливались в одно целое в жизни, тогда квк дело Ленина представляет картину беспомощного борения его идеи с возрастающим сопротивлением жизни. По самому существу той и другой идеи так и должно было выйти, что одна — положила начало новой эпохе в русской истории, другая — вернула эту историю чуть ли не к допетровскому состоянию.

Россия была в развалинах и после того, и после этого гигантского напряжения воли: но та воля была творческая, и те руины похоронили только старину, правда, подчас еще живую. Ленинское разрушение, напротив, коснулось самых источников жизни, и если не успело убить их вполне, то только потому, что Россия оказалась сильнее Ленина.

Без Ленина, лишенное души и воли, неизбежно недоделанное, его дело превращается в какую-то бессмысленную сизифову работу. Прежде одни могли говорить, в другие и думать, что секрет этой гигантской нелепицы непонятен им, зато известен «Ильичу». Теперь, когда пророк унес свой секрет в могилу, верующие поймут, что никакого секрета и не было и что на их доверие ответили величайшим обманом. И если этот человек, при всем своем исключительном влиянии на окружающих, не мог осуществить свою каннибальскую фантасмагорию при жизни, то его уход с особой наглядностью покажет, до какой степени вся эта затея, взявшая у России миллионы жизней и все ее достояние, висела на волоске его личного бренного существования. Пример Ленина социологи будут цитировать, как яркую иллюстрацию роли личности в истории. Но сила этого примера будет не в прочности его дела, а в громадности того зигзага, которым он сумел отклонить исторический процесс от его закономерного хода. Правоверный марксист сможет утешиться тем, что это был все-таки только **зигзаг.**

«Последние новости», 23 января 1924 года

К ПАРТИИ. КО ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ

21 января окончил свой жизненный путь товарищ Ленин. Умер человек, который основал нашу стальную партию, строил ее из года в год, вел ее под ударами царизма, обучал и закалял ее в бешеной борьбе с предателями рабочего класса, с половинчатыми, колеблющимися, с перебежчиками. Умер человек, под руководством которого несокрушимые ряды большевиков дрались в 1905 году, отступали во время реакции, снова наступали, были в первых рядах борцов против самодержавия, сумели разбить, разоблачить, свергнуть идейное господство меньшевиков и эсеров. Умер человек, под боевым водительством которого наша партия, окутанная пороховым дымом, властной рукой водрузила красное знамя Октября по всей стране, смела сопротивление врагов, утвердила прочно господство трудящихся в бывшей царской России. Умер основатель Коммунистического Интернационала, вождь мирового коммунизма, любовь и гордость мирового пролетариата, знамя угнетенного Востока, глава рабочей диктатуры в России.

Никогда еще после Маркса история великого освободительного движения пролетариата не выдвигала такой гигантской фигуры, как наш покойный вождь, учитель, друг. Все, что есть в пролетариате поистине великого и героического,— бесстрашный ум, железная, несгибаемая, упорная, все преодолевающая воля, священная ненависть, ненависть до смерти к рабству и угнетению, революционная страсть, которая двигает горами, безграничная вера в творческие силы масс, громадный организационный гений,— все это нашло свое великолепное воплощение в Ленине, имя которого стало символом нового мира от запада до востока, от юга до севера.

Ленин умел, как никто, видеть и великое и малое, предсказывать громаднейшие исторические переломы и в то же время учесть и использовать каждую маленькую деталь; он умел, когда нужно, бешено наступать, и когда нужно, отступать, чтобы готовить новое наступление. Он не знал никаких застывших формул; никаких шор не было на его мудрых, всевидящих глазах. Ибо он был прирожденный вождь пролетарской армии, гений рабочего класса.

В сокровищницу марксизма товарищ Ленин внес немало драгоценного. Именно ему рабочий класс обязан разработкой учения о пролетарской диктатуре, о союзе рабочих и крестьян, о всем значении для борющегося пролетариата национального и колониального вопросов и, наконец, его учением о роли и природе партии. И все это богатство было в руках Ленина не мертвым капиталом, а живой, несравненной практикой. «Революцию гораздо приятнее делать, чем писать о ней»,— не раз говаривал Владимир Ильич. И всю свою жизнь, от ее сознательного начала до последнего мученического вздоха, товарищ Ленин отдал до конца рабочему классу. Не было и нет человека, который так глубоко был бы предан своему делу, как Ленин, не знавший в своей прекрасной жизни ничего, кроме интересов партии, пролетариата, коммунистической революции. Не было и нет человека, который имел бы такое глубочайшее чувство своей ответственности, как он. Нечеловеческая, неудержимая жажда работы, неустанная мысль, беспощадная растрата своей энергии сломили этот богатырский организм и погасили навсегда жизнь любимейшего из любимых — нашего Ильича.

Но его физическая смерть не есть смерть его дела. Ленин живет в душе каждого члена нашей партии. Каждый член нашей партии есть частичка Ленина. Вся наша коммунистическая семья есть коллективное воплощение Ленина.

Ленин живет в сердце каждого честного рабочего.

Ленин живет в сердце каждого крестьянина-бедняка.

Ленин живет среди миллионов колониальных рабов.

Ленин живет в ненависти к ленинизму, коммунизму, большевизму в стане наших врагов.

Теперь, когда нашу партию постиг самый тяжелый удар — смерть Ильича,— мы должны с особой настойчивостью выполнить его основные заветы.

Никогда Ленин не был так велик, как в минуты опасности. Твердой рукой он проводил партию через строй этих опасностей, с несравненным хладнокровием и мужеством идя к своей цели. Ничего противнее, отвратительнее, гаже паникерства, смятения, смущения, колебания для Ленина не было.

Партия и здесь пойдет по его стопам. Он ушел от нас навеки, наш несравненный боевой товарищ, а мы пойдем бесстрашно дальше. Пусть злобствуют наши враги по поводу нашей потери. Несчастные и жалкие! Они не знают, что такое наша партия! Они надеются, что партия развалится. А партия пойдет железным шагом вперед. Потому, что она — Ленинская партия. Потому, что она воспитана, закалена в боях. Потому, что у нее есть в руках то завещание, которое оставил ей товарищ Ленин.

Против мирового союза помещиков и капиталистов мы будем строить наш союз рабочих и крестьян, союз угнетенных наций.

Мы твердой ногой стоим на земле. В европейской развалине мы являемся единственной страной, которая под властью рабочих возрождается и смело смотрит в свое будущее. Вокруг нашего славного знамени собираются миллионы. Смерть нашего учителя — этот тяжелый удар — сплотит еще сильнее наши ряды. Дружной боевой цепью мы идем в поход против капитала, и никакие силы в мире не помешают нашей окончательной победе.

Эта победа будет самым лучшим памятником товарищу Ленину, тому, которого, как лучшего друга, массы звали своим «Ильичем».

Да здравствует, да живет и побеждает наша партия!

Да здравствует рабочий класс!

Центральный Комитет РКП

Москва, 22 января 1924 года

Публикация, предисловие и примечания Сергея ВАКУНОВА

ПЕРЕСТРОЙКА, ВЕРНИ ИМ ИМЕНА

Прошло три дня после того, как танки пяти стран Варшавского Договора вторглись в Чехословакию и на Красной площади в Москве были подняты лозунги-протесты. 25 августа 1968 года пять мужчин и три женщины доказали, что не все в СССР немо смирились с вторжением. Пятеро из протестантов были тут же арестованы и предстали перед Московским городским судом [1].

Все пятеро на суде произнесли смелые речи. Их осудили. Шел октябрь 1968 года. В СССР с книжных прилавков исчезли «Юманите», «Унита», «Морнинг стар», «Борба», «Ринашита» и другие издания, еще не появились исчезнувшие ранее чешские газеты, усиленно, с нарастающей свирепостью шло глушение зарубежных радиостанций. В стране шел разгул слежки, одна за другой следовали кампании арестов и обысков, изъятий самиздата и суровых приговоров.

Официальная пропаганда сообщала о «всенародном одобрении» политического руководства страны, «его деятельности» по отношению к ЧССР.

**«Депутатам Верховного Совета Союза ССР
Депутатам Верховного Совета РСФСР**

**копии: редакциям газет «Известия»
и «Советская Россия»**

11 октября 1968 года Московский городской суд вынес обвинительный приговор Константину Бабицкому, Ларисе Богораз, Вадиму Делоне, Владимиру Дремлюге, Паалу Литвинову.

Эти пять человек — участники демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 года против ввода войск в Чехословакию.

Их участие в мирной демонстрации, попытка выразить свой протест этим конституционным путем квалифицированы как «грубое нарушение общественного порядка».

Их лозунги: «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия», «За вашу и нашу свободу», «Руки прочь от ЧССР», «Долой оккупантов», «Свободу Дубчеку» — квалифицированы как заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

Мы считаем, что участникам демонстрации вынесен заведомо неправосудный приговор: этот приговор явился расплатой за открытое и гласное выражение ими своих убеждений. Мы считаем, что не было никаких законных оснований для возбуждения уголовного дела.

Граждане депутаты Верховного Совета! Мы не говорим о вопиющих процессуальных нарушениях, допущенных судом и следствием. Речь идет о более важном. Нарушены гражданские свободы, гарантированные Советской Конституцией: свобода слова, свобода демонстраций. Ваш долг — защитить эти свободы. Поэтому мы обращаемся к вам и просим вас вмешаться и настоять на отмене приговора и прекращении уголовного дела ввиду отсутствия состава преступления».

Под письмом стояло 95 подписей. Здесь были подписи заслуженного артиста РСФСР И. Кваши, писателя и публициста А. Костерина, бывшего генерал-майора П. Григоренко, профессора консерватории М. Юдиной, известного барда Ю. Кима, математика Т. Великановой, кандидата физико-математических наук А. Есенина-Вольпина, педагога-поэта И. Габая, рабочего М. Джамилева, редактора В. Лебедевского, гидролога В. Милошевича, врача А. Примака, историка Б. Сушко, режиссера-кинематографиста Ю. Штейна, инженера Т. Авруцкого и других.

И снова волна за волной шли репрессии. Аресты, суды, тюрьмы, ссылки, лишение гражданства, изгнание с работы и оставление без средств к существованию. Многие из 95 протестантов были лишены права на труд, остались без средств к существованию. Среди них шесть коммунистов: писатель Виктор Некрасов, старый большевик Сергей Писарев, инженер и историк М. Мустафаев, доктор биологических наук А. Нейфах, поэт С. Бернштейн и автор этих строк — были исключены из партии [2].

В первую годовщину ввода войск в Чехословакию появился новый протест. Его составляли на квартире Петра Якира, не сломленного сталинскими тюрьмами и лагерями сына полководца.

21 августа прошлого года произошло трагическое событие: войска стран Варшавского пакта вторглись в дружественную Чехословакию.

Эта акция имела целью пресечь демократический путь развития, на который встала эта страна. Весь мир с надеждой следил за послеянварским развитием Чехословакии. Казалось, что идея социализма, опороченная в сталинскую эпоху, будет теперь реабилитирована. Танки стран Варшавского Договора уничтожили эту надежду. В эту печальную годовщину мы заявляем, что мы по-прежнему не согласны с этим решением, которое ставит под угрозу будущее социализма.

Мы солидарны с народом Чехословакии, который хотел доказать, что социализм с человеческим лицом возможен.

Эти строки продиктованы болью за нашу родину, которую мы желаем видеть истинно великой, свободной и счастливой.

И мы твердо убеждены в том, что не может быть свободен и счастлив народ, угнетающий другие народы.

П. Якир, Л. Петровский, Г. Подъяпольский, Н. Горбаневская, М. Джамилев, Л. Терновский, З. Григоренко [3], И. Габай, В. Красин, С. Ковалев, А. Левитин-Краснов, Т. Баева, Ю. Вишневская, Н. Емелькина, Л. Плющ, И. Якир, А. Якобсон.

Многие органы печати за рубежом, поместившие этот протест, давали комментарии. В некоторых из них отмечалось, что если 17 протестантов окажутся на скамье подсудимых, то всего перед судом будет 19 человек, ибо среди таковых будут Энгельс и Ленин. И начались новые круги репрессий.

Если у нас Революционная Перестройка, то мы должны реабилитировать всех протестантов. Тем более что Советское правительство, как и руководители Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, осудило ввод войск в Чехословакию. Реабилитировать политически, вернуть гражданство страны, восстановить трудовой стаж, партийность, место жительства и работы, выплатить компенсации «за вынужденные прогулы», отнятые пенсии, потерянное здоровье, вручить почетные дипломы исключенным из институтов и аспирантур. Сделать надо все возможное по всем жизненно важным вопросам для протестантов, подвергнувшихся многолетним преследованиям и жестоким расправам. Речь идет о многом, обо всем.

Леонид ПЕТРОВСКИЙ, член КПСС с 1962 г.

[1] Трое отпущенных — искусствовед Виктор Файнберг, поэтесса Наталья Горбаневская, вышедшая на демонстрацию с трехмесячным сыном, и студентка Татьяна Баева.

[2] Двое коммунистов — А. Костврин и П. Григоренко — были исключены из партии ранее за борьбу в защиту демократического развития страны.

[3] Зинаида Михайловна Григоренко — жена П. Г. Григоренко, лишенного гражданства и умершего в США.

Автор предлагаемого сегодня читателю материала В. СТЕФАНОВСКИЙ — профессиональный подводник. Окончил военно-морскую академию, 14 лет прослужил на подводных лодках в северных морях. Последняя должность на флоте — заместитель командира соединения по электромеханической части.

Можно только догадываться, что пришлось пережить В. Стефановскому в критических ситуациях, исход которых непосредственно зависел от принятых им решений.

Большинство чрезвычайных происшествий, о которых рассказывает автор, происходили с его участием и им расследовались.

Ныне капитан второго ранга ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ СТЕФАНОВСКИЙ продолжает службу в должности главного инженера одного из судоремонтных заводов Черноморского флота.

Владимир СТЕФАНОВСКИЙ

СПАСАЙТЕ, КТО МОЖЕТ...

КАТАСТРОФА. АВАРИЯ. ЖЕРТВЫ

Какие жестокие и трагические по сути своей слова! И какие... привычные. Нет дня, чтоб у нас что-нибудь не столкнулось, не сгорело, не взорвалось или не утонуло.

В этой печальной летописи трагических событий достаточно страниц принадлежит и Военно-Морскому Флоту. ...Сообщение об апрельской трагедии в Баренцевом море потрясло всех. Страшная и мучительная смерть подводников в ледяной купели не оставила равнодушными, кажется, никого.

Гибель человека никогда не простительна. Но разве потеря корабля, этого дорогостоящего творения человеческого ума и рук, менее противоестественна? Сколько можно было бы на эти деньги построить новых квартир для бедствующих и ныне в бараках семей, в том числе и флотских?!

Катастрофа в Баренцевом море стала предметом широкого обсуждения как в нашей, так и в зарубежной печати, и, в который раз, напомнила, что с вопросом аварийности на флоте неблагополучно. Однако вместо разговора об истинных причинах такого положения дел в центре внимания средств массовой информации в основном почему-то оказались события, развивавшиеся на «Комсомольце» после возникновения пожара, а не те, в результате которых подобные трагедии стали для флота нормой повседневной жизни.

Газетно-журнальная перебранка (доходило и до этого) живо напомнила печально известный спор: «Потел обреченный перед смертью или нет?» Главный же вопрос: почему катастрофы стали рядовым явлением? — так и остался за дымовой завесой печатных баталий вокруг гибели «Комсомольца».

Ни для кого не секрет, что человек на воде тонет не только и не столько потому, что его недостаточно умело и организованно спасают, а оттого, что просто не умеет плавать. Нисколько не преувеличивая, то же самое можно сказать и о корабле, которым управляет экипаж во главе с командиром. Не оскорбляя памяти погибших, но во имя и во благо живых — и людей, и кораблей — постараемся на примерах из флотской жизни дойти до главных причин катастроф и гибели людей на флоте.

Военно-Морской Флот, будучи «плоть от плоти советского народа», болеет теми же социальными болезнями, и рассматривать флотский вклад во всесоюзную «черную копилку» аварийности и катастроф без причинной связи с недугами общества было бы неправильно. Однако основная масса аварий и катастроф на воде и у военного причала происходит по причине чисто флотских, как сказал бы медик, специфических болезней.

Энерговооруженность корабля, а также насыщение различными исполнительными механизмами, если считать на кубический метр пространства отсека, очень высока. Она в десятки и сотни раз выше, чем в береговых сооружениях, скажем, электростанциях, лабораториях, радиолокационных, наземных ракетных и других сооружениях. Тем более высока энерговооруженность и насыщенность техническими средствами отсеков подводной лодки. На борту этого сложнейшего инженерного сооружения сконцентрированы и уживаются несовместимые, казалось бы, по своей природе носители различных видов энергий и сред — электрической, тепловой, механической, химической, ядерной, энергии сжатого воздуха и забортного давления — всего не перечесть. Бок о бок сосуществуют опасные соединения химических элементов — к примеру, дизельное топливо и пластины регенерации воздуха.

Необходимый уровень безопасности всей этой агрессивной начинки отсеков рассчитан с достаточным запасом надежности. Однако беда в том, что этот гарантированный уровень значительно снижается из-за недостаточной подготовки личного состава корабля. В ряде случаев он и вовсе разбивается в щепки, сталкиваясь с профессиональной некомпетентностью подводника (или солдата — все равно), низкой культурой, а то и разгильдяйством, безответственностью. И тогда тонет подводная лодка Северного флота, на виду у всего Севастополя горит противолодочный крейсер «Москва», в Северной Атлантике гибнет другая атомная подводная лодка, в Северном флоте взрывается, сотрясая весь Кольский полуостров, склад с боеприпасом, тонет подводная лодка Тихоокеанского флота, гибнет «Комсомолец»...

Это лишь случайные примеры из теперь уже рассекреченного, наконец, списка флотской безответственности. Что дальше? Кто следующий?

Самой грозной и непосредственной опасностью, не дающей морякам времени на раздумье, является пожар. В горящем отсеке подводник сродни гладиатору: альтернативы нет — ни отступить, ни укрыться. Победа над пожаром означает жизнь. Не справился с огнем — смерть. Другого не дано.

...Чтобы разойтись с рефрижератором, командиру подводной лодки капитану третьего ранга В. Маранго не хватило моря — подводная лодка, рассеченная надвое, оказалась на морском дне. Когда уцелевшие подводники пришли в себя и стали думать о спасении, во втором отсеке неожиданно воспламенился батарейный автомат — от попадания морской воды случилось короткое замыкание. Пожар был ликвидирован с помощью противопожарной системы ВПЛ (воздушно-пенная лодочная).

Не успели подводники стереть с лица копоть, как огонь вспыхнул с новой силой. И опять помогла та же система. Это и спасло людей. Вернее, не только это. До спасения было очень далеко, но можно было еще бороться. Не был бы потушен пожар — вопрос дальнейшей борьбы за жизнь отпал бы сам собой. Если верить собственному опыту и проанализировать официальную информацию, то можно сказать следующее: две трети пожаров на кораблях возникают по причине несоблюдения норм эксплуатации электрооборудования и нарушения правил электробезопасности; пятая их часть случается из-за нарушения правил обращения с открытым огнем, в особенности при организации огневых работ (электросварка, газорезка и т. д.). Наконец, процентов пятнадцать пожаров возникает по «прочим причинам». Их много. И вот характерный пример.

На подводной лодке, находящейся в автономном плавании под командованием капитана третьего ранга О. Бочкарева, произошло возгорание топлива в трюме центрального поста, которое быстро переросло в пожар. Экипаж и сама подводная лодка были поставлены на край гибели.

Почему возник этот пожар? Что помешало с ним справиться? Откуда, наконец, в трюме оказалось топливо? На каждое это «почему» есть постыдный, горестный и беспощадный ответ: всему виною наша широкая и разудалая бесшабашность.

Еще до выхода в море в одной из выгородок трюма через неплотно поджатое штуцерное соединение подтекало топливо. Эту протечку можно было устранить с помощью гаечного ключа в течение нескольких минут. Но так как доступ к негерметичному соединению был не очень простой, то отвечающий за это матрос отложил дело и решил накапливающийся в трюме соляр периодически откачивать за борт.

При ежедневном осмотре технических средств командир электромеханической части на это внимание не обратил. Во время большой приборки ничего не заметил и помощник командира подводной лодки. В нарушение Корабельного устава периодические осмотры судна командиром подводной лодки не проводились.

Топливный ручей исправно вытекал из цистерны за борт до тех пор, пока старшина 1-й статьи Власов не бросил в него окурок. В подводной лодке, тем более в подводном положении, курение категорически запрещено. Вахтенный офицер, находясь «на перископе», закурил наверху, в боевой рубке, а вахтенный трюмный — внизу, в центральном посту. По привычке, сродни той, с которой мы бросаем недокуренную сигарету под колесо троллейбуса, подводник Власов бросил ее в трюм.

Увидев, что в выгородке произошло возгорание, находившийся поблизости старшина П. Серегин попытался воспользоваться системой ВПЛ, однако это ему не удалось: катушка, на которую сматывается шланг, не проворачивалась. Применив усилие, старшина Серегин все-таки размотал шланг, но на нем не оказалось маховичка. Повозившись еще немного, старшина оставил эту затею и уже вместе со старшиной команды трюмных Аввакумовым принялся готовить к работе трюмную помпу. Однако и пожарный рукав водой не наполнялся: из-за попадания под клапаны посторонних предметов и грязи трюмный насос давления не создавал. На помощь старшинам бросился ученик — трюмный матрос Минчий...

Возгорание тем временем переросло в пожар. Боцман Уваров, вахтенный на горизонтальных рулях, видя, что дело плохо, открыл клапаны аварийного продувания, при этом по ошибке открыл и клапаны вентиляции средней группы цистерн главного балласта, и воздух начал стремительно уходить за борт, а цистерны полностью не продулись. Прибывший по сигналу аварийной тревоги старший помощник командира капитан третьего ранга Голубев дал команду всем покинуть отсек, так как организовать людей на борьбу за живучесть в условиях сплошного огня и полного задымления отсека было уже невозможно.

Команду старшего помощника расслышали не все. В полыхающем огне и светонепроницаемом дыму проверить наличие людей в отсеке оказалось непросто. Да и на учениях этот элемент отработан не был.

Выход людей из аварийного отсека проходил долго и неорганизованно. Пожар между тем перебросился в смежные отсеки, задымленной оказалась вся подводная лодка. Не полностью продутый балласт и разыгравшийся шторм не позволили ни провентилировать отсеки, ни выйти подводникам на палубу. Собравшиеся в первом и седьмом отсеках (отсеках живучести), готовые ко всему и обреченные люди принялись отсчитывать оставшиеся часы и вспоминать прожитую жизнь.

Спустя восемь, ни с чем не сравнимых по своей драматичности часов, в выгоревшем дотла центральном отсеке были обнаружены тела четырех подводников. Они или не расслышали команду об оставлении отсека, или уже не могли ее услышать.

Вот их имена:

Жора Аввакумов — старшина команды трюмных.

Сережа Уваров — старшина команды рулевых сигнальщиков, боцман.

Володя Скворцов — командир отделения радиометристов.

Дима Минчий — ученик-трюмный.

В течение четырех суток в условиях 50-градусной жары оставшиеся в живых после тяжелого отравления, задыхающиеся и одуревшие от сознания неминуемой гибели подводники находились в одном отсеке с останками своих погибших товарищей и завидовали им. Нет необходимости объяснять, почему.

Почему не смогли справиться с огнем? Да просто система ВПЛ, обойденная вниманием подводников, забытая и неухоженная, отказалась выручить их. Не подвела — отказалась! При нормальном техническом уходе и внимании эта система безотказна.

Конечно же, не все катастрофы на море связаны с пожарами. Но многие из них так или иначе обращены «лицом» к деятельности личного состава и уровню флотского руководства.

...В море, во время учения по загрузке боезапаса на подводную лодку, оборвалась цепь торпедопогрузочного устройства, и торпеда на глазах у всех «улетела» в люк.

Подводная лодка находилась у борта плавбазы «Иван Колышкин», той самой, которая принимала участие в траурной церемонии по случаю катастрофы «Комсомольца» и гибели членов его экипажа.

В начале 70-х годов по схожей причине в считанные секунды другая подводная лодка Северного флота навсегда скрылась под водой прямо у причала. От взрыва едва не оторвался от материка Кольский полуостров. Обломки стальных лодочных конструкций, разбросанные по сторонам и застрявшие в окрестных скалах и чердаках домов долго еще напоминали испуганным местным жителям, какое грозное оружие имеется в руках флотских умельцев и что с флотом шутки плохи.

В этот раз все обошлось. Но кто же, кто создал такую гибельную ситуацию? Да оборвавшаяся цепь просто не могла больше терпеть такого оскорбительного невнимания к себе: ржавчина, вызванная отсутствием смазки, ее доконала. Все ограничилось лишь потрясением для тех, кто понимал возможные последствия. Но вот что примечательно: случившееся не стало уроком. Спустя год, по приходе судна в ремонт, эта же цепь была ржавее ржавчины, как, впрочем, и весь корабль.

Не всегда, однако, море прощает морякам подобное пренебрежение к своему плавучему дому.

Подводная лодка Тихоокеанского флота вышла в море с учебной целью. При дифферентовке на незакрытую шахту системы вентиляции никто не обратил внимания. От командира подводной лодки поступила команда на прием главного балласта. Однако клапаны вентиляции средней группы не открылись — сработала блокировка, так как шахта системы вентиляции не была закрыта. Тогда эти клапаны были открыты принудительно. Лодка, приняв главный балласт, камнем ушла вниз. Не прошло и минуты, как она уже лежала на дне. Часть экипажа удалось спасти. Позже подняли и лодку.

Но и это не стало уроком для подводников: через несколько лет она затонула повторно, уже находясь в ремонте. Не в море, заметьте, не в океане, а у самого причала. Выходит, не только не учимся на чужих ошибках и опыте, но даже и своих не помним.

Ряд катастроф произошел по причинам, о которых и говорить как-то неловко,— это когда командиру не хватило моря, чтобы разминуться со встречным, а может, поперечным кораблем, или даже с берегом.

Выполнив боевое упражнение, подводная лодка, на борту которой в качестве руководителя и старшего находился командир соединения капитан первого ранга С. Потешкин, в Баренцевом море столкнулась с обеспечивавшим ее катером-торпедоловом. Торпедолов от удара перевернулся и некоторое время оставался на плаву. В таком состоянии его удалось ошвартовать к лодке. Однако командир соединения, опасаясь, что катер утащит за собой на дно и подводную лодку, приказал рубить концы, хотя запас плавучести подводной лодки позволял взять к борту несколько таких катеров. Торпедолов затонул. С ним под воду ушли семь человек.

Как же реагируют на флоте на очередную аварию или катастрофу? Реакция самая непосредственная и незамедлительная: прекращается вся боевая подготовка — «Стоп все!». Начинается кампания по «повышению организации службы и наведению уставного порядка». (При этом кого-нибудь из корабельного состава обязательно снимают с должности.) Если, скажем, авария связана со взрывом водорода на подводной лодке, то циркулярно по флоту прекращаются зарядки аккумуляторных батарей до принятия зачета у личного состава по этой самой зарядке и контролю за водородом. После приема зачетов и соответствующего доклада «наверх» зарядки аккумуляторных батарей опять разрешаются. Через непродолжительное время происходит взрыв того же самого водорода, и... начинается все сначала.

Если даже предположить, что доклад о проведенных занятиях и зачетах не был формальным, то считать, что за одно-два занятия удалось переломить сознание матроса,— явно неразумно. Как относился он к службе вчера, так будет и завтра. К тому же подобные аварии происходят часто не от незнания какого-нибудь положения, а от его невыполнения по причине беспечности и низкой дисциплины.

Военные моряки помнят год, когда в Северной Атлантике погибла атомная лодка. Весь подводный флот привязали к причалу дополнительными крепкими швартовыми концами. Начали учиться. По морям и океанам разъезжали ученые мужи и растолковывали каждому, что такое продольная остойчивость и чем грозит ее потеря подводной лодке. А потом... Потом был «Комсомолец», события на котором развивались так же, как и на этой подводной лодке, и затонул он примерно так же, правда, намного быстрее. Ни командир лодки, ни штаб Северного флота не вспомнили уроков «продольной остойчивости» хотя бы с точки зрения возможного развития аварии и ее последствий.

Но уж если все повторяется, надо б, наверное, разобраться, почему люди, которым доверена материальная часть и оружие, не проявляют рвения к его изучению и сколько-нибудь удовлетворительному содержанию.

Несложно убедиться, что основная причина аварий — низкий уровень и культура эксплуатации техники, приводящие к возникновению экстремальных ситуаций. Та же причина не позволяет эффективно с ними бороться, так как средства борьбы за живучесть эксплуатируются столь жв неряшливо, что и остальная техника. А практически навыки использования средств живучести и спасения еще ниже. Наверное, в существующих условиях, порожденных неверной концепцией флотского строительства и подготовки кадров, эту «планку» выше и не поднять. Думаю, отцы флота и армии просто обязаны были давно уже пересмотреть условия жизнедеятельности флота и выполнения поставленных перед ними задач, коли все так же горят и тонут дорогостоящие корабли, техника и личный состав и спасти их не всегда удается.

Гибель подводника, авария или крушение корабля закладываются на берегу. И подготовка корабля к выходу в море является если не решающим фактором в этом вопросе, то явно не последним. Кто же готовит корабль «к бою и походу»? Конечно же, экипаж во главе с командиром.

Снова вернемся в отсек оказавшейся на дне подводной лодки, которую утопил ее командир капитан третьего ранга В. Маранго вместе со старшим (наставником) на борту — начальником штаба соединения капитаном второго ранга Каравековым.

На случай беды и других непредвиденных обстоятельств в отсеке подводной лодки предусмотрен неприкосновенный запас воды и пищи. При исчезновении света можно воспользоваться аварийными электрическими фонарями. Для самостоятельного спасения есть специальное снаряжение, комплект теплого водолазного белья и многое другое...

Во время ЧП в холодном и темном

отсеке оказался и старший на борту капитан второго ранга Каравеков, которому, прежде чем получить «добро» на выход в море, командир В. Маранго доложил, что «подводная лодка к выходу готова, личный состав на борту, материальная часть исправна» и что никаких «замечаний нет».

Тщетно пытались подводники отыскать хотя бы один исправный фонарик; в бачках аварийной пищи нашлась только консервированная картошка. Водолазное теплое шерстяное белье осталось... в береговом кубрике на базе. Неисправными оказались аппараты ИДА — в иных баллонах кислорода не было вообще.

В соответствии с Корабельным уставом за наличие аварийного имущества, средств спасения, приготовление отсеков и подводной лодки к бою и походу отвечает старший помощник командира. За организацию службы на кораблях соединения ответствен начальник штаба соединения. В нашем случае это капитан второго ранга Каравеков, отвечающий, находясь на борту корабля, и за безопасность плавания.

Эти два «ответственных» должностных лица неминувмо должны были оказаться в подобной ситуации в силу исключительного пренебрежения к кораблю и к своим обязанностям. Трагическая ирония судьбы свела их в одном отсеке затонувшей подводной лодки, где дорога наверх, к жизни, теперь проходила через трубу мрачного и холодного торпедного аппарата, сквозь многометровую толщу леденящей и тело и душу воды. И дорога эта была настолько призрачной и малореальной, что рядом стоящая, буквально в затылок дышащая смерть в темном отсеке виделась куда как ближе.

К чести старшего помощника, он нашел в себе силы организовать личный состав, подготовить к выходу на поверхность.

А Каравеков? Старший на борту? Каравеков ни желания, ни сил бороться за жизнь — и свою, и оставшихся в отсеке людей — не обнаружил. Вторая попытка пройти через торпедный аппарат, как и первая, окончилась безуспешно. Подводники извлекли его из трубы торпедного аппарата без признаков жизни. Судьба свела в один закономерный узел пути движения случайных величин: начальнику штаба достался неисправный аппарат.

Смерть Каравекова потрясла подводников и стала еще ощутимей, реальней для всех. Молодой матрос, уже приготовившийся к выходу и экипированный в спасательное снаряжение подводника, при виде безжизненного тела начальника штаба умер в отсеке, не справившись с волнением. Остальные, с трудом преодолевая нервное потрясение и отчаяние, поочередно направлялись в темную трубу. Последним, едва собрав силы, мертвый отсек покинул старший помощник. До поверхности дошли не все. Оставшиеся в седьмом отсеке четыре человека спасатвльными средствами из-за недостаточной подготовки воспользоваться не сумели...

Такова «подводная жизнь».

Ответственность — категория нравственная. Это не чувство, которое может появиться вдруг, при аварии. Ответственность — не плацдарм для совершения героического подвига по спасению корабля. Умелые моряки справятся с аварией. Ответственные — ее не допустят.

Статья 133 Корабельного устава требувт от камандира «в совершенстве знать корабль, его тактико-технические данные, уметь управлять кораблем и правильно использовать его боевые и технические средства...»

Командир соединения капитан первого ранга М. Поведенок, находясь на плавбазе «Дмитрий Галкин», вместе с флагмехом организовал семинар по устройству корабля, его средств живучести и их использования. В числе прочих офицеров на семинар были приглашены командир капитан третьего ранга И. Каспаравичус и замполит капитан третьего ранга А. Баран. Последний ничего не ответил. Каспаравичус отвечал «лучше»: сумел назвать водоизмещение «в порожнем» и скорость максимального хода. Средства же борьбы за живучесть, особенности их использования не отложились в головах этих ответственных руководителей никак. Увы, этот случай не единственный.

Вот пример с другого флота — Черноморского. Командир сторожевого корабля лихо ошвартовался к борту плавбазы с целью пополнить запасы. На вопрос флагмеха, какое масло применяется для главных машин и сколько его нужно, командир «сторожевика» обиделся и втолковал «бестолковому» флагмеху, что вопрос всякого твм масла не командирский. Дело командира управлять кораблем...

А вот адмирал С. Макаров имел совершенно другое мнение, знал паровую машину и все вспомогательные механизмы досконально. Современный же командир считает и того для себя достаточным, чтоб забраться на мостик и лихо скомандовать: «По местам стоять, со швартовых сниматься».

На этом же корабле при проверке штабом соединения в море, кроме других упущений, в одном из погребов оказался незакрепленным боезапас. Такая вот отввтственность.

Из всех направлений в обучении флотских специалистов самым приоритетным является политическая подготовка. Можно отменить все, но не политические занятия. За технические неполадки, срыв занятий по специальности, за неисправность средств живучести командира боевой части корабля поругает флагманский специалист. Даже столкновение корабля командиру могут простить.

За упущение же в политической подготовке или — боже упаси! — срыв политзанятий, когда, скажем, необходимо срочно устранить неисправность материальной части, офицера возьмет под «пресс» весь многочисленный политический аппарат соединения. Один-два таких случая, и офицер ни на что уже не может рассчитывать, будь он хоть самым блестящим специалистом.

К сожалению, по своему статусу специальная подготовка на флоте стоит гораздо ниже политической, хотя главным критерием политической сознательности и ориентации военного моряка и должен быть уровень его специальных знаний и содержания военной техники.

Нельзя не заметить, что на флоте, несмотря на явный приоритет политической учебы, похвастаться и здесь особенно нечем. Количество дисциплинарных проступков в 1989 году по сравнению с тем же периодом прошлого года увеличилось.

Не последней из причин неуспеха и в этом вопросе является уровень знаний и примерности самих учителей — политработников. Думается, никак не может служить положительным примером ситуация, свидетелем которой я был сам: когда руководитель политзанятий, политработник капитан первого ранга Н. Захаренко в течение первых десяти минут запланированной двухчасовой лекции для большой группы офицеров рассказал про всю внешнюю и внутреннюю политику Советского Союза и вообще про все, что знал в жизни. При этом не забыл похвалить наших высших руководителей и, конечно, поругать плохого американского президента с его капиталистами-сенаторами. Дальше лектор сказал, что если кому что непонятно, то он, Захаренко, ответит на вопросы. Вопросов не было.

Тот же Захаренко собрал однажды коммунистов штаба соединения на внеплановое партийное собрание и потребовал от них снять партийные взыскания с комсомольского работника коммуниста С. Беляшова (полученные им за склонность к выпивке) на том основании, что подоспел срок присвоения ему очередного воинского звания. (Так и сказал!) Несогласных коммунистов обвинил в аполитичности и своего добился. Даже у командира соединения капитана первого ранга М. Поведенка дрогнула рука — проголосовал «за».

С Беляшова, которого за день-два до того можно было обнаружить в матросском кубрике мертвецки пьяным, одним махом сняли строгие выговоры, присвоили очередное звание и даже перевели в Москву на повышение, так как в гарнизоне, где служил Беляшов, он уже «сделал все, что было в его силах», для «повышения морально-политического уровня матросов-комсомольцев и укрепления их дисциплины».

Однако «повышая идейно-политический уровень подчиненных» теперь уже в Москве, Беляшов уснул в очередной раз в тарелке с салатом в присутствии

высоких чинов, чем переполнил чашу терпения, и был уволен в запас. Капитан же первого ранга Захаренко продолжает службу — учит будущих командиров и флагманских специалистов на Высших офицерских курсах уму-разуму.

Раз уж все в вопросах аварийности упирается в низкий уровень профессионализма и ответственности флотских кадров, то возникает справедливый вопрос: почему же мы за годы существования советского Военно-Морского Флота не набрались этого профессионализма и ответственности?

Военно-Морской Флот имеет богатые традиции, уходящие корнями в даль веков. Неужели столетиями ковавшаяся и собранная по крупицам слава русского флота растерявтся из-за простого разгильдяйства и возникающего неуважения к профессии даже у флотских офицеров?

Отсутствие элементарных демократических и общечеловеческих принципов в устройстве флотской жизни деморализует офицера в самом начале его службы. Не избалованный «денежным содержанием», бесквартирный, лишенный всяких социальных правовых гарантий, он, оказывается, много чего должен. Должен при отсутствии элементарного обеспечения запасными частями содержать материальную часть в исправности; должен удерживать в повиновении и обучать личный состав, когда в береговом кубрике отсутствует вода, разбиты стекла и не работает отопление.

С офицером может сделать все, что захочет, политотдел: задержать в звании, должности, отставить от учебы, «потянуть» с квартирой, даже объявить «психически ненормальным» и уволить в запас.

Пока существует социальная несправедливость, нельзя рассчитывать на полное взаимопонимание и сплоченность в коллективе, что особенно важно для экипажа подводной лодки. Трудно надеяться на добросовестное выполнение своих обязанностей офицером в море, всли на берегу осталась жена с детьми без крова и работы. Социально-бытовыв условия не считаются на флоте первостепенным вопросом. Не считаются на флоте! А после демобилизации — и подавно. Сколько офицеров мыкают горе без жилья по окончании службы?!

К сожалению, этим причины катастрофического положения с аварийностью не исчерпываются.

После аварии на подводной лодке, где командиром служил О. Бочкарев, родители погибшего Димы Минчия написали письмо в часть с просьбой о разрешении приехать в соединение, увидеться с членами экипажа, поговорить с теми, кто последним разговаривал и видел их сына, узнать о последних минутах его жизни, последних его словах. Рассчитывали они и на помощь флота — хотя бы на дорожные расходы. Раз уж сын их был захоронен в море, то посещение корабля в какой-то мере восполнило бы отсутствие возможности попрощаться с ним. Но средств на оплату долга (хотя этот долг неоплатный) родитвлям за сына у флота не нашлось.

Не только средств не нашлось у флота — и памяти тоже.

Более тридцати лет могилы братских захоронений жертв с линкора «Новороссийск» на Северном кладбище города Севастополя остаются безымянными. Даже «Взрыв» писателя Н. Черкашина, прозвучавший в 1988 году в «Правде» (№ 135, от 14 мая), не расшевелил флотских политработников, хотя публикация вызвала широкий общественный резонанс. Кто мог предположить, что флот, забравший жизнь своих матросов, предаст забвению их имена?

«Это чудовищно, зто дикое варварство,— с трудом справляясь с волнением, говорит оставшийся в живых член экипажа «Новороссийска» Леонид Иосифович Бакши.— Я имею право говорить от имени тех шестисот восьми, погибших в катастрофе, потому что я был вместе с ними. И спас меня не флот: из затопленного коридора я выбрался сам, когда корабль уже опрокидывался. И мне понятна причина аварийности на флоте. С охотой ли будет матрос служить, если флот даже похоронить нас по-человечески не хочет?..»

Понятно, тяжело вспоминать старому матросу пережитую трагедию, но ведь она продолжается для него, для родных всех погибших и по сегодняшний день. Инициативная группа, в которую входит и Л. Бакши, с трудом разыскала списки погибших. С такими же трудностями решался и вопрос о финансировании сооружения мемориальной доски. Не флот занимался этим святым двлом, а инициативная группа! И в этом тоже трагедия, часть наших общих бед.

Где похоронены наши подводники, погибшие вместе с лодкой в 70-х годах на Тихоокеанском флоте? Не надо тревожиться: они погребены вполне по-людски, со всеми подобающими при этом почестями... в Америкв. Мы беспрестанно и много говорим про заботу о человеке, проявили же эту человеческую заботу о наших подводниках чужие люди.

В такой ситуации было бы нелепо ожидать, чтобы флот достойно отметил офицера, спасшего, скажем, корабль от верной гибели, когда, к примеру, боевая торпеда застряла в люке подводной лодки. Офицер, устранивший неисправность энергоустановки, с которой не мог справиться судоремонтный завод, и сберегший около миллиона рублей государственных средств, тоже не был отмечен никак. Разве что за двадцать дней непрерывной работы в отсеке подводной лодки получил болезнь почек и радикулит — вот и вся флотская благодарность!

А как расходуются средства, выделяемые флоту на его жизнедеятельность? Во-первых, их выделяется безумно много. Раз уж эти средства можно топить, сжигать и просто выкидывать, такое заключение правомерно. Во-вторых, коли уж флот получает зтих средств необоснованно много, то он и тратит их бездумно. Конечно, трудно предположить, что делается это умышленно, однако и головотяпство тоже не похвально. Результат в зтом случае один и тот же.

В 1983 году на Кронштадтский морской завод был срочно помещен в ремонт крейсер «Октябрьская революция». Окончание работ планировалось в 1987 году — к 70-летнему юбилею революции. К 1987 году затраты только по ремонту (нв считая средств на содержанив корабля, разработку документации на модернизацию, которую к тому времвни уже оплатили) подобрались к пяти миллионам. Дальнейшее продвижение работ притормозилось из-за неремонтопригодности паровых коллекторов главных котлов и необходимости замены большого количества кабельных трасс. Новых коллекторов на флоте и в промышленности не оказалось. Заказать же их заранее флот не додумался. К 70-летию Октября крейсер «Октябрьская революция»... был списан. Средства, ушедшие на ремонт, 5 миллионов рублей, оказались выброшенными.

...Рабочие Кронморзавода, недоуменно почесывая затылки, сошли с борта списанного крейсера и спустились в трюмы другого объекта судоремонта под названием «Равенство» — надо было переоборудовать сухогруз для нужд Военно-Морского Флота. Однако нужды флота и здесь оказались непродуманными и несерьезными. Истратив около трех миллионов рублей на ремонт и оборудование, корабль... списали как нвремонтопригодный.

Незадолго до ремонта это судно за большие деньги было приобретено у Министерства морского флота. Кстати, не одно — целая серия. И не единственное оказалось списанным.

...Рабочие Кронморзавода, снова недоуменно почесывая в затылках, спустились с борта очередного памятника флотской бесхозяйственности и... поднялись на борт СКР «Росомаха», который тоже после ремонта был списан — оказался ненужным.

В газете «Красная звезда» первый заместитель главнокомандующего ВМФ адмирал флота И. Капитанец обижался на потоки брака в судостроительной промышленности.

Тот же брак допускают и судоремонтники. Наивно было бы полагать, что рабочие того же Кронморзавода, результаты усилий которых раз за разом сводились на нет, уж очень будут радеть о качестве, когда сам флот все их старания пускает по ветру. И это при большом дефиците в судоремонте. И зто при острой нехватке рабочих рук. Безработица, конечно, нам не грозит. Так же, впрочем, как и изобилие при таком ведении хозяйства.

Как-то первый заместитель главкома сообщил, что по состоянию на 1 января 1989 года не обеспечены жильем 19 220 флотских семей. Нуждаются в улучшении жилищных условий 19 362 семьи...

Справка для первого заместитвля главнокомандующего ВМФ СССР.

Выброшенных средств на ремонт только «Октябрьской революции» хватило бы на строительство 25 тысяч квадратных метров жилья и обеспечения

625 бесквартирных флотских семей. На эти же средства можно было построить 300 метров современного причального фронта, которого на флоте так не хватает, или 50 километров дорог.

После гибели атомной подводной лодки «Комсомолец» на пресс-конференции заместитель Председателя Совета Министров СССР И. С. Белоусов обещал удвоить, утроить усилия по повышению надежности техники. А Главнокомандующий ВМФ СССР в беседе с редактором военно-морского отдела «Красной звезды» сказал: «Трагедия с «Комсомольцем» еще раз подчеркивает необходимость пересмотра подходов к решению проблемы спасения людей в море в целом... Причем работа эта будет проводиться энергично. Она включит в себя и усилия по значительному повышению надежности техники, мероприятия по активному обеспечению безопасности плаваний и другие вопросы...»

Уважаемые товарищи из Совета Министров!

Товарищи адмиралы!

Вопросы спасения людей на море, как и безопасности мореплавания, нужно решать. И энергично. Моряки ждут отработанной системы спасения людей, основанной на научном подходе к решению этой задачи, и совершенствования самих срвдств спасения.

Военные моряки надеются, что программа по «спасению людей в море в целом...» будет лишь элементом комплексной программы обновления всего флотского механизма, в которой принципы комплектования по профессиональному признаку, принципы гласности, демократии и уважения к человеку, первостепенного решения его социально-правовых и общечеловеческих проблем станут основными звеньями. Без этого наши флотские беды закономерно расцветают и активно множатся. Недалеко та граница, за которой нужно будет спасать флот вообще.

...Уже после гибели «Комсомольца» и обещаний зампреда Совмина об «утроении усилий по повышению надежности техники», а также уверений Главкома ВМФ в решении «других вопросов», черный список аварий и катастроф на флоте пополнился не одним происшествием.

Еще не улежалась земля на могилах подводников-«комсомольцев», как произошла разгерметизация первого контура ядерного реактора на очередной подводной лодке Северного флота.

На Черноморском флоте взорвался и затонул тральщик. Погибли три человека.

Спустя месяц там же, при проведении доковой операции, затонул док.

«Аварийная тревога!» — разносится по флоту пробившийся через прочный корпус подводной лодки зловещий сигнал бедствия.

«Аварийная тревога!» — настораживающим эхом отзываются погибшие экипажи и затонувшие корабли.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

НЕ УБЕЙ КАЮЩЕГОСЯ!

Алексей БЫЧКОВ, пастор (Церковь евангельских христиан-баптистов)

Приговорен к высшей мере... Зал встречает это известие бурными аплодисментами. Как часто бывало такое в нашем отечестве! Смертные приговоры выносились в отношении абсолютно невиновных людей. И таких были миллионы...

Обезумевшая, подстрекаемая первосвященником иудейским толпа ревет: «Распни Его, распни Его!» — и в трепете перед безумным народом исполнитель римского законодательства Пилат давт повеление распять Иисуса Христа, самую светлую, безгрешную, чистую личность в истории человечества, ибо Он есть Сын Божий.

По римскому праву смертная казнь определялась как тягчайшее наказание, состоящее в насильственном лишении жизни. В истории человечества были избиение камнями, распятие, сажание на кол... до более «гуманных» наказаний — повешения, расстрела, злектрического стула.

В древности и до наших дней в многих странах исполнение казни считалось и считается чуть ли не народным торжеством. Гибель христиан на аренах Древнего Рима от диких зверей, сжигание «еретиков» на кострах, казнь на Красной площади на Лобном месте — все это происходило при большом стечении народа. Это наказание применялось к виновным как в тяжелых преступлениях, так и в незначительных проступках.

В Германии Карла V к числу 44 преступлений, наказывавшихся смертной казнью, относились кража свыше 5 дукатов или три более мелкие кражи на любую сумму. Во Франции перед революцией 1789 года насчитывалось 115 преступлений, за которые закон грозил смертью, в том числе за печатание книг без надлежащего разрешения, кражу со взломом, участие в дуэли, небрежное ведение корабельного журнала и т. п.

В России во время царствования Алексея Михайловича смертная казнь предусматривалась в 60 случаях, а в воинском уставе Петра I — даже за такие проступки, как курение и продажа табака, медлительность при доставке почты, порубка заповедного дуба. При Алексее Михайловиче только за подделку монет подверглись смертной казни 7000 человек.

В период инквизиции карались смертью преступления против религии. Сюда были отнесены: богохульство, оскорбление святыни, ересь, вероотступничество, святотатство, колдовство. 16 февраля 1568 года инквизиция осудила на смерть всех жителей Нидерландов, за исключением поименно указанных. На основании этого указа было казнено 25 тысяч христиан-протестантов. Иисус Христос предвидел это, когда сказал: «Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас... за имя Мое» (Мф. 24, 9).

Начало борьбы против смертной казни относится к первым векам христианства. Блаженный Августин в своих сочинениях энергично восставал против нее, доказывая ее несправедливость и нецелесообразность.

Христианин-квакер Уильям Пенн в 1681 году в законах для основанной им колонии в США сохранил смертную казнь только за умышленное убийство.

Бог дал заповедь человеку: «О, человек! сказано тебе, в чем добро, и чего требует от тебя Господь: только действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудро ходить пред Богом твоим» (Мих. 8, 8). Но зло вошло в мир как следствие грехопадения и отступления человека от Бога, от чудесной гармонии духа и плоти. Грех породил вражду и ненависть.

Каин учиняет в сердце своем суд над братом своим Авелем и убивает его. Каин совершает страшный грех. Но Бог не воздает злом за зло. В милости Своей Он оставляет Каину жизнь и защищает его.

Моисей, сталкиваясь с тем же проявлением зла, утверждает заповедь: не убей! Не лишай жизни ближнего твоего. Но в то же время повелевает убивать лжепророков (Втор. 13, 9), злословящих родителей, прелюбодеев, волшебников и др. (Левит. 20).

Если представляешь человечество как единый организм, то удаление гнойников на этом теле есть благо. Но только подлинных гнойников, угрожающих жизни человечества. Криминалисты-антропологи рекомендуют государству, как охранителю интересов людей и защиты общества, применять смертную казнь для убийц-рецидивистов, полностью лишенных чувства милосердия и сострадания.

Иисус Христос видит выход человечества из этой дилеммы — казнить или не казнить преступника — только в свете Своего учения, смерти как заместительной жертвы за грехи всех людей на земле и Воскресения. Возмездие за грех — смерть. Но все люди грешны, все они лишены славы Божией. Поэтому Христос поставил приоритетом Бессмертную Душу человека и спасение ее для Вечности. Он спасает разбойника на кресте, будучи Сам распятым. «Ныне же будешь со Мною в раю» (то есть в новой, вечной жизни),— говорит Он разбойнику.

Циники полагают, что ни одно бедствие, ни одна война не увеличивают количество смертей на земле. Да, «всем человекам положено однажды умереть, а потом суд»... Но Бог дарует жизнь человеку для труда в граде земном, чтобы возделывать землю, оберегать ее и готовиться к вхождению в Божий Град. Блаженный Августин пишет: «Тогда мы освободимся и увидим, увидим и возлюбим и восхвалим. Вот то, чем мы будем без конца! Ибо какая иная цель наша, как не то чтобы достигнуть Царства, которое не имеет конца?»

Поэтому смертная казнь, как наказание на земле за страшное преступление, человекоубийство при отягчающих обстоятельствах, должна быть крайней и редкой мерой. Милосердие должно преобладать над судом. Смертная казнь несправедлива по отношению к кающимся преступникам, бесцельно отнимает у них возможность исправить свою вину. Казнь входит в прямое противоречие с учением Христа, требующим не смерти, а исправления грешника.

А для преступника, осужденного на казнь, должна быть предоставлена возможность исповедания грехов перед Богом и обретения прощения для жизни вечной.

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКИХ ПАРТИЙ

ОТКОЛОВШИЕСЯ

Рубрику ведет публицист, кандидат исторических наук Лев ОВРУЦКИЙ. Сегодня в разговоре участвует доктор исторических наук Алексей ЛИТВИН (Казань)

Лев Овруцкий. В декабрьской книжке «Известий ЦК КПСС» опубликованы протоколы заседаний ЦК РКП(б) весны — лета 1919 года. В протоколе от 13 апреля обращает на себя внимание пункт 26-й.

«Слушали: **Тов. Ленин передает предложение и просьбу Устинова и революционных коммунистов о том, чтобы дать возможность их боевой группе пробраться в Сибирь для вктивных выступлений против Колчака, а также о материальной помощи как эти[м] товврищам (50—75 человек), так и издательству их в размере 300 000 руб.**

Постановили: **В принципе посылку людей считать приемлемой, а техническое выполнение поручается Организационному Бюро. На издательство выдать не 300 000 р., а 150 000 руб.»** (Известия ЦК КПСС, 1989, № 12, с. 150).

Читатель, возможно, будет недоумевать, столкнувшись в тексте с «революционными коммунистами»: а разве бывают коммунисты другие? Не описка ли? Нет, не описка. Следствием левоэсеровского выступления 6 июля, которое было предпринято втайнв и от многих руководителей, и от массы рядовых партийцев (см. «Родина», 1990, № 3), стал раскол. Были образованы две новые партии: революционных коммунистов и народников-коммунистов. Вот как это происходило.

Уже 9 июля 1918 года Саратовский комитет партии левых эсеров разослал в различные губернские организации телеграмму: **«Саратовский комитет, осуждая участие левых эсеров в московских событиях... созывает в Саратове 20 июля Всероссийскую партийную конференцию».** На Саратовской городской конференции левых эсеров отмечалось, что **«московская трагедия является следствием исключительно тактической аберрации в оценке момента»**, и звучал призыв **«к углублению и расширению классовой борьбы, являющейся существом нашей социальной революции, единым фронтом с партией коммунистов (большевиков)».**

Саратовцев поддержала группа работников бывшего левоэсеровского центра (А. Колегаев, М. Натансон, А. Новицкий и другие). Немаловажным для создания новой партии было и позитивное отношение к ней со стороны руководства большевиков. Так, Воронежский губвоенком, получив телеграмму из Саратова, тут же сообщил ее текст Ленину; ответ гласил: **«Телеграмма из Саратова заслуживает доверия и распространения, ибо исходит от людей, искренне осуждающих авантюру левоэсеровского цека»** (Ленин В. И. ПСС, т. 50, с. 120).

Конференция состоялась в Саратове 21 июля 1918 года. Представители 18 левоэсеровских организаций, в основном Поволжья и Центрально-Черноземной области, признали необходимость создания новой партии. Конференция приняла решение об «оздоровлении тактики партии» и о созыве съезда всех бывших левых эсеров, признающих недопустимость насильственного срыва Брестского мира, террористических актов на советской территории от имени советской партии, активной борьбы с правящей партией коммунистов в целях насильственного захвата власти, неприемлемость **«той политики, которая затемняет в массах классовый характер революции, идущей через гражданскую войну к социализму».** С 14 сентября стала выходить ежедневная газета «Воля труда» — центральный орган партии революционных коммунистов (в дальнейшем — ПРК).

Алексей Литвин. Учредительный съезд ПРК состоялся 25 сентября 1918 года в Москве. Он декларировал, что, оставаясь народнической по своей идеологии и программе, ПРК будет сотрудничать с РКП(б), считая ее главной и руководящей силой революции. В ЦК вошли: А. Н. Александров, А. А. Биценко, М. А. Доброхотов, А. Л. Колегаев, Г. Н. Максимов, А. М. Устинов, В. Н. Черный. ПРК отказалась от традиционного эсеровского девиза «В борьбе обретешь ты право свое!» и приняла новый: «Властью трудящихся — к социализму!».

Л. О. Согласитесь, перемена девиза выглядит несколько нарочито. «В борьбе обретешь ты право свое!» — великолепный лозунг на все времена. Если и был смысл в его отказе от него, то, наверное, в том, чтобы подчеркнуть: создание ПРК — это не просто смена вывески...

А. Л. Надо сказать, что лидеры революционных коммунистов относились к этому вопросу ревниво, всячески подчеркивая свою самобытность. Так, Саратовский комитет ПРК в письме Вольскому укому (ноябрь 1918 года) выразил недовольство выпущенной в Вольске листовкой, в которой говорилось, что революционные коммунисты — это бывшие левые эсеры. В письме отмечалось: **«...Партия революционного коммунизма не является бывшей партией левых с.-р., ибо, отмежевавшись от левых с.-р., партия революционного коммунизма настолько изменила свою тактику и дополнила программу, что все связи с партией левых с.-р. порввны окончательно»** (Партийный архив Саратовского ОК КПСС, ф. 151, оп. 1, д. 13, л. 6).

Л. О. Тактические изменения не вызывают сомнений, но, согласитесь, программные положения остались, в сущности, прежними. Революционные коммунисты, как до них и социалисты-революционеры, и левые эсеры, считали себя последователями Чернышевского, Лаврова, Михайловского. В противоположность марксизму с его исключительной, как они полагали, «апелляцией к шкурным интересам брюха» (то есть подчеркиванием материальной, объективной стороны общественного развития) левонародники во главу угла ставили роль личности в истории. Именно этот личностный, субъективный момент лежал в основе того, что они называли теорией «интегрального социализма». Согласно их убеждениям, социальный прогресс обеспечивается «не развитием производительных сил», а борьбой «человеческой индивидуальности за свое полное раскрепощение». Как заметил Ленин, «чисто идейную основу такого народничества, от союза с которым никогда **не отказывались коммунисты-большевики**», составляет «несогласие с марксизмом, во-первых, полное согласие с теорией "уравнительного землепользования" (и с законом о нем), во-вторых» (ПСС, т. 37, с. 36).

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОСЬЕ

Положения программы партии революционного коммунизма (принята на IV съезде 26 октября 1919 года)

...Всестороннее освобождение человеческой индивидуальности обуславливает необходимость таких общественных форм, которые, раскрепощая труд и ценности им создаваемые, освобождали бы личность, создавали бы общественную гармонию и солидарность...

В основе такого однородного (лишенного элементов угнетения и неравенства) общества должен лежать принцип равноценности человеческой личности, т. е. права каждого на равное с другими существование, обуславливающий коммунистические формы труда и пользования ценностями и продуктами его творчества.

Такое общество, будучи построено по типу простой общественной кооперации (сотрудничества), является не только объективно необходимым условием развития человечества, но составляет для всякой человеческой личности, как существа разумноцелестремленного, по мере роста в ней критической мысли, и элемент субъективно-желательный — этический идеал, направляющий ее волю в борьбе за человеческую индивидуальность.

Так как развитие исторического процесса, будучи интегральным, является в каждый данный момент результатом сочетания всех социальных условий его составляющих (экономических, политических, духовных и иных), то социальный прогресс человечества, выражающийся в борьбе за установление высших форм общественной солидарности, обуславливается ростом сознания и солидарности человечества, усиливающих его влияние над окружающей средой.

Человеческая личность, познавая объективно-необходимое и теоретически-возможное — правду-истину, вырабатывая на основании этого субъективно-желательное — правду-справедливость, стремясь осуществить их в общественных формах, активно участвует в ходе истории, чем все более и более вносит планомерность и целесообразность в ее стихийные процессы...

А. Л. Да, теоретические воззрения лидеров ПРК мало чем отличались от левоэсеровских. Скажем, в центральном вопросе любой революции — вопросе о власти — и те и другие стояли на той точке зрения, что стране нужна не диктатура пролетариата, а «диктатура всех трудящихся». К программным новациям может быть отнесено разве что появление понятия «коммунизм» (на этом основании лидеры ПРК считали себя представителями коммунистического крыла революционного народничества). Но вот каков этот коммунизм, цитирую: **«Полным выражением принципа простого сотрудничества (простой кооперации) является коммунизм в производстве и распределении, осуществляющий лозунг: труд— по силам и способностям, распределение— по потребностям каждого. Коммунизм осуществим лишь при условии единства народного хозяйства, организованного централистически в смысле учета, регулирования и общего плана его ведения, но построенного и функционирующего децентралистически через производственно-профессиональные объединения самих трудящихся».** Децентрализация и акцентирование роли профсоюзов не что иное, как старые левоэсеровские идеи, слегка модифицированный «крестьянский социализм». Не меняет этой оценки и концепция «аграрного коммунизма», выдвинутая членом ЦК партии ПРК А. Устиновым.

Из статей Алексея Устинова «Через социализацию земли к коммунизму» и «Аграрный коммунизм»

От того, насколько последовательно будет проведена в жизнь социализация земли, зависит самый успех зарождения территориальных коммун. Ибо превращение земледельческой России в аграрно-коммунистическую Россию возможно только при удовлетворительном разрешении вопроса о расселении, переселении в связи с наделением землей трудовых хозяйств, из которых будут органически вырастать отдельные коммуны, союзы коммун и территориальное слияние таких коммун-ячеек, союзов коммун. Социализация земли расчищает путь аграрному коммунизму и закладывает для него основу: **обобществление земли трудовыми пользователями.**

Для меня не раз вставал вопрос: не через аграрный ли коммунизм придем мы к коммунизму вообще? Не втянет ли в себя деревенская, уездная, областная коммуна города и фабрики со всем пролетарским населением.

Я отвечаю себе на этот вопрос утвердительно: город нуждается сейчас в деревне гораздо больше, чем деревня в городе; в деревне коммунизм легче осуществим, чем в городе — он там значительно элементарнее, требует меньших технических знаний, менее сложного аппарата и т. д. В процессе обмена произойдет слияние городских и сельских коммун, при неизбежной экономической гегемонии последних; тогда как идейно-техническая гегемония останется за первым.

Экономически отсталая Россия фактически ведет за собой мир к социальной революции и к торжеству коммунизма; отсталая деревня — земля — приведет через социализацию земли к коммунизму.

Логика фактов, весь ход нашей социальной революции говорит именно за это...

Сущность сельско-хозяйственной коммуны будет, следовательно, определяться следующими моментами.

1) Общая обработка пашни, общий уход за полями и общая уборка урожая, вообще весь хозяйственный распорядок в поле, в саду, в огороде, на скотном дворе и т. д. поддерживается общими усилиями.

2) Общая сумма потребностей всех членов коммуны — от мала до велика, включая сюда больных, увечных и престарелых — определяется заранее и **все потребности** членов коммуны в пределах установленной нормы **удовлетворяются из того, что произведено общими усилиями коммуны.**

3) Удовлетворение потребностей во всем их объеме (материальных и духовных потребностей) происходит не по мерке приложенного труда или по способностям членов, а именно по потребностям в их совокупности: **работа в коммуне дается каждому члену по его способностям,** а потребности его удовлетворяются сполна, без всякого отношения к тому, какую работу он выполнял в коммуне, сколько он часов работал, слабый он или сильный, умный или глупый.

4) То, что производится коммуной в избытке, идет в обмен на продукты, которые коммуной не производятся: избыток затем идет напр. на то, чтобы приобрести фабрикаты, чай, керосин и т. п.

5) Коммуна не знает, что такое «цена» и «деньги» — они ей не нужны, как я уже указывал выше, для внутреннего обращения: с упразднением капиталистического строя они будут вовсе излишни.

Таким образом, **существо коммуны исчерпывается,** говоря коротко — **общностью труда, принципом — всем по их потребностям безотносительно к качеству и количеству этого труда, отсутствием цен и денежных знаков в коммуне...**

Показательно, что и в области аграрной политики установки ПРК не отличались от левоэсеровских. Так, А. Колегаев опубликовал в «Воле труда» ряд статей, где обосновывалась необходимость отмены твердых цен на хлеб, расформирования комбедов. Эти же положения содержались в его докладе I съезду ПРК, оттуда перекочевали в официальную резолюцию.

Л. О. Понятно, что позиции революционных коммунистов часто расходились с большевистскими. Вот, к примеру, полемика Устинова с Лениным по поводу известной ленинской статьи «Ценные признания Питирима Сорокина».

Лидер ПРК пишет: **«В деревне наша задача — уничтожить помещика, сломить сопротивлвние эксплуататора и спекулянта-кулака; опереться для этого мы можем прочно *только* на полупролетариев, на "бедноту". Но средний крестьянин нам не враг». Так заявляет Ленин...**

Только пролвтариат и буржуазия признаются марксистами «решающими» силами — это вытекает из их экономического понимания истории, из того, что все и вся определяется производственными отношениями, которые вытесняют из «экономической рубрики» все то, что не относится к «пролетариату». Таким образом, естественно, трудовое крестьянство и трудовая интеллигенция попадают в рубрику «мелкой буржуазии». (Можно вообразить, как обидно было революционным коммунистам, боровшимся с *буржуазией,* числиться в *мелкобуржуазных* партиях.— **Л. О.)**

Мы, последователи интегрального социализма... проводим классовое деление... по линии *труда* и *эксплуатации,* создающих особую классовую психологию.

Мы противопоставляем не пролетариат буржуазии, а трудящихся — эксплуататорвм...

Таким образом... *трудовое крестьянство,* охватывающее и «бедняка» и «середняка», крестьянина, мы не только не считаем врагом революции и социализма, но признаем его движущим фактором социальной революции...

Наш союзник в деревне — *вся масса трудового крестьянства;* опираясь на него, вместе с ним городской пролетариат может и должен строить новую жизнь на трудовых началах.

Этим и определяется вся наша деревенская политика, так резко расходящаяся с политикой партии коммунистов-большевиков.

Ленин ставит задачей партии — «уметь достигать *соглашения* со средним крестьянином», опираясь «*только* на бедноту».

Партия революционного коммунизма ставит своей задачей политику *совместной* с трудовым крестьянством борьбы пролетариата, борьбы за социализм против врагов его.

Там осуществляется политика «соглашения», здесь политика единого классового фронта трудящихся».

А. Л. Конечно, с точки зрения марксистской науки любой крестьянин, имеющий лошадь и плуг — орудия труда,— есть

мелкий буржуа и уже потому заслуживает недоверия. Точка зрения Устинова, основанная на элементарном здравом смысле и знании положения дел в деревне, возможно, далека от марксизма, тем не менее она выглядит более привлекательной. Желание большевиков прочно опереться только на бедноту породило политику «комитетов бедноты». Благие намерения, которыми эта политика была вызвана, вне сомнений. Но результаты...

Л. О. Комбеды — это значит: власть в деревне не у самых знающих, работящих, авторитетных, а у самых бедных. С высоты марксистской классовой твории сельский пролетариат (или полупролетариат), которому нечего терять, кроме своих цепей, есть надежнейший союзник рабочего класса. Но если идти не от теории, а от жизни, «отдельно взятой деревни», то нетрудно понять чувства, владевшие мужиком, когда ему на голову сваливались в роли новой власти — согласно декрету! — люди, по его мнению, абсолютно не заслуживавшие уважения и доверия, чье представление о справедливости вмещалось в лозунг: «Все забрать и все поделить!». «Голытьба», «перекати-поле» не самые хлесткие зпитеты из тех, коими их награждала деревня.

Кстати говоря, мы до сих пор толком не знаем, что означает понятие «социалистическая революция в деревне летом 1918 года». Где ее собственно социалистические плоды? Историки предпочитают описывать события, забывая, что одна из важнейших функций науки — объяснительная. Что, скажем, социалистического в конфискации десятков миллионов гектаров кулацкой земли, даже если земля эта отошла беднякам? В усилении мелкого собственника за счет собственника крупного нет ни грана социалистичности. Радикальный мелкий буржуа «территоризировал себя», по выражению Маркса, на пространстве, занятом Советской властью,— вот к чему, по сути, свелась «социалистическая революция в деревне летом 1918 года». Показателен прием, каковым Ленин отводил многочисленные обвинения, предъявлявшиеся продотрядовцам в пьянстве, мародерстве и тому подобном (не признать их было невозможно). Например, на одном из митингов он упомянул о продотрядв, который из реквизированных 6 тысяч пудов хлеба 3 тысячи отдал беднякам. «**Если бы даже мне доказали,**— говорил Ленин,— **что до сего времени в России есть только один такой отряд, я все-таки сказал бы, что Советская еласть свое дело делает**» (ПСС, т. 36, с. 429). Но замечу, что и легендарный разбойник Робин Гуд отбирал у богатых и отдавал бедным — праада, никто его не считал социалистом.

Утверждают: «Борьба за хлеб — борьба за социализм». Очевидно, нужны более веские доказательства, чем нам обычно предъявляют, того, что скудный хлебный паек (полфунта, четверть и даже «осьмушка»), который получали горожане, невозможно было извлечь из деревни иначе, как грубым насилием. В связи с этим встает вопрос: фатально ли неизбежной была политика «военного коммунизма» с ее продотрядами и реквизициями? Трудно понять, отчего продналог, введенный весной 1921 года — только после Тамбова и Кронштадта! — был невозможен весной 1918-го...

А. Л. На мой взгляд, если бы большевики следовали тем идеям, которые изложил Ленин в работе «Очередные задачи Советской власти» (апрель 1918 года), многих трудностей (с последующим героическим их преодолением) удалось бы избежать. Исходя из многоукладности российской экономики, Ленин признавал: нельзя обойтись без компромиссов с теми классами и группами, которые эту многоукладность составляют (ПСС, т. 36, с. 207). Но на практикв любые компромиссы были отброшены. Новая власть полагалась только на военную силу. Политика «закручивания гаек», прямой конфронтации с теми, «кто не с нами», отталкивала от правящей партии массовый слой середняков (как «старых», дооктябрьских, так и «новых», получивших звмлю после революции) и тем самым подливала масла в огонь гражданской войны. Введение против воли крестьянства хлебной монополии в мае — июне 1918 года стало своего рода прологом к продразверстке 1919—1920 годов. Несмотря на гигантские усилия и жертвы, продразверстка позволила собрать не более половины хлеба, потребного для жизни городов и поддержания боеспособности Красной Армии.

К сожалению, военно-коммунистическвя политика возобладала. Как итог — крестьянские восстания, полыхавшие по всей стране. Они, конечно же, объявлялись «кулацкими».

Вот один из характерных сюжетов. 7 февраля 1920 года в деревню Новая Елань (Мензелинский уезд, Уфимская губерния) прибыл продотряд во главе с уполномоченным Пудовым. Потребовали сдать все имевшееся зерно; крестьяне же просили оставить запас для пропитания и сева, соглашаясь сдать остальное. Казалось бы, разумное условие, однако Пудов счел его саботажем. Он арестовал группу сельчан, среди которых были женщины и дети, и заключил их в амбар, а дело, напоминаю, было в феврале. Естественно, крестьяне бросились «в вилы» — отсюда и «вилочное восстание». Назавтра огонь мятежа распространился на ряд смежных уездов, так что для усмирения понадобились регулярные части Запасной Армии Республики, с пулеметами и артиллерией. Восстание проходило под лозунгом «Долой коммунистов! Да здравствует Красная Армия, большевики и свободная торговля!». Только на первый взгляд этот лозу г кажется бессмысленным. На самом деле он отражал реальное противоречие: крестьяне были благодарны большевикам, давшим им землю в 1917-м, но ненавидели коммунистов, ведь те подчистую отбирали урожай, собранный с этой земли. Восстание было подавлено, Пудов расстрелян — похоже, власти сочли, что обе стороны не правы.

Такова история. Надо ли говорить, что в Энциклопедическом словаре «Гражданская война и военная интервенция в СССР» (1983) «вилочный мятеж» характеризуется как антисоветское выступление кулаков, бывших торговцев, белогвардейцев и дезертиров?

Л. О. Возвращаясь к нашей теме, можно, по-видимому, констатировать, что в протестах левонародников (революционных коммунистов в том числе) против практики комбедов и продотрядов был определенный смысл.

А. Л. Безусловно, но правящая партия считала по-иному и реагировала соответственно. Так, 3 декабря 1918 года Казанский губком РКП(б) выразил политическое недоверие революционным коммунистам и потребовал отзыва их представителей со всех ответственных постов в советских учреждениях, что и было сделано (Партийный архив Татарского ОК КПСС (ПАТО), ф. 868, оп. 1, д. 63, л. 93). 13 января 1919 года Президиум 3-го Буинского уездного съезда Советов телеграммой на имя Ленина и Свердлова сообщал, что за ведение контрреволюционной агитации постановлено Буинскую организацию ПРК распустить (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 34, л. 70). В качестве причины указывалось, что уездная

организация революционных коммунистов объединяла примерно 300 мещан-обывателей, которые якобы хотели провести в состав исполкома кулаков. Стоит немного скорректировать терминологию, как суть разногласий обнажается вполне: «мещане-обыватели» — это, наверное, служилая интеллигенция, а «кулаки» — скорее всего обычные середняки. Правда, справедливость требует отметить, что в большинстве случаев разногласия большевиков и ревкоммунистов до явных конфликтов не доходили.

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОСЬЕ

В декабре 1918 года прошел II съезд ПРК, на нем были представлены 15 губернских и 50 уездных партийных организаций. К этому времени партия насчитывала 2,8 тысячи членов и 1,5 тысячи сочувствующих. Наиболее крупные организации — в Поволжье и Центрально-Черноземной области. Представители ПРК входили во ВЦИК и ряд местных Советов. Комитеты ПРК сотрудничали с комитетами РКП(б), проводили мобилизацию своих членов в Красную Армию.

Л. О. Судя по всему, ПРК не была массовой. Среди 54 делегатов IV съезда (октябрь 1918 года) — 33 интеллигента, 10 рабочих и 11 крестьян. Если социальный состав делегатов отражал социальный состав ПРК, то можно сделать вывод, что это была скорее партия интеллигентов, нежели рабоче-крестьянская или крестьянская. Красноречивым свидетельством тому служит и письмо одного партийного функционера, адресованное своему ЦК. Из 40 членов организации, сообщает он, 36 интеллигентов, 3 рабочих и только один крестьянин. Партийная работа ведется лишь среди членов организации, то есть «никаким влиянием на массы она не пользуется».

А. Л. Да, попытки превратить партию в массовую не увенчались успехом. Это обстоятельство порождало серьезное разочарование среди лидеров ПРК, ведь это были люди, привыкшие в рядах эсеровской, а затем левоэсеровской партий к массовой работе. Они предпочитали положение рядовых в армии, а не генералов без нее. Закономврно последовали выходы из партии: уже в октябре 1918 года вышел из ПРК и вступил в РКП(б) С. Рудаков (Волисский). В своем «Открытом письме товарищам» он заявил об отсутствии исторических перспектив у партии, которая строится на основах народничества, хотя бы и революционного («Знамя трудовой коммуны», 4.10.18). В конце ноября ПРК подверглась тяжелейшему испытанию: из ЦК вышли больше половины членов — А. Колегаев, А. Александров, М. Доброхотов и В. Черный. Это решение мотивировалось единством звдач, стоявших перед большевиками и революционными коммунистами, а также тем соображвнием, что наличие двух партий предполагает существование оппозиции («Воля труда», 19.11.18). За выходом из ПРК последовали заявления о вступлении в РКП(б) («Известия ВЦИК», 10.11.18). Пожалуй, единственный, кто стоял на посту до конца, был бесспорный лидер революционных коммунистов А. Устинов.

Л. О. Пожалуй, не стоит расценивать переход активистов ПРК в большевистскую партию как беспринципные «тушинские перелеты», хотя стороннему наблюдателю трудно поверить в исключительно идейные побуждения людей, которые ещв в сентябре считают себя левонародниками и последователями Лаврова, а уже в ноябре, как бы узрев свет марксизма, спешат записаться в большевики. Интересно поразмыслить над причинами этого явления.

А. Л. Один историк заметил, что массовый выход из партии левых эсеров и вступление в РКП(б) стали следствием акции 8 июля: левые эсеры обвиняли в случившемся только себя и свой ЦК и «комплекс того, что большевики были преданы ими в критический для коммунистической революции момент, не покидал многих левоэсеровских лидеров». В самом двле, когда решался вопрос о том, быть или не быть Советской власти, все разногласия, пусть и немаловажные, отходили на задний план. Революционный инстинкт побуждал к единению, и, повинуясь ему, многие лидеры революционных коммунистов стремились встать рядом с большевиками.

Л. О. Возможно, это главная, но не единственная причина. Следует обратить внимание на интересное хронологическое совпадение: 9 ноября VI Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов постановил слить комбеды с Советами, а через

Алексей Устинов. Фотография из Центрального государственного врхивв Октябрьской революции СССР

Плаквты послереволюционных лет

несколько дней последовал выход ряда деятелей из ЦК ПРК. Очевидно, Колегаев и другие сочли, что прекращение политики комбедов означает устранение основного противоречия, разделявшего революционных коммунистов и большевиков.

А. Л. Да, но решение о слиянии с РКП(б) VI съезд ПРК принял только в свнтябре 1920 года. Этому предшествовал целый ряд событий. В апреле член ЦК ПРК П. Сапожников опубликовал тезисы «Пролетарская революция в борьбе за индивидуальность», в которых подверг критике ряд краеугольных положений народнической теории. В тезисах содержалось признание ведущей роли пролетариата по отношению «к другим слоям и группам», а также согласие с тем, что диктатура пролетариата — «этап на пути к коммунистическому однородному обществу» («Воля труда», 25.04.20). Вслед за Сапожниковым и Устинов пришел к выводу, что **«начинает терять смысл существование не только «антибольшевистских», но и просто оппозиционных лояльных политических партий».** Таким образом, идейно решение об объединении было подготовлено, так что, когда вопрос встал практически, возражений со стороны местных организаций не последовало.

Непосредственным стимулом к слиянию ПРК с большевиками явилось решение II конгресса Коминтерна о том, что в каждой стране должна быть только одна коммунистическая партия. 26 июля 1920 года Устинов и Сапожников, имевшие на конгрессе совещательные голоса, передали президиуму декларацию ЦК ПРК, в которой выражалась готовность подчиниться принятому решению.

Вместе с тем вще раз фиксировались теоретические и политические расхождения. Наибольшие опасения у революционных коммунистов вызывали такие моменты, как **«установление вместо диктатуры революционного авангарда всех категорий трудящихся... узкой диктатуры одной какой-либо категории трудящихся, а тем более какой-либо партии, в результате чего возможно... закрепление господствующего привилегироввнного положения за диктаторствующими элементами пролетариата и его партии, устанавливающее новую форму общественного неравенства — государственный социализм...».** (Сегодняшний читатель может судить, насколько эти опасения были основательны.) **«Схеме: диктатура пролетариата, национализация хозяйства, государственный социализм, рабочая демократия партия революционных коммунистов противопоствляла и противопоставляет: власть трудящихся, социализация хозяйства, общественный социализм, трудовая демократия...»** Эта декларация была подписана членами ЦК П. Сапожниковым, А. Устиновым, А. Григоровичем, И. Ковальской, И. Решетовым (Архив Саргубкома ВКП(б), 1920, д. 414, лл. 16, 17).

Л. О. Все же, согласитесь, странно: партии уже нет, а идеология, которую она, быть может, неосознанно отражала, осталась. Остался крестьянский — стихийный и наивный — социализм с его надеждой на всеобщее имущественное «поравнение». Осталась, если угодно, идеология «мелкого хозяйчика» (по совершенно непонятной причине, определение это приобрело у нас уничижительный и даже оскорбительный оттенок). Она массово проявлялась во времена нэпа, да и сегодня, если вдуматься, желание колхозника стать свободным фермером — это ли не то же самое?

Но если идеология партии в массах жива, а организационные структуры распадаются, можно предположить, что революционные коммунисты (как и другие левонароднические партии) прекратили свое существование нв вполне, скажем так, добровольно.

А. Л. Безусловно, все они ощущали давление со стороны правящей партии. Я упоминал уже случаи в Казани и Буинском уезде; они были скорее типичными, чем единичными. Не случайно 28 февраля 1919 года ВЦИК постановил **«за принадлежность к партиям революционных коммунистов и социал-демократам интернационалистам никаких репрессий не применять, так как они являются лояльными советскими партиями»** (Декреты Советской власти, т. IV, М., 1968, с. 451—452).

Л. О. В статье советского историка Ю. И. Шестака анализируется реакция большевистского руководства на роспуск Уржумской (Вятская губерния) организации ПРК по решению укома РКП(б). ЦК РКП(б) расценил действия Уржумского комитета как ошибочные, указав, что в роспуске не было необходимости, достаточно привлечь к ответственности тех членов ПРК, которые того заслуживали, и рекомендовал принять меры к восстановлению организации революционных коммунистов в уезде. Это и сделала уездная конференция большевиков. «С рядовыми членами организации,— пишет Шестак,— было проведено собрание, на котором им рассказали о поведении их лидеров. Был избран новый уездный комитвт ПРК, который провел основательную чистку организации и упорядочил прием новых членов» (Ю. И. Шестак. РКП(б) и партия «революционного коммунизма». Вопросы истории КПСС, 1972, № 2).

Большевики «по-отечески» воспитывают членов другой партии: привлекают к ответственности одних, проводят собрания с другими, «помогают» избрать новый комитет. Но если одна партия вольна запретить или разрешить другую, о многопартийной **системе** речи быть не может. Надо тогда говорить о многопартийности как **исключении из системы.** Историки до сих пор спорят, как и когда в нашей стране сложилась однопартийность. Но прежде чем обсуждать какой-либо вопрос, полезно его точнее сформулировать. Что мы, собственно, обсуждаем — многопартийность де-факто или де-юре? Многопартийность как политический институт, опирающийся на закон и традиции, или же существующую несмотря на неодобрительное отношение власти и даже вопреки вй?

Если считать, что однопартийность — это отсутствие многопартийности, задача сводится к установлению даты, когда прекратилась деятельность всех партий, кроме большевистской. На мой взгляд, зтого недостаточно. Ведь проблема в том, чтобы многопартийность опиралась на закон, а не на волю правящей партии.

А. Л. Заметим, что случай с исчезновением ПРК, по существу, поглощенной более сильным соперником, был не единственным. К такому же финалу пришла и партия народников-коммунистов. Правда, это случилось много ранее.

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОСЬЕ

I Всероссийская конференция народников-коммунистов состоялась 21—24 сентября 1918 года. ПНК насчитывала около 3 тысяч членов. 6 ноября 1918 года II чрезвычайный съезд партии принял решение о слиянии с РКП(б).

Лидер партии народников-коммунистов — Г. Д. Закс (1882—1937). В октябре 1917 года — левый эсер, член Петроградского ВРК, с марта 1918-го — заместитель председателя ВЧК. Затем — на военной работе.

28 июля 1918 года группа левых эсеров Пресненского района Москвы покинула городскую конференцию своей партии, заявив, что не можвт одобрить событий 6 июля. В середине августа московские левые эсеры, сгруппировавшиеся вокруг газеты «Знамя трудовой коммуны», заявили о готовности создать новую партию, которая «окончательно и бесповоротно» порывает с левыми эсерами. I Всероссийская конференция народников-коммунистов заявила о признании Советской власти и решений V Всероссийского съезда Советов, приняла новый девиз «Через труд и борьбу к коммунизму!». В резолюциях конференции отмечалось, что ПНК в полном согласии с большевиками считает комбеды органами классовой борьбы в деревне, хотя и не отказывается от идеи социализации земли.

Но вскоре народники-коммунисты признали, что **«в смысле экономическом наше, народническое, классовое деление не оправдалось, а оправдалось классовое деление мврксистов», «жизнь заставляет нас уступить и проводить вместе с большевиками расслоение крестьянства, диктатуру власти пролетариата и беднейшего крестьянства и централизацию в хозяйственном отношении»** («Знамя трудовой коммуны», 3.10.18). Мотивируя решвние о слиянии с РКП(б), съезд заявил, что только большевистская партия сохраняет верность революции, а все остальные **«сбились с пути и остались без своей социальной базы — без опоры в сочувствии и поддержке революционных масс... Народничество, ведущее крестьянство и опирающееся на него, остановилось на полдороге и не сумело выполнить своей исторической роли объединения беднейшего крестьянства и городского пролетариата на пути к единой цели — освобождению труда»** («Правда», 13.11.18).

Побудив партии революционных коммунистов и народников-коммунистов к отказу от самостоятельности, большевики лишили целые социальные слои возможности открыто заявлять о своих особенных интересах, а себя — лояльных и доброжелательных оппонентов. Правильным ли было это решение? Как бы то ни было, в наши дни тезис о необходимости многопартийности возник не на новом витке развития, а на искусственно прерванном и незаконченном старом. И пройти этот виток нам все равно придется. Если и есть нечто доказанное историческим опытом абсолютно, так это то, что общество нуждается не в монополизированной власти, а в открытой состязательности политических идей и политических партий.

КАЗАЧЬИМ ТРАКТОМ В ТМУТАРАКАНЬ

Тмутаракань... Это древнерусское слово нет-нет да и мелькнет в нашем современном языке. Тмутаракань значит глушь, неведомая даль, чуть ли не конец света. Но тысячелетие назад словом этим называлось процветающее и могущественное княжество, первое русское поселение в Причерноморье. Наверное, для славян тех времен, живущих на берегах Волги, Днепра или Онеги, Тмутаракань и в самом деле была дальней далью, куда приходилось «три года на коне скакать». Именно зто значение закрепилось в языке, а вместе с ним и в нашей памяти.

О Тмутаракани и ее законной наследнице Тамани создано немало ученых трудов, написаны книги, но каждый из нас открывает для себя этот край через гениев русской литературы — Пушкина и Лермонтова. И потому весьма заманчиво совершить путешествие в Тмутаракань вместе с ними, представить Тамань такой, какой они ее видели.

Август на Тамани — зенит лета: зной, духота, пыль. Пушкин плохо переносил жару, но судьба повернула так, что именно в самую знойную пору 1820 года ему пришлось совершить путешествие через весь Таманский полуостров. Это трое суток довольно быстрой по тем временам езды. Ехал он вдоль Кубани по Казачьему тракту, в сопровождении казаков и заряженной пушки. Но не опального поэта оберегал конвой от шальной пули горцев: по кордонной линии ехал генерал, в свите которого состоял Пушкин.

Разумеется, путешествие это не входило в творческие планы поэта. Но сколько было интересных встреч, сколько ярких впечатлений!

Пушкин не указывает ни одного пункта, кроме города-крепости Тамани, где он побывал во время этой поездки. И литературоведы как-то не проявляли интереса к его маршруту, ибо для них главное — как отозвалось путешествие в его творчестве.

Отыскать же следы Пушкина на Тамани можно и сейчас. Из войскового града, предтечи нынешнего Краснодара, дорога шла вдоль кордонной линии, через казачьи пикеты и станицы. Мышастовская, Ивановская, Петровская, Ольгинка, Курки... Эти станицы и хутора существуют и сейчас, через них и ныне проходит главная транспортная артерия Таманского полуострова. Но это не та дорога, которой ехал Пушкин. Старая — ближе к Кубань-реке, повторяет ее изгибы — Казачий тракт, который теперь сильно разбит, во многих местах запахан и перечеркнут каналами, но все еще жив и состоит как бы в запасе.

Не раз ездил этой дорогой и Лермонтов. Было это спустя двадцать лет после Пушкина. Лермонтоведы подсчитали, что в общей сложности поэт провел в дороге 365 суток — целый год — и проехал за это время свыше сорока тысяч километров.

Старые казачьи записные книги свидетельствуют, что первую длительную остановку с переменою лошадей путники делали в станице Ивановской. Здесь постоянно квартировала сторожевая рота, а иногда, в тревожные времена, располагался и полк. «Станица Ивановская,— вспоминает один из сослуживцев Лермонтова,— как и все станицы на Кавказе, окружена плетнем и небольшим рвом. У главных ворот — пушка грозою для смельчаков-черкесов, отваживающихся делать набеги на станицу. Весною и осенью по улицам такая невылазная грязь, что сообщение прерывается, а в иных улицах ездят даже на лодках».

В 1840 году в станице Ивановской квартировал Тенгинский полк, к которому был приписан и поручик Лермонтов. Находясь при штабе полка, он нес службу наравне со всеми: дежурил, производил следственные дела. Подтверждением этому служат два его собственноручных рапорта, найденные в старых полковых делах.

Наивно сравнивать прошлое и настоящее Ивановской: ничего общего. Сейчас здесь расположена центральная усадьба колхоза «Россия», одного из крупнейших рисоводческих хозяйств Кубани. От прошлого, когда в Ивановской бывали Пушкин и Лермонтов, остался разве что дом наказного атамана. А вот если проехать чуть дальше и свернуть поближе к берегу Кубани, на старый тракт, то можно обнаружить и остатки линейных укреплений, возведенных еще Суворовым. Тут была одна из «горячих» точек бранного Кавказа.

Литературные следопыты установили интереснейший факт: участие Пушкина в боевом сражении. Вот как описывает это очевидец событий: «Поэт... услышав около себя столь близкие звуки войны, не мог не уступить чувству энтузиазма. В поэтическом порыве он тотчас выскочил из ставки и мгновенно очутился на аванпостах. Опытный майор Семичев, посланный генералом Раевским вслед за поэтом, едва настиг его и вывел насильно из передовой цепи казаков в ту минуту, когда Пушкин, одушевленный отвагою, столь свойственною новобранцу, схватил пику подле одного из убитых казаков, устремился противу неприятельских всадников. Это был первый и последний военный дебют любимца муз».

Когда прослеживаешь пути Лермонтова по Тамани, то обнаруживаешь, что они не раз сходились в местечке Ольгинка,— тогда здесь находился кордонный форпост, а сейчас хутор Тиховский. Дорога делает крутую петлю — и стоп! Тут нельзя не задержаться. По преданию, именно на этом угоре останавливались пролетки Пушкина и Лермонтова, отсюда они любовались заречной далью.

С высокого берега Кубани открывается красивейший вид на округу. Обширная пойма прихотливо заключена в излучину реки. Мирно пасется стадо, режут воздух чайки, зеленеют купы дубов и чинар. Пасторали да и только!

А с другой стороны — пшеничное раздолье, разливанная синь над степью, вдали едва угадываются силуэты холмов, постепенно переходящие в невысокие горы... Где-то здесь, в этой степи, князь Мстислав победил в единоборстве предводителя косогов Редедю и тем избежал кровопролитной войны. А потом «храбрые русичи» Игоря «перегородили поле червлеными щитами», заслонив тмутараканскую землю от половцев. И сокрушали хазар ратники Святослава, и стоял насмерть в битве с врагами «ярый буй тур Всеволод»... Тамань — перепутье эпох, народов, событий. Земля эта пережила опустошительные набеги гуннов, видела орды Батыя и Тамерлана, по ее дорогам пылили колесницы Александра Македонского.

Конечно, время и события меняют лик земли. Но в чем-то он остается узнаваемым. Несомненно, окрестности сохранили немало живых примет не только полувековой давности, но и эпохи Тмутаракани...

Но вернемся в Ольгинку. Здесь произошли события, которые оказали заметное влияние на жизненную и творческую судьбу Лермонтова. В Ольгинке поэт встретился с офицером Мартыновым, которому должен был передать письма и деньги. «Триста рублей, которые вы мне послали через Лермонтова, получил,— сообщал потом отцу Мартынов.— Но писем никаких, потому что его обокрали в дороге, а деньги эти, вложенные в письмо, также пропали: но он, само-собою разумеется, отдал мне свои».

В действительности, однако, дело обстояло не совсем так. Мартынов, узнав о краже, отказался взять деньги. «Если ты их от меня не примешь, то я их подарю песенникам полка»,— ответил Лермонтов. И послал за песенниками, которым он, выслушав лихую казацкую песню, и отдал триста рублей — большие по тем временам деньги. Эпизод с кражей лег затем в основу знаменитой повести «Тамань».

Из Ольгинского укрепления поэт не раз отправлялся в боевые экспедиции на Кубань: в Геленджик, Абинскую, Михайловку и другие населенные пункты, которые и теперь сохранили прежние названия. Пусть и косвенно, но именно здесь сошлись пути его и Пушкина. Михаил Юрьевич служил в батальоне, которым командовал подполковник К. Данзас, секундант Пушкина. Через него он познакомился с братом своего поэтического кумира — Львом Сергеевичем Пушкиным, в обществе которого провел и свой последний день, день дуэли.

Дорога бежит через довольно частые, людные и живописные станицы по берегам обширных лиманов. Как и всюду, они в наше время полностью обновились. Но встречаются еще и старые турлучные мазанки под камышовыми крышами. Во двора такого дома за плетнем из ивовых прутьев можно и сегодня, как полтора столетия назад, выпить холодного молока прямо из кринки, попробовать только что сваренный, чуть присоленный кукурузный кочан, отведать вина домашней готовки.

Узловая станция на Казачьем тракте — станица Темрюкская. Здесь путешественники непременно делали остановку: кормили и перепрягали лошадей, отдыхали после утомительной езды. Станица, довольно обширная уже во времена Пушкина и Лермонтова, расположилась на склоне горы Миска.

Гора невысокая, с плоской, будто смотровая площадка, вершиной. Отсюда отчетливо видна голубая подкова лимана, переходящая у горизонта в сплошную синеву небес и Азовского моря. Но самая большая достопримечательность — это два русла реки Кубани. Одно, слева, исконное, когда река впадала в Черное море. Другое, справа, рукотворное — по нему кубанская вода устремляется в Азовское море.

Река, впадающая в два моря! Об этом много было разговоров в казачьем краю, когда здесь проезжал Пушкин, и вряд ли он удержался, чтобы самолично не убедиться в «чуде», поднявшись на невысокую гору.

А история такая. В 1819 году жители станицы Темрюкской решили прорыть канал: отвести часть воды из Кубани в Ахтанизовский и Курчанский лиманы, чтобы опреснить их соленые воды. Намерение это поддержали соседи — казаки и вольнопоселенцы Старотитаровской и Ахтанизовской станиц. Взялись дружно, за одно лето прорыли канал. Полагали, что Кубань только чуть помелеет, но, ко всеобщему удивлению, прежнее ложе опросталось почти досуха... Это вызвало разнотолки и даже опасения.

Но беды от крутого поворота реки не случилось, как, впрочем, и особой пользы. Во всяком случае, надежды казаков не сбылись: вода в лиманах стала преснее, однако не настолько, чтобы годилась для питья или полива. Река оживила северную часть засушливого полуострова: по берегам ее, у лиманов, основались новые хутора и станицы. Кроме земледелия, здесь получило новый стимул рыбоводство. Так что об исправлении «ошибки» нет и речи: сейчас даже не все местные жители знают, что Кубань полтора века назад впадала в другое море.

С вершины Миски, где мог стоять Александр Сергеевич, можно и сегодня угадать ее древнее русло: оно явственно обозначилось извилистой ложбиной, заросшей ивняком. Кое-где, в местах глубоких вымоин, еще держатся озерца в оправе густых камышей.

Больше ста лет Темрюк носит уже титул города — столицы Таманского полуострова. Рыбный и грузовой порт, консервный завод, осетровый питомник, разного рода кустарные заведения дают представление о том, чем занимаются сегодня его жители. Гора Миска, склоны которой плотно застроены, не потеряла своего поэтического очарования, составляя одну из достопримечательностей Темрюка. И впрямь, на земле немного таких мест, откуда открывается вид сразу на два моря: справа — Азовское, слева — Черное.

В городе на месте старой крепости сохранились остатки прежних строений. Они — немые свидетели славной истории, связанной с двумя народами — русскими и адыгами. Никоновская летопись свидетельствует: первое посольство адыгов прибыло в Москву в 1552 году, второе — через три года, и, наконец, в 1557 году послы князя Темрюка Идаровича заключили договор о добровольном присоединении адыгских племен к России. Русские войска в союзе с черкесскими разбили татар, и в честь этого была основана крепость, названная именем князя адыгов — Темрюк. А дочь князя стала женой государя российского Ивана Грозного.

За Темрюком дорога идет живым тоннелем: с обеих сторон виноградные плантации. Конечно же, их не было во времена Пушкина и Лермонтова — «золотой век» виноградарства наступил в наше время. Полсотни колхозов и совхозов выращивают лозу, причем во многих хозяйствах плантации достигают полутора тысяч гектаров, с них снимают половину всего винограда, выращиваемого в России.

По дороге то и дело попадаются невысокие, оглаженные временем курганы, которые можно принять за привычные холмы. Несомненно, Александр Сергеевич Пушкин и Михаил Юрьевич Лермонтов видели их, проезжая Казачьим трактом. А может быть, и интересовались: что же хранят они в своих недрах? Пушкин, например, оставил такую запись: «Нет сомнения, что много драгоценного скрывается под землею, насыпанной веками».

Многие курганы уже давно исследованы, но раскопки продолжаются: ведь Причерноморье — один из центров человеческой цивилизации. Вскрыты целые поселения, раскопаны жилища, найдены многие предметы домашнего обихода и орудия труда. Все это позволило с полной достоверностью воссоздать образ жизни и занятий наших предков. Так, на месте станицы Сенной был крупный торговый порт Черноморья, славившийся и как культурный центр,— в княжестве составлялась летопись, складывался свой эпос.

И вот самая последняя находка. На месте, где двадцать пять веков назад находился город Горгиппия, обнаружен склеп, сооруженный из хорошо обработанных каменных блоков. Внутри него хранятся три саркофага, вытесанные из цельных глыб. Полуцилиндрический свод и стены покрыты белой штукатуркой и поверх нее расписаны античными фресками.

...Что думал, какие чувства испытывал Пушкин, окидывая взором неоглядную степь с проплывающими мимо курганами? Позади, на востоке, остались горы Кавказа. Степь уходила к горизонту на север и запад, окаймленная с юга извилистой лентой Кубани... Потом эти впечатления не раз оживут в его стихах. Кажется, первым отметил это Гоголь: «Судьба, как нарочно, забросила его туда, где границы России отличаются резкою, величавою характерностью, где гладкая неизмеримость России прорывается подоблачными горами и обвевается югом... Может быть, оттого и в своих творениях он жарче и пламеннее там, где душа его коснулась юга».

Лермонтов в отличие от Пушкина проезжал этими местами — от Темрюка до Тамань-городка — не с военным обозом, а в почтовой карете, на перекладных. Кто был его попутчиком?

Трудно гадать. Скорее всего Михаил Юрьевич коротал время со случайными попутчиками, с такими же, как и он, догоняющими свои полки офицерами...

Вот и Тамань. «Самый скверный городишко из всех приморских городов России»,— так характеризовал его Лермонтов. Здесь произошли события, подробно описанные в одноименной повести. И полезное дело сделали таманцы, открыв в станице музей поэта. (Да, Тамань сегодня не город, а станица, обычная, рядовая.)

В экспозиции музея представлен подлинный документ — рапорт Таманского земского начальника в войсковую канцелярию за 1837 год: число жителей — 278, число дворов — 56, школ — нет, церковь — одна, обеспеченность собственным хлебом — на 4 месяца. Так что это подтверждает слова Лермонтова, вложенные им в уста Печорина: «Я там чуть-чуть не умер с голода».

В Тамани Пушкин и Лермонтов провели несколько дней в ожидании попутного судна — первому нужно было попасть в Крым, второму — в Геленджик. Мы не знаем, как провел здесь эти дни Пушкин, а вот как провел Лермонтов — представление довольно полное. По рисунку, сделанному самим поэтом, по описаниям современников восстановлена хата, в которой он жил. Небольшая, крытая камышом, шестнадцать шагов в длину и семь в ширину. «Две лавки и стол да огромный сундук возле печи составляли всю ее мебель,— писал Михаил Юрьевич в повести «Тамань».— На стене ни одного образа... В разбитое стекло врывался морской ветер...» Все это каждый может увидеть и ощутить сегодня.

Между прочим, в Ленинграде, в Институте русской литературы (Пушкинский дом) хранится рисунок, выполненный самим Лермонтовым. На нем изображен обрывистый берег, на краю домик в два окошка. На воде возле берега баркас, а дальше в море лодка и парусное судно. Рисунок этот неоднократно печатался как иллюстрация к повести «Тамань»: «Полный месяц светил на камышовую крышу и белые стены моего нового жилища; на дворе, обведенном оградой из булыжника, стояла, избочась, другая лачужка менее и древнее первой. Берег обрывом спускался к морю почти у самых стен ее, и внизу с беспрерывным рокотом плескались темно-синие волны».

Много в России мест, где славное прошлое, освященное именами великих людей, составляющих честь и гордость народа, как бы живет в сегодняшнем дне. И одно из них — древняя Тмутаракань, сегодняшняя Тамань.

Евгений СОРОКИН

Фото Владимира **ЛАГРАНЖА**

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

РАДЕТЕЛЯМ «ГУМАННОСТИ»

Игорь БЕСТУЖЕВ-ЛАДА, доктор исторических наук

Вообще говоря и абстрактно рассуждая, только человек, которому чуждо всв человеческое, может выступать за смертную казнь.

Во-первых, жестоко. Бесчеловечно жестоко. Особенно в сомнительных случаях — тут судебную ошибку уже невозможно исправить.

Во-вторых, бессмысленно. Зачем? Ведь мы, слава Богу (точнее, в данном случае — диаволу), создали такую систему тюрем и лагерей, по сравнению с которыми расстрел просто акт милосердия...

Бесчеловечно расстреливать за так называемые «политические преступления». Да и нвту вообще таких преступлений, зто выдумка диктаторов и их юридических холуев. Имеются в виду политические противники, с которыми надлежит бороться политическими же средствами. Имевтся в виду инакомыслие, нормальное для всякого двмократического государства, но преступно объявляемое политическим преступлением в государстве тотвлитарном.

Бессмысленно и бесчеловечно карать смертной казнью за любое преступление, не связанное с покушением на человеческую жизнь,— от мелкого жульничества или воровства до крупной спекуляции или мздоимства. Зачем? В этом случае стократ эффективнее тюрьма с конфискацией награбленного. Понятно, такая, при одной мысли о которой у любого посягателя на нетрудовой доход подкашивались бы ноги и отсыхали руки.

Наверное, со временем, когда (и если) кровавое половодье уголовщины войдет в «обычные» берега, можно будет и редкое чудовище-убийцу покарать пожизненным или достаточно долгим тюремным заключением, которое потрясет остальных потенциальных убийц, отведет от жертвы их замахнувшуюся руку. Что и пытаются делать в иных странах, где уголовщина «нормальная», а не из ряда вон, квк у нас.

Давайте же спустимся с абстрактных эмпирей на нашу грешную землю.

Вот мы читаем уголовнье хроники в газетах. За неделю в крупном городе несколько десятков разграбленных квартир, несколько десятков обворованных, ограбленных прямо на улице, среди белого дня, людей. Несколько убитых или тяжелораненых, изнасилованных, изуродованных. К этим ужасным цифрам многие быстро привыкают: нв меня зарезали — и ладно. А если ко всему этому отнестись не как гусь перед Рождеством, а как человек?

Жена хватилась мужа, ей звонят, она кидается и видит: лежит с ножом в спинв. На шапку позарились! Муж возвращается домой: квартира разгромлена, старуха-мать и мальчонка-сын зверски зарублены топором, труп жены растерзан до неузнаваемости. Родители ждут дочь-подростка из школы, а им сообщают: изнасилована и задушена в подвалв (в лифте, на чердаке, мало ли еще где). И ведь все это происходит каждодневно едва ли не в каждом из наших городов. Порой начинается настоящая эпидемия кошмара: целыми десятками! В десятках городов разом!

Уж если «вообще говоря и абстрактно рассуждая», то глава семьи, как кавказский абрек в былые времена, сам должен бы с винтовкой и шашкой в руках встать на защиту жизни и чести членов своей семьи, своей собственной жизни, наконец. Но он повврил и доверил это дело государству. И как же государство оправдало его доверие? Да никак! Не защитило его ничем, кроме пустых слов о «недопустимости смешивать возмездие с местью» и прочего прямо-таки преступного словоблудия.

Главное же, заранее со стопроцентной уверенностью можно сказать, что двуногий хищник, нечеловек, только что зарезавший человека, хладнокровно зарубивший топором старуху и ребенка, зверски изнасиловавший и задушивший пятилетнюю девочку, уже проделывал то же самое неоднократно, и обязательно — вы слышите: **обязательно! —** зарежет, зарубит, застрелит, изнасилует, задушит любого из нас, как только через несколько лет отдыха в тюрьме снова, по нашему глуповскому обычаю, будет выпущен на свободу. И ему обязательно будут подражать десятки растленных им в тюрьме людей, ставших нвлюдьми. Ему будут подражать молодые нелюди, в тюрьме еще не побывавшив, но так же, как и он, тюрьмы абсолютно не боящиеся.

Единственное, что хоть немного сдерживает руку хищного зверя с ножом или пистолетом,— это чисто животный страх перед «вышкой», перед смертной казнью. Сдерживает незнвчительно, потому что поставлено это дело у нас так, что смертной казни словно и нет, от нее легко мысленно отмахнуться. И все же сдерживает, чему тьма примеров из все той же уголовной хроники на газетных страницах и в телеэфире.

Что делает обыватель города Глупова (обычно с дипломом в кармане и даже нередко с ученой степвнью доктора юридических наук) в такой ситуации? Разумеется, начинает вопиять о «гуманизме», о «ценности человеческой жизни», о «бесчеловечности смертной казни». Слова-то все правильные (абстрактно), но сколько в них антигуманного, бесчеловечного, прямо-таки иудиного по отношению к людям (если конкретно, применительно к сложившемуся положению с преступностью).

А как же иначе? Ведь это так модно, так респектабельно! Смотрите, подавляющее большинство «простых» людей (до 70—80%, как показывают опросы общественного мнения) — **за** смертную казнь, возмущаются позорной беспомощностью нашего государства в отношении борьбы с преступностью, требуют существенного повышвния эффективности этой борьбы, а я, «интеллигент», ставлю выше таких мелочей ценность человеческой жизни и выгляжу на газетной странице, на телеэкране очень благообразно. В отличие от некоторых других.

Как же не стыдно таким псевдогуманистам примазываться к подлинной интеллигвнции? Разве в сложившихся условиях вынужденное сохранение смертной казни — жестокость? Разве демагогическое требование отмены ее — не надругательство над жертвами преступников, не фактическое пособничество им, не соучастие в будущем убийстве, которое обязательно произойдет, когда нелюдь-убийца благодаря ханжеству и лицемерию своих заступников будет в очередной раз выпущен на волю?

Я не могу воздержаться здесь от резких (хотя и прдвльно мягких, по моему мнению) слов и выражений по адресу так называемых противников смвртной казни, потому что меня вот уже несколько раз выставляли каким-то кровожадным монстром, на мрачном фоне которого очень симпатично выглядят радетели «гуманности», которые на деле играют неблаговидную роль завалов на пути к повышению эффективности борьбы нашего государства с преступностью. Нет оправдания такой благоглупости!

Отмена смертной казни — безусловно, благо (и абстрактное, и конкретное). Но его, как и всякое благо, надо заработать не болтовнвй, а решительной и последоватвльной борьбой с преступностью. Включая смертную казнь там, где она пока дает нужный эффект.

Паспортная система: за и против

Марина КОЗОРЕЗОВА,
Майя ПУЧКОВА,
научные сотрудники
Института государства и права
АН СССР

Паспортная система в России была введена при Петре I, чтобы удерживать крепостных на местах их жительства, набирать в армию рекрутов и взимать подушную подать. С 1768 года паспортной системой пользовались и как средством для получения дополнительного государственного дохода — паспортных пошлин. Таким образом, возникнув из финансовых и полицейских потребностей государства, паспортная система первоначально коснулась лишь податных классов. Но затем ее распространили и на остальных подданных империи, хотя и не на всех в равной степени.

По Уставу о паспортах и беглых, опубликованному в Своде законов Российской Империи, всякий, кто покидал место постоянного жительства без паспорта, признавался бродягой и сразу оказывался в положении преследуемого. Под страхом наказания запрещалось предоставлять бродягам место жительства, а за их поимку устанавливалось вознаграждение в три рубля серебром — сумма по тем временам немалая. Дальнейшую судьбу этих людей решали мировые судьи, что нередко означало два года в исправительно-арестантском отделе, а потом ссылку в Сибирь.

3 июня 1894 года в России было принято Положение о видах на жительство. Согласно этому акту все паспорта, за исключением заграничных, стали носить общее название — виды на жительство. Вид на жительство одновременно служил и удостоверением личности, и официальным разрешением на выезд с постоянного места жительства. В месте постоянного проживания, как правило, никто не обязан был иметь вид на жительство.

В 1903 году был принят новый Устав о паспортах, в котором были воспроизведены нормы Положения о видах на жительство 1894 года и последующих актов, а также устанавливались паспортные ограничения для определенных категорий граждан.

Жесткая паспортная система сдерживала развитие зкономических отношений, и в 1906—1914 годах рядом актов она была упрощена, многие паспортные ограничения исчезли. Временное правительство постановлением от 17 апреля 1917 года возложило выдачу удостоверений личности и учет населения на органы милиции, подчиненные земствам, однако реальный учет населения существовал не на всей территории России, а только в ряде промышленно развитых регионов. После установления Советской власти были введены новые официальные удостоверения личности. Для нетрудящихся категорий граждан это были трудовые книжки (по декрету СНК РСФСР от 5 октября 1918 года), затем такие книжки начали выдаваться трудящимся. В трудовых книжках делались отметки о прописке. Граждане, которые не являлись за получением трудовой книжки или давали о себе неверные сведения, подлежали уголовному преследованию.

Основной целью введения трудовых книжек было разграничение населения на трудовое и нетрудовое для выдачи в зависимости от зтого той или иной продовольственной карточки.

Переход к нэпу и изменения в экономическом положении страны заставили отказаться от деления граждан на трудящихся и нетрудящихся. С принятием Гражданского кодекса РСФСР 1922 года, где в статье 5 закреплялась свобода передвижения и поселения на территории РСФСР, ограничения, введенные во время гражданской войны, были устранены.

20 июня 1923 года ВЦИК и СНК РСФСР по проекту НКВД приняли постановление «Об удостоверениях личности», воспрещающее органам управления требовать от граждан РСФСР обязательного предъявления паспортов и иных видов на жительство. Вводился новый документ — «удостоверение личности», которое имело единую форму на всей территории РСФСР.

В постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 18 июля 1927 года «Об удостоверении личности» было подтверждено, что получение удостоверения личности является правом, а не обязанностью гражданина. Кроме того, был решительно расширен круг документов, предъявление которых считалось достаточным для удостоверения личности. При этом удостоверение личности выдавалось без ограничения срока действия.

Но в эти же годы, с конца 1926 — начала 1927-го, стала намечаться тенденция к усилению паспортного режима, более строгим становился учет населения и контроль за его передвижением. Введение 21 сентября 1926 года трудовых списков создало условия для регистрации рабочих и служащих по месту работы. Эти списки, по сути,

являлись анкетами; для руководящих и инжвнерно-технических работников они были постоянными и передавались в случае перемены места работы. Причем один экземпляр трудовых списков в обязательном порядке направлялся на хранение в органы НКВД РСФСР.

Характерно, что в справочных источниках и научных работах по праву, изданных после 1932 года, информации о паспортной системе периода 1923—1927 годов почти нет.

В 1917—1932 годах прописка носила регистрационный характер и применялась для более полного учета граждан. Вопросы паспортной системы и прописки до 1932 года решались на уровне республик. Паспортный режим регулировался текущим законодательством. Ни Конституция РСФСР 1918 года, ни Конституция СССР 1924 года не содержали норм, касающихся паспортной системы. Важно отметить, что не были закреплены на конституционном уровне и свобода выбора места жительства, и свобода передвижения — те свободы, которых и сейчас нет в действующей Конституции.

Третий период в истории паспортной системы (1932—1974 годы) — период централизации и господства административно-командной системы управления. 27 декабря 1932 года впервые принимается на союзном уровне постановление ЦИК и СНК СССР «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов». С этого момента прописка приобрела характер разрешения на жительство в данной местности. Ужесточилась ответственность за нарушения правил паспортной системы. Жесткий паспортный режим, установленный в СССР в 1932 году, в немалой степени был обусловлен курсом на сплошную коллективизацию. Паспортная система должна была стать серьезным препятствием для притока в города, новостройки и рабочие поселки «раскулаченных» и беженцев из деревни, способствовать их принудительному выселению из городов и новостроек. Отсутствие паспортов у большинства колхозников и других сельских жителей лишило их возможности свободного перемещения, юридически привязало к колхозу. Этот порядок был закреплен и Положением о паспортах, утвержденным Советом Министров СССР 21 октября 1953 года.

В нынешнем своем виде паспортная система в нашей стране регулируется Положением о паспортной системе в СССР и постановлением «О некоторых правилах прописки граждан», утвержденными Советом Министров СССР 28 августа 1974 года. В соответствии с Положением паспорт обязаны иметь все граждане СССР старше 16 лет.

Сейчас действует также множество подзаконных нормативных актов, главным образом инструкций МВД и решений исполкомов городских, областных и краевых Советов по вопросам прописки с грифами «для служебного пользования» или «секретно». Именно в этих неопубликованных и недоступных населению актах установлены многочисленные паспортные ограничения, в частности, ограничения прописки в Москве и Ленинграде, столицах союзных республик, других крупных городах и прилегающих к ним областях, паспортные ограничения для лиц, имеющих судимость за некоторые виды преступлений. Прописка, таким образом, используется в качестве метода насильственного регулирования миграционных процессов, что приводит к целому ряду негативных социально-психологических, демографических и экономических последствий, способствует возникновению многих серьезных проблем.

Во-первых, существующий порядок прописки противоречит конституционному принципу равноправия граждан независимо от места жительства (статья 34 Конституции СССР).

Во-вторых, прописка ограничивает свободу передвижения и свободу выбора места жительства. Между тем эти свободы установлены международными документами: Всеобщей Декларацией прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года (статья 13), и Международным пактом о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года (статья 12). Существующие в СССР ограничения свободы передвижения и выбора места жительства противоречат и Итоговому документу Венской встречи представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. В-третьих, институт прописки оказывает отрицательное влияние на осуществление многих жизненно важных прав советского человека, а нередко на всю его судьбу. Прописка стала одним из основных юридических фактов, с которыми связывается реализация таких конституционных прав граждан, как право на жилище, труд, образование, охрану здоровья и ряд других, причем она выступает в роли ограничительного фактора. Права граждан стали, таким образом, производны от прописки.

Вместе с тем в законах, определяющих права советских граждан, о прописке ничего не говорится. Прописка в качестве юридического основания, с которым связывается реализация того или иного права гражданина, появляется только на уровне подзаконных актов, чаще всего ведомственных и местных.

Прописка ограничивает право на выбор профессии, рода занятий и работы. Руководители предприятий, учреждений и организаций не имеют права принимать на работу граждан без паспорта и прописки и за нарушение этого правила могут быть привлечены к административной ответственности.

Нередко прописка ограничивает право на образование. Не так давно в Москве и Ленинграде было установлено правило о преимущественном приеме во многие вузы москвичей и ленинградцев, а иногородним нередко отказывают в приеме документов на том основании, что у них нет прописки в этих городах. В объявлениях о приеме в техникумы и вузы нередко встречается запись о том, что «заявления принимаются от граждан, имеющих постоянную прописку». Прописка ограничивает право на охрану здоровья, поскольку человек должен лечиться только в той поликлинике, которая находится в районе, где он прописан, а получить направление в другое лечебное учреждение очень сложно. Прописка нередко становится серьезным препятствием для осуществления личных прав граждан, устройства ими семейной жизни. В законодательстве установлено немало необоснованных запретов в этой области. Такие ограничения и запреты ставят человека в безвыходное положение, создавая замкнутый круг: «нет жилья — не пропишут», а «без прописки не получишь жилья», или: «нет прописки — не возьмут на работу», а «без работы не пропишут». Все это вынуждает многих людей нарушать правила прописки, чтобы хоть как-то легально существовать, и создает благоприятную почву для процветания таких антисоциальных явлений, как взяточничество, фиктивные браки и так далее.

Немало серьезных проблем возникло в связи с введением паспортных ограничений для имеющих судимость. Паспортные ограничения для лиц, отбывших установлвнное судом наказание, фактически являются дополнительным наказанием, налагаемым административными органами. Такие ограничения, введенные для «очистки» Москвы, столиц республик, других крупных городов от «антиобщественных элементов», способствуют появлению бичей, бомжей, бродяг, ведут к распаду семей (причем ломаются судьбы не только бывших осужденных, но и их родных, близких, особенно детей), к искусственному созданию среды потенциальных преступников. Существующий порядок прописки становится тормозом для нормального социально-экономического развития страны. Деформируется состав населения крупных городов, становится невозможным рациональный критерий при приеме людей на работу, в жизни многих людей возникает неустроенность (например, дети и родители, прописанные в разных городах, нередко не могут съехаться, намерения выехать в другую местность на длительное жительство и работу сдерживаются опасностью потерять право на прописку в Москве, Киеве, Ленинграде и так далее, а тем самым и возможность вернуться на старое место жительства).

Прописка в крупном городе гражданина, не имеющего права на прописку, то есть «в порядке исключения», сопряжена с унизительными хлопотами — получением разного рода справок, ходатайств, представлений, согласований и разрешений. Процедура выдачи разрешений на прописку является классическим образцом бюрократической процедуры, причем во многом она определяется не нормативными актами, а «обычным правом» аппарата управления. Эта процедура антидемократична, так как гражданин не имеет никаких процессуальных прав и никаких гарантий защиты, отсутствует и судебный порядок обжалования незаконных и необоснованных решений об отказе в прописке. Судьба человека в данном случае всецело зависит от усмотрения соответствующих органов управления и должностных лиц. Принцип гласности отсутствует в этой процедуре полностью.

Одной из целей введения разрешительного порядка прописки было сокращение притока населения в крупные города. Но статистика свидетельствует, что результат оказался противоположным. Население городов с численностью более миллиона человек, где действует наиболее жесткий режим прописки, с 1953 по 1987 год увеличилось с 9,1 до 40,5 миллиона человек, то есть в четыре с половиной раза. А население малых городов с численностью до 50 тысяч человек, где нет столь строгих ограничений, за этот период увеличилось с 40,4 до 55,5 миллиона человек, то есть всего в 1,3 раза. Причем прирост населения в городах с особым паспортным режимом идет в основном благодаря миграции. Так, за 1987 год население Москвы увеличилось на 89 тысяч жителей, в том числе естественный прирост составил 23,5 тысячи жителей. Значит, в 1987 году в Москве, где установлены самые жесткие ограничения прописки и официально был отменвн лимит на прописку, было вновь прописано 65,5 тысячи человек. В 1932 году (к моменту введения паспортной системы) население Москвы составляло 2 миллиона 781 тысячу человек, а к 1987 году достигло 8 миллионов 815 тысяч.

С открытием в 1989 году лимитной прописки в Москве (более 10 тысяч человек в год) социально-экономическая ситуация в городе еще более усложняется. Пора признать, что приток населения в города должен регулироваться только путем реального баланса численности трудоспособного населения и рабочих мест, а не системой прописки, которая создает дополнительные деформации миграционных процессов в стране.

Итак, очевидно: в современных условиях необходима коренная реформа паспортной системы в СССР. Главными задачами этой реформы, по нашему мнению, должны стать, во-первых, предоставление гражданам свободы передвижения и выбора места жительства и создание надежных юридических гарантий этой свободы, во-вторых, создание такой паспортной системы, которая не ограничивала бы права граждан, не усложняла бы людям жизнь, а служила бы наиболее полной реализации этих прав.

Для этого необходимо прежде всего советское законодательство о паспортной системе привести в соответствие с международными пактами о правах человека, на конституционном уровне закрепить соответствующие гарантии. Необходимо также разработать и принять Закон о свободе передвижения граждан и выбора ими места жительства на территории СССР. Аналогичные законы можно было бы принять в союзных и автономных республиках. Именно в законе должны быть установлены гарантии свободы передвижения и выбора места жительства и решены вопросы, связанные с паспортной системой.

Реальная демократизация советского общества невозможна без отмены разрешительного порядка прописки и замены его регистрационным. Регистрация населения должна служить исключительно целям учета и не должна иметь никаких юридических последствий для реализации прав граждан. Это будет означать переход к легитимационной системе, существующей сейчас практически во всех развитых странах. При этой системе гражданин обязан по требованию органов власти удостоверить свою личность любым способом; он может иметь письменное удостоверение личности, но это является его правом, а не обязанностью. Реформа паспортной системы связана не только с политической, но и с экономической реформой. Изменение системы налогообложения позволит создать гораздо более эффективный механизм учета населения, основанный не на административном усмотрении, а на реальной экономической заинтересованности государства. Возможны и иные пути учета и регистрации населения: так, например, в западных странах наиболее распространенным документом, удостоверяющим личность, являются водительские права или кредитная карточка.

Если мы серьезно пойдем по пути демократизации жизни нашего общества, то и проблемы паспортной системы перестанут казаться непреодолимыми. Если же государство не будет стремиться повседневно оберегать права человека и его благосостояние, то оно никогда не будет правовым государством.

Обратный адрес — ГУЛАГ

«Архипелаг» канул в Лету. Но рано сдавать в архив память о нем...

Как долго эти люди молчали. Некоторые до сих пор не оставляют нам своих имен, они привыкли жить, не посвящая в святая святых своих воспоминаний даже близких друзей, даже родственников.

Еще не все заговорили, далеко не все, и каждый день уносит от нас тех, кто не успел и уже никогда не успеет дополнить для истории картину трудного пути новой России. Времени, не любившего оставлять живых свидетелей многих своих свершений.

Трудно сказать, когда улягутся в стране те страсти и наступят времена, которые сделают нас человечнее и сострадательнее. Но, кажется, не раньше, чем отправится в иные миры последний живой свидетель ГУЛАГа. И мы должны успеть выслушать их всех. Вчитаться в каждую строку как в важнейшее показание, не упустив ничего. Мы должны заставить себя быть скрупулезными и внимательными, потому что выводы, которые мы сделаем, будут, может быть, главным уроком истории, который пригодится нам на долгие-долгие годы.

Публикуемые ниже письма-отклики предоставлены «Родине» журналистом «Комсомольской правды» В. Сунгоркиным, автором вызвавшей их к жизни статьи «Мраморная пыль» («КП», 25.04.89).

Мне пришлось видеть своими глазами и на себе испытать ужасы сталинских лагерей смерти. Я прошел всю войну и окончил ее у Бранденбургских ворот в Берлине. После войны служил в оккупационных войсках в Германии. И вот однажды, в мае 1946 года, когда я нес гарнизонную караульную службу, на одном из постов, у склада военторга, я не обнаружил постового. Стал звать, а он показывается из окна склада. Спрашиваю: зачем проник в склад? «Взял три пачки папирос «Космос»,— отвечает и мне их протягивает. Я, конечно, его поругал, заставил забить решетку на окне, но докладывать командиру роты не стал. Этот солдат только-только пришел к нам: он был насильно вывезен в Германию для работ, освободили его американские войска и доставили в нашу зону. После наведения всяких справок о нем его взяли служить в нашу часть.

Прошел год с того злополучного дня, и вот у этого солдата пропала пара сапог из каптерки. Построили всех солдат с чемоданами, в которых хранились личные вещи, и вот у одного обнаружили эти сапоги. И оказалось, что сапоги эти офицерские, из того самого склада. Ворованные. Я оказался запутан в этом деле. Военный трибунал. Провели инвентаризацию склада (это через год после хищения!). Подсчитали убытки: 1100 рублей старыми деньгами. Тому солдату дали 4 года исправительной колонии, а мне — 5 лет.

Отбывал я свое наказание на Крайнем Севере, в Заполярье. Стройка № 501. Строили железную дорогу от Воркуты до Салехарда, и дальше — через Уральские горы, в лесотундру. Когда я прибыл в колонию вместе с другими солдатами, ранее служившими в Германии, нам сказали: «Если согласитесь работать в войсках МВД и охранять заключенных, это вам зачтется. За хорошую службу Родине — один день за два, а после отбытия срока будет снята судимость». Так я попал в «самоохранку». Прямо скажу: испугался. Я видел рабский труд и унижение в колониях, десятки, сотни тысяч людей в лагерях смерти... Мне казалось, что большая часть населения России сидит в этих лагерях.

За свою службу я несколько раз перевербовывался из лагеря в лагерь. Видел несколько десятков лагерей, три женских колонии. Что такое колония? Более пяти тысяч человек заключенных. Три десятка бараков, сколоченных из сборных щитовых деталей. Каждый барак — по 50 и более метров длиной, в два яруса нары, две печки из бочек. Когда их топят, в бараке собирается удушливый смрад и вонь человеческих тел, с потолка каплет вода, а стены покрываются инеем. Люди, возвращаясь с работы мокрыми, не успевают обсушиться и мокрыми же идут на работу на следующий день. В каждом таком бараке набивается более 500 человек.

Нормы выработки были непосильными. Тем немногим, кто их выполнял, давали 1200 г хлеба, большинство заключенных норму не вытягивали, и им давали по 300 г хлеба — горбушку, как говорили в лагерях. Приварок составлял суп из ячневой крупы, заправленный треской. После такого питания и изнурительного труда люди ежедневно умирали от разных заболеваний. Зимой трупы складывали у специально отведенного барака, потом их грузили на сани, которые волокли все те же заключенные, подгоняли трактор и вывозили в карьер, где их заваливали бульдозером. За одну такую «ходку» вывозили от двух до трех сотен человек.

В 1949 году на станции Абезь заключенные восстали, разоружили охрану, побили всех и направились в сторону Воркуты освободить каторжников-шахтеров. Восставшие прошли около 80 километров, с боями освобождая лагерь за лагерем. К ним примыкали все новые и новые силы из освобожденных лагерей, и в конце концов число восставших достигло более 70 тысяч. При своем продвижении они уничтожали эвенков, якутов, зырян за то, что те выдавали властям беглых заключенных за хорошую денежную награду, а чаще — за водку. О побеге, видимо, узнала высшая власть, и были приняты меры. Самолетами высадили десант, «подтянули» минометы, артиллерию, и началось уничтожение этих заключенных с воздуха и с земли. Две недели шли бои, пока всех беглых не уничтожили.

До нашей колонии восставшие не дошли. А меры предосторожности были приняты такие: вся 501-я сталинская стройка была «усилена» пулеметной охраной на вышках, заключенных загнали в лагеря, на работу не выводили. Некоторым пленным одели цепи на руки и увезли поездом в Воркуту. Что с ними стало потом, не знаю.

...Когда я охранял женские колонии, интересовался, за что такие молодые женщины сели в лагеря (а им было от 18 до 35 лет, не старше). Одни попали «за колоски» — срок от 7 до 8 лет. За мешок ржи, украденной в колхозе,— 12 лет. За растрату в магазине — 10 лет. За воровство на производстве (украла 3 метра ситца и 5 катушек ниток) — 8 лет. За опоздание на работу — 5 лет. Те, у кого воровство покрупнее, садились обычно на 15 лет и больше.

Освободили меня, когда кончился срок. Никаких там «день за два» не было. Меня и многих таких, как я, просто надули. Просто у власти не было солдат, чтобы такую уйму народу охранять. Когда кончился срок, и я впервые в жизни получал паспорт, меня инструктировали военные из органов МВД. Дали подписать документ, чтобы я не разглашал то, что видел. «Иначе,— пригрозили,— получишь тот же срок, что имел». Прошло много времени, я стал инвалидом 2-й группы, седой и без здоровья. Казалось, наступило другое время. И вот когда Указом Президиума Верховного Совета СССР всех участников войны стали награждать орденом Отечественной войны, я отправился в военкомат за наградой. А там мне пихают какую-то книгу в нос и говорят: «Тебе не положено. Ты осужден военным трибуналом». Я взял в руки этот журнал, прочитал. Статья, правильно, моя. Только почему-то написано, что служил связистом, а не разведчиком, как было на самом деле. Я обратился с письмом в Верховный Совет. Получил уведомление, где указано, что в данном случае решение должны принимать местные власти, то есть военкомат и исполком... Вот такой получился обман. А ведь сами брали меня, чтобы себя охранять. Но хвост длиной от Лабытнанги до Курска тянется за мной до сих пор, и, по всей вероятности, с этим хвостом уйду и в могилу.

Уважаемая редакция, если что-нибудь будете публиковать, не указывайте моей фамилии, я так не хочу, чтобы родственники и знакомые знали об этом.

Николай П.,
г. Курск.

* * *

Я не был заключенным. По воле судьбы меня призвали проходить действительную военную службу в конвойных войсках. Летом 1949 года наш батальон был сформирован на станции Известковая Хабаровского края и переброшен для прохождения дальнейшей службы на Колыму. Мы плыли на пароходе, верхние и нижние трюмы которого были до отказа набиты заключенными.

В 1950 году меня из роты конвоиров перевели служить в полковой музыкальный взвод. Но нам часто приходилось конвоировать заключенных, так как их поступало на Колыму очень много и солдат для конвоирования не хватало. Чаще всего мне приходилось конвоировать на рабочие объекты по строительству Магадана.

Однажды нас вызвали на инструктаж и сказали, что мы будем сопровождать людей в машинах — по 20 человек на каждого. Было приказано: при попытке к бегству не стрелять, а принять все меры к задержанию без оружия. За время пути я узнал, что эти люди строили секретный завод где-то под землей (где точно, они не сказали), и вот их на пять лет изолировали от общества якобы для сохранения тайны, а их семьи были отправлены в другие места, а куда, они не знали. Один из сопровождаемых показал мне погоны майора, другой — партбилет. Пунктом назначения этих людей был прииск «Победа», это в 1250 километрах от Магадана, большая высота над уровнем моря — у некоторых шла носом кровь. Это страшные места. Почти круглый год там вода в твердом виде. И вот этих честных советских людей в течение пяти лет вынудили работать на прииске в таких условиях.

Сейчас я уже не помню точно, то ли на Колымском шоссе, то ли по Тинькинской трассе, есть еще одно жуткое место — долина, вытянутая с запада на восток меж горных хребтов,— там постоянно дует ветер. И называется она Долиной смерти. Зимой, в трескучие морозы, туда подвозили заключенных и гнали по долине пешком. Спастись от холода было невозможно. Мороз в этих местах такой, что вода, выплеснутая из кружки вверх, на землю падает в виде кусочков льда. Там гибли вместе и заключенные, и конвоиры. Эта долина сплошь усеяна костями людей, да, наверное, и вся Колыма ими покрыта.

С уважением,

ЩУКИН Серафим Прокопьевич, 1928 года рождения,
пос. Шушенское, Красноярский край.

* * *

Я отбывала наказание за горсть жита, «украденного» для того, чтобы сварить из этого жита супа и выйти на следующий день на работу. Меня за эту горсть жита судили и сослали на Север. В ту пору мне было 19 лет.

Строили мы Северо-Печорскую железную дорогу. Сколько же я видела смертей в Печорских лагерях! Тысячами умирали ни в чем не повинные люди. Судили беременных женщин за один буряк, и там, на Севере, они умирали со своими младенцами во время родов.

Однажды, когда мы работали на строительстве железной дороги, мимо нас прогнали политзаключенных. Они были скованы цепями по шесть человек, а лица разъедены мошкой и комарами: им даже не дали накомарников! Каторжники еле передвигали ноги, скованные цепями. Глядя на них, некоторые наши женщины упали в обморок. Это было страшное зрелище.

Мне 65 лет. Я шлю проклятие тем людям, которые защищают своего вожака, бандита и палача Сталина.

Жительница поселка Белая Березка Брянской области
КИРЕЙЧУК Марфа Евменовна.

* * *

...У нас в Куйбышевской области тоже были лагеря. Я жил в селе Подгорок Волжского района, и в пяти километрах от нас находился концлагерь ОЛП-I Гаврилова Поляна. Там содержали... инвалидов войны! И я был очевидцем того, как каждое утро из лагеря вывозили 2—3 воза трупов. Они погибали от голода и непосильного труда. Я все это видел, потому что по работе — работал в колхозе — часто приходилось там бывать.

Инвалид войны, ветеран труда
УЧЕВАТОВ Петр Васильевич,
г. Куйбышев.

* * *

Мой муж, Малков Валентин Иванович, работал прорабом непосредственно с заключенными и был осведомлен о всех делах Мраморного ущелья и трассы Чара — Могоча. Но 5.2.89 Валентин Иванович скончался, и я решилась кое-что рассказать. (Я ведь и сама давала подписку о неразглашении государственной тайны.)

Когда началась война, учиться далее не было возможности, и я устроилась на работу в районном центре — поселке Тунгокочен Читинской области — заведующей архивом. Архив был в ведении НКВД, мне приходилось печатать на машинке и нести дежурство в КПЗ и по Управлению. Однажды я обнаружила на столе оперуполномоченного две книги: одна — с черной полоской, другая — с красной. В книге с красной полосой значились красные партизаны, и туда был вписан мой двоюродный брат, Ланцев Григорий Федорович. В книгу с черной полосой были занесены «враги народа», и туда попал другой мой двоюродный брат, Волошин Петр Еремеевич. Он был арестован в 1937 году и из Нерчинской тюрьмы не вернулся... Я знала, что брат ни в чем не повинен. Меня возмущала несправедливость. Не было желания далее работать в НКВД, и вскоре я перешла на работу в райфинотдел.

Во время пребывания в «Мраморном ущелье» по работе я была связана с заключенными. С одним из них — Колесниковым — работала в одном кабинете. Он был нормировщиком. От него я и узнавала о жизни заключенных.

Заключенные в «Мраморном» подразделялись на три группы: бесконвойные (днем они ходили свободно по ущелью), бригада усиленного режима (БУР), которые не хотели работать в штольнях. Остальные под конвоем работали в штольнях. С бесконвойными мы, вольнонаемные, общались и не находили разницы между ними и вольнонаемными, хотя срок у некоторых заключенных был до 10 лет. Большинство заключенных — молодые люди, из бывших военнопленных. Там же встретила дело растратчика, работника торговли. Он был осужден за 700 рублей (старыми) по указу от 1947 года на 7 лет.

11 июля 1950 года из-за больших ливневых дождей со скал ущелья обрушился лед, а также громадный поток воды вперемешку с камнями. Уносило строения, машины. Мы с Валентином Ивановичем устроились на тракторе, полагая, что трактор весом в 15 тонн не унесет. И видели, как большая группа заключенных прижалась к скале. Спасаться было негде. Унесло все продовольственные склады. По ущелью валялась соленая горбуша, мы ее собирали, чтобы поесть.

Освободившимся из лагеря выезд из Чары был запрещен. Многие холостые здесь и поженились и обзавелись семьями. В марте 1951 года работники читинского областного НКВД устроили облаву. Началась она в 21 час под предлогом проверки паспортов. Всех, у кого были справки, снова забирали. Некоторые прятались в лесу, под полом, в ямах. Жены не знали, куда увозили их мужей. Посылок от родных заключенные не получали. Переписка ограничена. Письма проверялись цензурой.

МАЛКОВА Е. М.,
г. Шевченко.

* * *

Мне прошлое помнится, как вчера. Я много видел: ссылки 1929 года, репрессии 1937-го, когда расправлялись с беззащитными, скромными, работящими людьми. Многое испытал на себе, будучи в ссылке с 1930 по 1941 год в поселке Губаха Пермской области. У нас все отобрали и в зимнюю стужу выгнали из дома. Продуктов питания не было, нас обрекли на голодную смерть. Жили мы в Кустанайской области Федоровского района (ныне Комсомольского), в селе Рыбкино. Везли на санях в зимнюю стужу, под военным конвоем. По дороге конвоиры снимали с женщин пуховые платки. Довезли в город Троицк Челябинской области. Там, в большом здании, мы лежали на полу. Наконец пришли трое уполномоченных НКВД. Один из них начал читать приговоры. Ссылались все — взрослые, дети, не исключая грудных младенцев. Прочитали приговор и нашей семье, состоящей из девяти человек. А дети у нас были мал мала меньше: самой старшей — 17 лет, самому младшему — 1 год. Везли нас в «телячьих» вагонах, очень сырых и грязных, из них только что был выгружен уголь. Посредине вагона стояла небольшая железная бочка, в которую оправлялись и взрослые и дети, все вместе — и девушки и парни. Пищу давали один раз в сутки.

Как я теперь понимаю, нам еще повезло: оставили нас в Губахе, где мы работали на шахте. Большая же группа ссыльных была отправлена на север, к истокам реки Вишеры, за город Красновишерск. Там они рубили лес. Весной 1933 года им не завезли продукты: снег был очень глубокий и набрался водой — на санях не проедешь. Только несколько десятков человек спаслось: под руководством учителя они варили осиновую кору и ели. А потом дождались половодья, сделали плот и уплыли вниз по реке. А остальные десятки тысяч умерли от голода.

В Пермской области, близ города Александровска, есть, вернее, был небольшой поселок Луньевка. Там была угольная шахта. В ней работали ссыльные. В 1931 году в шахте был большой обвал. Погибли все шахтеры, и никто их не откапывал. Шахту закрыли. Вблизи горы Губахи, на левом берегу реки Косьвы, есть гора Крестовая. Там тоже была шахта. В ней работали ссыльные. В 1931 году в шахте был большой обвал. Люди были погребены, и никто их не спасал. Хозяйничала комендатура НКВД, возглавляемая Кобыльским, Крылатковым, Тубольцевым. Особенно свирепым был Кобыльский. Он мог оклеветать понравившуюся девушку и принудить переспать с ним.

В шахте имени Калинина для шахтеров никаких условий не создавали. Была такая бригада проходчиков (бригадир Арщава, их было в бригаде три брата), 21 человек — все молодые ребята, большинство не женаты. Через четыре года работы умерли все. От силикоза.

В 1937 году 6 августа в Губахе, с населением 18 тысяч, было репрессировано более двухсот человек. В нашей семье арестовали шестидесятилетнего отца Ивана Григорьевича, брата Петра (23 года) и, по достижении 18-летнего возраста, через два месяца, сестру Зинаиду. Увезли в город Кизел. Месяца два я возил им передачи. Они же передавали белье для стирки. Оно было настолько вонючим, что и в руки его брать было противно. Иногда в белье находили записки. Содержание их помню хорошо. Зина писала, что обвинение у них было самое абсурдное, что никто из репрессированных не виноват, а следователь заявил: «Так надо!» Петр написал, что заставляют подписывать обвинение под пыткой. «Нас тут пытают: притащат какого-нибудь безродного, бездомного, зацепят за шкуру железным крючком и подтягивают через потолочное кольцо под потолок, а потом говорят: «Если не подпишешь, и тебе так будет, арестуем и твою мать, и ее постигнет такая же участь». Где-то в ноябре их увезли в Свердловск, а потом неизвестно куда. Все умерли в лагерях. Где похоронены, неизвестно. Весь Урал в костях.

РЫБКИН Лев Иванович,
1922 года рождения,
член КПСС, участник ВОВ, орденоносец,
г. Алма-Ата.

* * *

Сам я сибиряк, и весь наш род имеет сибирские корни по реке Илим. Так вот, отец с матерью рассказывали мне о судьбе переселенцев из так называемых раскулаченных, которые были сосланы в Сибирь в период коллективизации. Работали они на строительстве Ангаро-Ленского тракта, содержались в бесчеловечных условиях и «мерли как мухи» — так рассказывал мой отец. В то время он занимался крестьянским трудом, а зимой — извозом. Вспоминал: бывало, едешь по тракту зимой и видишь жуткую картину — по обочине дороги стоят мертвые в сугробах. На этих мертвецах

Говорят, что Бутугычаг — колымская «зона» — давно мертв. Но если верны слова о том, что не находит покоя душв не по-людски погребенного человека, то зв ржавой колючкой, в сгнивших бараках, на стрвнных кладбищах Бутугычага продолжвется еще своя особенная жизнь.

Наверное, никогда не будут раскрыты тайны сотен могил, где вместо креста — консервная банка с выбитым на ней порядковым номером. Если придется побывать здесь, то и вам, может быть, покажется, что до сих пор шлют отсюда проклятья неприкаянные души.

Фото Михаила СЕРДЮКОВА

разъелся один из медведей-шатунов, который потом в деревне Суворка задрал несколько коров и мужа моей тети, дядю Якима. Мужики всей деревни устроили на него облаву. Но прежде чем они его порешили, он у них на глазах разодрал несколько собак. Отец говорил, что зверь был просто громадный.

А мать рассказывала такую историю. Однажды вынесла пойло корове во двор и ушла в дом. А когда через некоторое время вернулась, увидела, как пойло едят, став на колени, двое переселенцев. Она говорит, что прямо обомлела, отняла у них корыто с пойлом и вынесла им хлеба и картошки. Больше ничем помочь не могла, потому что и сами жили небогато. А когда они ушли, испугалась: как бы кто не донес. Общаться с переселенцами и помогать им запрещалось, за это и самим можно было угодить в края еще более отдаленные.

Сам я был свидетелем унижений и надругательств над простыми людьми, которые вводили первую очередь БАМа — от станции Тайшет до поселка Осетрово (ныне станция Лена) сразу после войны. Строительство ее вели тысячи и тысячи заключенных тогдашнего БАМлага, и по всей магистрали были разбросаны многочисленные лагеря. Мне в ту пору было 16 лет, и я участвовал в строительстве этой дороги в составе Ангаро-Ленской изыскательной экспедиции, которая вела прокладку этой трассы. Я работал в одном из отрядов на участке от деревни Хребтовая до дереани Шестаково рабочим. Так вот, на этом участке было несколько лагерей, причем отдельно — женские и мужские. В одном из женских лагерей, что стоял в семи километрах от деревни Суворки на Черной Речке, мне даже удалось побывать: мы получили разрешение помыться у них в бане. И до сих пор помню, как меня поразило, что люди сидят в лагере за горсть зерна или десяток картошек по 5—7 лет. И что поразило не меньше — несмотря на каторжный труд и унижения, заключенные все-таки оставались людьми.

...Всем сегодня известен город Ангарск. Считается, что его строили комсомольцы. Но какие это были комсомольцы! Их тогда называли «закоренелыми комсомольцами» или просто зеками. Ангарск строило такое количество заключенных, что, если до 18.00 не ушел домой, приходилось ожидать часа два-три. Дело в том, что в шесть вечера начинался развод заключенных по лагерям. Представьте себе сплошные колонны зеков в окружении конвоя и овчарок. Многие такие картинки видали в кино, а тот, кто был в плену или оккупации, и наяву. Но было это во время войны, причем тогда наших людей вели фашисты, а тут — свои своих, и картина ничем не отличалась.

КАВИНИН Александр Яковлевич,
1931 года рождения,
г. Щелково Московской области.

* * *

Я сын «японского шпиона»... Из посмертной рукописи моего отца Хана Вячеслава Ивановича: «Август 1938 года. Читинская тюрьма. По камере идет разговор: вчера расстреляли 175 человек, позавчера — 149. Вчера и позавчера во дворе тюрьмы гудели трактора. По наблюдениям некоторых заключенных, если гудят трактора — будет расстрел. Через два дня после затишья вызвали меня и посадили в другую камеру. В камере собралось 160 человек. Ночевали. На следующий день, часов в 12,— обратно, по своим камерам. Только я вошел в свою камеру — возгласы: «Ты живой?!» Когда успокоились, ребята начали рассказывать: ночью нас всех, кого забрали, должны были расстрелять. С вечера гудели трактора. Однако к полуночи гул прекратился, значит, расстрел не состоялся. Вольнонаемный посыльный рассказал, что часов в 10—11 была получена телеграмма из ГУТНКВД — расстрел отменить».

Сколько же костей погибших сложено у стен Читинской тюрьмы...

Хан Олег Вячвславович,
г. Симферополь.

* * *

В 1930 году, летом, во время покоса, нас раскулачили, Брать-то что было?! Корова, лошадь и две свинюшки упали в один год, и оставалось у нас пять гектаров земли на пять человек семьи. Ну вот, только успели прийти мы с поля, подъехали четыре повозки. Увезли все, и остались мы, в чем были. Отца сразу забрали, а к нам каждый день ходили за налогами. Платить было нечем, и на пятый-шестой день нас выгнали из дома. Вскоре умерла мать, а за ней и одна из сестер. От голода. И пошли мы по миру скитаться.

Я услышала, что на ближайшей станции принимают на работу — на посадку дубков. Устроилась туда. Кормили там один раз в сутки по 200 граммов хлеба. Тогда я и решилась поехать к отцу в лагерь, на Москанал, станция Орудьево. Было мне тогда 13 лет. В мае 1933 года я добралась до лагеря. Там было много таких же беспризорных. А вскоре вышел приказ: всех детей поместить в детдом на станции Нахабино.

В детдоме было очень голодно, и нас часто отпускали к родителям. Когда ехали поездом, я видела в окно, как заключенные возили землю на тачках. Под колесами тачек лежали узенькие дощечки. Когда взрывали динамитом землю, некоторые успевали отскочить в сторону, а большинство просто накрывались тачками с землей. Это было на станции Химки или Яхрома, недалеко от города Дмитрова. Вообще по этой дороге было много лагерей. В том лагере, где отбывал наказание мой папа, было много интеллигентного народа, много духовенства.

В 1934 году многих заключенных отправили в Астраханский лагерь. В том числе и моего отца, Гордуза Михаила Никитовича. Отец и меня с собой взял. Везли нас в телячьем вагоне. Ехали долго, 10 дней. На станции Астрахань-I встретили нас охранники с собаками и оружием. Народ сильно болел, кормили соленой рыбой, воду давали прямо из реки, сырую, и в нее клали лед. Народ умирал. За ночь вывозили по несколько подвод мертвецов, укрытых брезентом. Всех детей опять собрали в детдом.

В 1935 году нас устроили в ФЗУ при заводе Сталина. В 1937 году я ее окончила и вскоре вышла замуж. Муж мой был комсомольцем. Ему предложили добровольно-принудительно подписаться на займ в размере полуторамесячного заработка. Он отказался. Тогда ему поставили условие: оставить комсомольский билет или меня как дочь кулака. Он положил билет, и его уволили с работы, а на второй день нас выгнали из квартиры. Мы устроились на окраине города, муж пошел на другой завод. Через десять дней и оттуда уволили. И пошли мы по миру скитаться...

За что???

В 1938 году папу освободили, но домой на Украину не пустили. Когда же началась война, бывших заключенных выслали и из Астрахани, и опять три года ссылки.

Все документы, подтверждающие достоверность этой истории, находятся в Астраханском архиве.

МАКСИМОВА Анастасия Михайловна,
г. Астрахань.

* * *

Вы пишете, что во всей империи ГУЛАГа не существовало никаких «таких особых лагерей для «политических». Ошибаетесь. Очень даже «существовало». Я сам шесть лет был просто номером в таких вот лагерях. И на наших стандартных формулярах большими буквами от руки было написано красным «ОЛ», что и означало «Особый лагерь». В них находились и мужчины, и женщины, но — раздельно, то есть на разных лагпунктах.

Мне известны пять таких лагерей: Берлаг — «Береговой лагерь» на Колыме, Озерлаг — в Тайшете, Степлаг — в Казахстане, Горлаг — в Норильске, Дубровлаг — в Мордовии. Каждый из этих лагерей состоял из нескольких лагпунктов. Например, Берлаг — из Аркачалинского, Кадыкчанского, АРЭСовского, Д-2, Аляскинского. Вот в этих, специально созданных в 1948 году лагерях, находились лишь «враги народа». Не знаю, по какому принципу отбирали туда заключенных из общих лагерей, но была там вся палитра «политических деяний», а сроки — от 10 до 25 лет. В очень мизерном количестве содержались воры (на 1000 человек примерно 8—12), однако статья у них тоже была 58-я, чаще всего пункт 6. Залез такой вот «кадр» грабить квартиру секретаря горкома, например, а тут и сам хозяин неожиданно домой явился. Вор его ранил. Так вот, он теперь уже не вор, а террорист, ибо покушался на представителя власти...

По моим предположениям, эта система лагерей была создана внутри ГУЛАГа после восстания заключенных на Печоре в 1947 году, инициаторами и организаторами которого, по всей вероятности, были признаны «враги народа». Не исключено, что «ОЛ» создавались в экспериментальном порядке, чтобы впоследствии отделить таким образом всех «политических». Смысл? Коль скоро они потенциально опасные — особые условия содержания! Усиленный режим, строгая изоляция, тотальная слежка, опытная и надежная охрана, квалифицированный надзор...

Если обычные лагеря были обнесены колючей проволокой, то эти — сплошным забором высотой 3,5— 4 метра.

Если в обычных лагерях были примитивные изоляторы, то в этих — каменные аместительные тюрьмы (остальные здания — деревянные). Если в обычных лагерях одежда была разномастной, то здесь все были одеты в одинаковую черную лагерную униформу с личными номерами на каждом одеянии: на шапке (фуражке) — впереди, на бушлате (куртке) — сзади, на правой штанине брюк — выше колена. Номер должен быть всегда различимым на расстоянии, иначе дело «пахло» карцером: нарушение режима. Если обычные лагеря охранялись стрелками ВОХР, часто даже бесконвойными заключенными из бытовиков, то «ОЛ» охранялись войсками МВД. Если в обычных лагерях по территории зоны можно было ходить круглосуточно, то в этих — решетки на окнах и закрывающиеся на замки двери бараков в ночное время. И еще: два подцензурных письма в год, никаких газет и радио, никаких личных вещей при себе (даже фотографий близких), надзиратели-«воспитатели» — из тех же кадровых солдат и сержантов войск МВД, примерно один на каждую сотню заключенных и т. д.

Кстати, эти меры вводились не все сразу, а постепенно. Летом 1948 года в Дубровлаге поставили только глухой новый забор и поменяли контингент. Уже на пересылке в Ванино летом 1949 года появилась кадровая охрана, а осенью того же года — ужесточение режима, номера, одежда, «воспитатели». Каменную тюрьму на Аркачале построили в 1950 году, а решетки и замки были введены в 1951 году. Но это уже детали, не имеющие большого значения. Главное — это сам факт существования особых лагерей. Они были!

П. ПЕРЕПАДА,
г. Кривой Рог.

* * *

Я по направлению комсомольских органов проработал в одном из так называемых особых лагерей 23 года. Из них четыре года — с 1949 по 1953 — как сейчас говорят, в сталинские времена. Так вот, ни за сталинские годы, ни после я не видел ни расстрелов, ни пыток, ни даже избиений заключенных. Хотя в лагере находились люди, которые сами участвовали в массовых расстрелах советских граждан в годы Отечественной войны, а также такие, как Даниэль и Синявский.

Вы заранее, по-моему, убедили себя, что в сталинские времена в лагерях наше правительство только и занималось тем, что расстреливало людей. И приводите такие наивные факты из писем, что на глазах одного погибло 10—11 тысяч заключенных, на глазах другой под шум моторов расстреливали по 60—120 человек. Как же это несерьезно и сверхнаивно!

Конечно, как и везде, в семье не без урода. Бывают и такие работники в лагерях, которых и близко к работе с заключенными допускать нельзя. Но это же нельзя распространять на все места лишения свободы. Если откровенно, то я (и не только я) не жалею людей, которые во время войны умышленно шли под суд по статье 58—10 или дезертировали, но, отбыв наказание, остались живыми. Тогда погибали многие воевавшие, а вы пишете, как плохо было тем, кто находился в местах заключения!

А. СТЕПАНКОВ, пенсионер,
инвалид Отвчественной войны,
г. Саранск.

* * *

У нас очень много развелось писак, а особенно из тех, которые сами были виновниками преступлений. Вот они сейчас и обрушились на Сталина. Я инвалид Отечественной войны, ветеран 274-й Ярцевской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии. В годы сталинщины я был осужден военным трибуналом города Читы и приговорен к лишению свободы на 4 года за то, что дал по зубам старшему лейтенанту Боднару. (Он меня толкнул, а я ему дал сдачи.) Побывал я в двух лагерях — в Бугачаченских и Джидострое — на вольфрамовых шахтах. Я повидал не меньше, чем те, которые вам пишут.

Но я не виню ни одного грамма И. В. Сталина! Заработал — получи! И так оно и должно быть. Немножко расскажу о трудностях тех, о которых многие пишут и валят все на Сталина. Трудности были везде, в каждом лагере. Для того он и лагерь. А насчет произвола... Да, очень много его было, но кто его делал? Мы сами один другого сажали и один над другим издевались.

Впервые я попал на пересылку в Чите. Это был барак, в котором находилось человек 400, не меньше. Когда передо мной открыли дверь, один надзиратель так ударил меня по шее, что я полетел в помещение и упал на людей, которые лежали на полу один на другом. Жара была такая, что нечем было дышать. Через пару дней меня отправили этапом в Бугачаченские лагеря, где послали в шахту. В шахтах много погибало из-за того, что техника безопасности отсутствовала. Кормили плохо, а также и обращались плохо. Но кто-то каким-то путем написал жалобу в Москву. Вскоре приехала группа из КГБ. Нас всех выстроили в лагере буквой П и стали спрашивать, как с нами обращаются. Мы свои претензии высказывали, не стесняясь. Тут же начальника лагеря убрали, охранку убрали, нам сразу же на второй день выдали старую одежду, которую привезли из воинских частей. Навели порядок в бараках, стали кормить по-другому. Кто выполнял норму на 70 процентов, тому давали 700 граммов хлеба, а кто на 100 процентов — тому килограмм.

А рядом с нами жили политические — их у нас называли «контрики», так они жили лучше нас.

После двух месяцев я написал письмо с просьбой использовать по специальности, в течение двух недель получил ответ. И вот нас троих, Пименова Гошу, меня и Краснова Федю, отправили в Джидострой работать по специальности. Гнали нас пешком километров 500, кормили соленой рыбой, а воды не давали, пока мы не сделали бунт. Тут сразу появилось начальство, и дали нам воду и все, что положено, а охрану убрали и поставили других. Когда пришли на место, нам дали пару дней отдохнуть, а потом направили на работу. После я послал письмо с прошением о помиловании на имя К. Е. Ворошилова, и через месяц пришло распоряжение освободить из-под стражи красноармейца Прибрежного Ивана Петровича и направить в часть для прохождения срочной службы. Так я вновь возвратился в ряды Красной Армии.

Когда в 1941 году Гитлер напал на нашу Родину и немцы уже подходили к Москве, все правительство выехало в Куйбышев, и только Сталин остался в Москве и призывал всех москвичей принять участие в обороне города. Тогда весь народ — старики и дети — встал на защиту, и вот теперь на Сталина же всякую грязь принялись лить.

А кто льет? Все те, кому не нравилась Советская власть. До того уже дошли, подонки, что найдут конское кладбище, и пишут: сталинские жертвы. Как так можно писать? Тот, кто хочет что-то сказать, должен, во-первых, иметь веские основания. А во-вторых, нужно узнать: кто же он сам такой и чем он занимался? Говорят, что Сталин был жесток, и правильно, такой он и должен быть. Гуманность людей доводит до гибели. Я никогда не забуду слова Чингизхана, которые я прочел в одной книге: «Врага лаской не возьмешь». И это верно. А мы до чего сейчас докатились? Один разврат, воровство, спекуляция, убийства, насилия, вообще целая анархия. У нас при Сталине шла война, а продуктов было больше и в пять раз дешевле, несмотря на то, что работали одни старики и дети. Не нужно все валить на Сталина. Он если б сейчас был живой, так мы бы работали четыре часа в сутки и в масле плавали. Он, несмотря на все трудности, с каждым днем делал переоценки товаров — все дешевле и дешевле. А сейчас у нас утром поднялся, а цены на рынке уже подросли за одну ночь, да и в магазине то же самое. Цены добавляют, кто сколько хочет, а контроля нет никакого. Только языками болтаем, переливаем из пустого в порожнее, а изменения никакого. Пойдите где-нибудь попробуйте добиться справедливости. Вот до чего вся эта гуманность нас довела.

Пишет ПРИБРЕЖНЫЙ Иван Петрович,
г. Кривой Рог.

* * *

Я служил в Сталинских войсках и горжусь этим. Я чекист. Работал на Байкале, на Сахалине в оперативных войсках с 1943 по 1950 год. Я строил Комсомольск-на-Амуре и знаю, как зеки убивали комсомольцев, коммунистов, препятствовали строить Советскую власть. И все вот эти зеки были действительно преступники, головорезы и всякая мразь. А сейчас подняли головы сынки тех же раскулаченных кулаков. Откуда у них взялись такие строгие лагеря с 1951 года? Когда я уехал с Сахалина в 1950 году, уже не было никаких лагерей, и о таком количестве расстрелое я вообще не слышал, хотя и был чекистом. Здесь действительно надо разбираться, кто прав, кто виноват. А вот так писать ни с того ни с сего, без доказательств — это предательство! Будьте здоровы все. Извините, что плохо написал,— я неграмотен...

МИРОШНИЧЕНКО Н. Д.,
г. Березовск Свердловской обл.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

РАЗМЫШЛЕНИЕ ОБ ОДНОЙ ПРОФЕССИИ

Давид ФЕЛЬДМАН,
публицист

Вопрос о принципиальной допустимости смертной казни наконец-то признан дискуссионным.

Итоги споров и опросов подводить еще рано, однако и первые результаты оказались ошеломляющими. Столь часто поминаемая публицистами дегуманизация — это, пожалуй, слишком мягкое определение. Впору говорить о массовом озверении (да простят мне читатели некоторую вольность формулировки). Примеры? В 1989 году издательством «Юридическая литература» выпущен сборник «Смертная казнь: за и против». В книгу вошли статьи русских и советских философов, правоведов, писателей, социологов и журналистов. Примечательно, что все, так сказать «старорежимные» авторы безоговорочно против узаконенного убийства, а вот подавляющее большинство наших современников — за, хоть и с оговорками.

Возникает закономерный вопрос: знают ли, понимают ли люди, к чему призывают и что готовы творить?

В сознании большинства смертная казнь — это некая абстракция: вот был преступник, а вот уже и нет его, словно с чертежа смахнули ластиком неудачный штрих. И никаких подробностей: все легко и просто, быстро и удобно. Вроде бы и возмущаться нечем.

Описание процедуры смертной казни существует, но доступно оно лишь немногим избранным. Мне, например, не удалось ознакомиться с ним. Но есть и другие документы, достаточно проясняющие суть дела. В эпоху Великой французской революции руководства по умерщвлению не хранили под грифом «секретно». Вот что писал врач Антуан Луи в своем «Мотивированном мнении по поводу способа обезглавливания» (вероятно, он осознавал, что решение подобной задачи не предусмотрено клятвой Гиппократа, а потому постарался доказать, что руководствуется именно и исключительно интересами человеколюбия): «Принимая во внимание структуру шеи, центром которой является позвоночный столб, составленный из нескольких костей, связанных между собой так, что одна кость входит в другую без смычек, совершенно невозможно быть уверенным в скором и совершенном отделении, если это отделение поручается человеку, л о в к о с т ь к о т о р о г о н а х о д и т с я в т е с н о й з а в и с и м о с т и о т у с л о в и й н р а в с т в е н н ы х и л и ф и з и ч е с к и х (разрядка моя. — **Д. Ф.**)».

«Быстродействующий механизм доктора Гильотена» стал символом террора. Столетие спустя распространение получил иной метод — повешение. В России штатных палачей в ту пору не было. Надо полагать, сословные или иные предрассудки не позволяли тогдашним администраторам признать наемного убийцу государственным служащим. Отвращение к палачу казалось естественным, оно само собой подразумевалось даже и без дополнительных формулировок...

Сейчас в нашей стране, вероятно, презирать палачей некому. Эпоха террора изувечила психику нескольких поколений. Все, кто не желал покориться, не желал признавать, отрекаться, рукоплескать или забрасывать каменьями по приказу, подлежали уничтожению. Непокорный рисковал не только собой: кара могла обрушиться на его семью, родственников, друзей, знакомых. Шок массовых репрессий парализовал общество. Под ликующие марши беспрекословное повиновение воле государства было провозглашено высшей добродетелью человека и гражданина.

Палачи сразу же стали государственными служащими, причем весьма привилегированными. Выражать им презрение было так же опасно, как выражать презрение государству. Да и за что? Ведь любая служба почетна, а почет измеряется количеством наград и привилегий...

Все это было и есть. Потому хоть тема палача, его места, роли в обществе и правосудии и не относится к числу запретных, а все же касаться ее как-то не принято. Вот характерный пример — о смертной казни пишет Г. Рожнов, офицер, много лет служивший в тюрьмах и лагерях, а потому хорошо знающий, что такое расстрел: «Неслышно, в специально на то оборудованной камере следственного изолятора звучит выстрел. Волею суда оборвана еще одна преступная жизнь».

Кто стрелял? Кем «оборвана еще одна преступная жизнь»? Да вроде бы никем. «Волею суда»...

Французский палач почти двести лет назад писал, что иногда осужденных «приходиться силой валечь на плаху, и казнь превращается благодаря этому в борьбу и резню». А сейчас в «специально на то оборудованной камере следственного изолятора» не превращается?

Примечательно, что статья Г. Рожнова называется «Лицом к стене». Речь идет, конечно же, об осужденном, в которого целится палач. Профессионалы, как правило, стреляют в затылок. Это уж традиция. В фашистских тюрьмах и концлагерях этот выстрел так и назывался: Genickschuß (выстрел в затылок. — *Нем.*). Думаю, что и наш советский палач тоже профессионал — к важному государственному делу нельзя подпускать дилетантов.

Однако расстрел — дело не только государственное, но и кровавое. Известно, что пуля, пущенная в затылок, разбивает голову, расплескивая кровь и мозг. На ту самую стену, лицом к которой стоит жертва, на пол, а иногда и на палача, если он достаточно близко. Сам ли убийца смывает их с пола и стен или для этой неквалифицированной работы привлекаются помощники? Работают ли они с палачом как бригада или же привлекаются со стороны? Если со стороны, то как оплачивается их труд: сдельно или повременно? Сам убийца, конечно же, получает жалованье, а вот премиальные за качественно и в срок выполненную работу получает?

Кстати, о качестве: каждая ли пуля смертельна? Доктор Луи, например, предупреждал, что ловкость убийцы «находится в тесной зависимости от условий нравственных или физических». А вдруг осужденный будет не убит, а ранен? Вопрос, конечно, риторический. Смерть жертвы должен констатировать врач. И если осужденный еще жив, то врач, вероятно, должен предложить убийце произвести повторный Genickschuß...

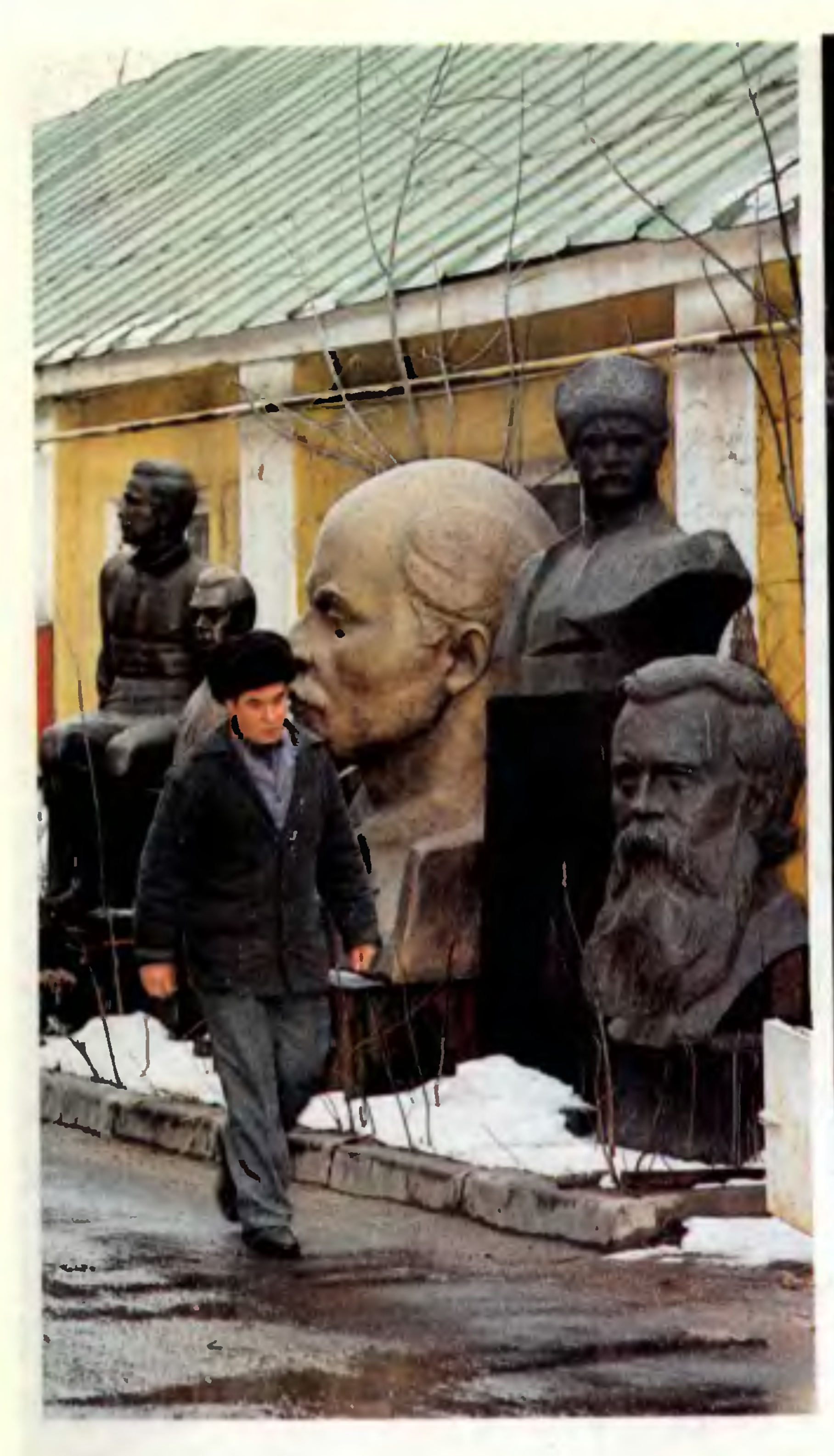
Они живут среди нас. Наемные убийцы, которым все равно, кого убивать. Врачи, им прислуживающие. Разработчики процедуры умерщвления и представители соответствующих ведомств, ее утвердившие. Они все государственные служащие. Они нас воспитывают.

Только не надо делать вид, что их нет. Абстрактного убийства не бывает. Это всегда конкретность. «Мне кажется,— писал В. В. Розанов,— ужас смертной казни удерживается от того, в качестве «особой привилегии государства», что хотя мы и «сознательные христиане», но на самом деле берем все целиком, в комке и не расчленяя, и вовсе не постигаем живым воображением делаемого. И на первую ступень понимания нас не пускают просто эти чужие, неверные слова и термины, которыми мы как приличной капсулой обволокли вонючее и нестерпимое содержание».

Вот об этом самом «содержании» очень хотелось бы не знать многим сторонникам смертной казни. Так им спокойнее.

НЕ УСТУПАЮТ ПЬЕДЕСТАЛЫ...

ПАМЯТНИК — ДИТЯ СВОЕГО ВРЕМЕНИ. НО ПОЧЕМУ НЕ ОСТАНОВЛЕН ТИРАЖ МОНУМЕНТОВ БЕЗВРЕМЕНЬЯ?



Елена СКВОРЦОВА

Фото
Александра ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

Несколько лет назад мне пришлось заниматься установкой мемориальных досок в маленькой деревушке на Смоленщине. Когда-то здесь находился штаб партизанского отряда знаменитого Бати. Отчаянные головы, они не только держали в страхе немцев, но, освободив огромную территорию внутри оккупированной зоны, восстановили там Советскую власть, и крестьяне по-прежнему подчинялись председателям колхозов, сеяли хлеб, собирали урожай... Словно и не война. Работала у Бати и выездная редакция «Комсомольской правды», которая очень досаждала немцам. И вот фашисты начали карательную операцию...

В память об этом времени на черном полусгнившем крыльце сельсовета остались две подслеповатые железные доски. Поменять их, дополнив текст фамилиями участников сражений и журналистов, не составляло труда. Но жители деревушки непременно захотели памятник. Убедить их, что большой монумент будет выглядеть по меньшей мере странно на фоне низеньких покосившихся изб, было невозможно. Я рассказывала о том, что памятники стóят очень дорого, что деньги могли бы пригодиться на строительство в деревне новой больницы, школы, магазина, дороги... Ведь куда ни глянь — все на ладан дышит. Кажется, пальцем ткнешь — и развалится. Люди меня слушали, согласно кивали головами, а в глазах плескалась обида. Чем мы хуже других? Почему это нам заказано почтить память своих родственников? Воевать, умирать — хороши были, а памятника, видать, не удостоились. Да разве, спрашиваю, память в метровых глыбах, в граните, а не в сердцах людских живет?.. Долго мы так спорили, наконец уговорила я их поставить две маленькие аккуратные стелы на взгорке перед сельсоветом...

Вот тогда-то я, пожалуй, впервые стала внимательно приглядываться к памятникам на наших улицах, площадях, в скверах... Бог мой! Железной поступью идут, оказывается, по нашей земле каменные ги-

ганты-близнецы. Лица вроде у всех разные, а видится одно: сними голову, поставь другую... Кто заметит подмену? А ведь и не замечаем. Редко какой памятник глаз порадует. А к остальным — безжизненным изваяниям — мы так же привыкли, как к нашим вечным лозунгам: давно уже научились смотреть сквозь них...

Какими бы художественными достоинствами памятник ни обладал, любой монумент всегда — дитя своего времени. И если народ внутренне раскрепощен и его восприятие жизни не отравлено стереотипами и штампами официальной пропаганды, если малейшее проявление инакомыслия в обществе не подавляется идеологическим диктатом, если художник не покорный исполнитель, а свободный творец, тогда памятник будет жить и «работать».

К сожалению, когда-то торжественный, почти священный в своей искренности и чистоте акт выражения признания заслуг понемногу превратился в изъявление верноподданнических чувств, в некий знак политической лояльности... Не оттого ли у нас каждая центральная площадь украшена многометровым Лениным?

А ведь издавна на Руси существовала иная традиция — в честь военных побед или знаменательных для государства событий возводились храмы, строились часовни и триумфальные арки. Конечно, устанавливались и именные памятники, но они не были многочисленными. И уж никогда основанием для возведения монумента не являлись чьи-либо юбилеи и дни рождения, включая членов царской фамилии. Традиция, уходящая корнями далеко в историю — туда, к анонимным летописцам, зодчим, художникам, неизвестным авторам замечательных произведений древнерусской литературы,— была сломана революцией. Возник ленинский план монументальной пропаганды. Может быть, он был и нужен с точки зрения политической — революционные власти хотели тем образом привлечь на свою сторону широкие массы трудящихся.

Пришли новые времена, а с ними и свои «бронзовые герои». Подход оставался прежним: народ не спрашивали, кого он хочет видеть запечатлнным на века. Отработана была и своя «технология»: секретарь обкома или председатель исполкома напрямую связывается с кем-либо из членов правительства и, минуя Министерство культуры, пишет письмо в Совет Министров с просьбой рассмотреть вопрос о сооружении памятника в городе Н. Совмин направляет поручения в министерства финансов и культуры, которые в десятидневный срок обязаны представить ответ. Ясно, что времени этого крайне мало, чтобы понять целесообразность затеи, проверить, достаточно ли у заказчика средств. Поэтому из Министерства культуры, как правило, дается лишь формальное «добро» и вносится предложение по сумме затрат на разработку эскизного проекта — единственное, что оплачивает министерство из своего нищенского фонда поддержки.

Как видим, «музыку» заказывают руководители на местах и никто иной. Это им мы обязаны плеядой глыб-истуканов, шествующих по нашим городам и весям.

А что же художники? Почему не бойкотируют они столь унизительную для себя систему? Во-первых, могу заверить, что они очень стараются хоть как-то художественно облагородить очередного «героя». Насколько это удается, зависит от степени таланта исполнителя. Не забудем: и им надо на что-то жить. Памятники — самое престижное в монументальной скульптуре, и оплачиваются они по первому разряду (например, модель в размер сооружения стоит от 2 до 10 тысяч рублей). В Советском Союзе среди утвержденных расценок на искусство более высоких цен, чем на скульптуру, вы не найдете. Кстати, совершенно официально установлено, что просто портрет человека стоит в два раза меньше, чем портрет того же человека, но в маршальской форме!

Есть и другая сторона медали. В наше время дорожает все. Памятники не исключение. Если раньше литье стоило в среднем 18 тысяч, то теперь объединение «Монументскульптура», например, взвинтило стоимость исполнения на 700%. А Мытищинский завод художественного литья пошел еще дальше. Чтобы компенсировать затраты на новые корпуса, где собирались отливать памятник Победы на Поклонной горе, завод вынужден поднять цены на... 900%. Какому заказчику из области (района, села...) под силу выложить 140 тысяч за памятник? Они и так под это дело объявляют сбор пожертвований, урезают статью расхода на социальные нужды, что, правда, весьма сомнительно с точки зрения нравственности — когда предпочтение почему-то отдается бронзовому дважды или трижды Герою Социалистического Труда, а не строительству новой больницы.

В Министерстве культуры подсчитали: если прекратить принимать решения о сооружении памятников по существующей системе, то работы все равно хватит на ближайшие пятнадцать лет. Ведь еще ждут своей очереди невыполненные решения от 1967, 1972, 1975 годов... Ждут «герои застоя».

В 1983 году вышло постановление ЦК КПСС и Совмина СССР за подписью Ю. В. Андропова и А. Н. Косыгина, в котором говорилось о запрещении сооружения памятников в Советском Союзе. В целях перераспределения средств на социальные нужды. И, как оказалось, именно в этот период «в порядке исключения» было принято к производству больше монументов, чем за несколько предыдущих лет. Эта эйфория увековечения продолжалась и потом, в 1986—1987 годах, когда ограничение было снято. В те дни в Министерство культуры за месяц приходило по 7—8 требований на памятник. Это тогда появилась практика — разрешать, не вдаваясь в подробности.

Сейчас эта громоздкая система начала понемногу поворачиваться. В планах появились новые имена — Вернадский, Чаянов, Тухачевский, Бунин, Грин, братья Васильевы... Политические деятели стали понемногу уступать свои пьедесталы писателям и философам. И, казалось бы, настала пора радоваться. Но одна мысль не дает покоя: не конъюнктура ли это нового времени, не стремление ли таким образом утвердиться в глазах руководства: вот, мол, какие мы прогрессивные?..

И так будет до тех пор, пока решения о сооружении памятников будут приниматься келейно.

Какую цель мы преследуем, сооружая те или иные памятники? Для кого они? Для чего нам вообще нужны памятники? Кому и какими они должны быть? И кто вправе это решать? Мы так давно не задавали себе этих вопросов... А жаль.

Борис ЧЕРНЫХ

ЧИСТАЯ ЛАМПАДА

Прикасаясь к большому явлению в Искусстве, каждый должен давать себе отчет, имеет ли он право на прикосновение.

Один пил вино с художником и теперь имеет право сказать: «Мы пили вино высокими стаканами». Высокое вино.

Другой катался в лодке с художником.

Третий однажды на премьере видел автора, забрасываемого белыми цветами...

Я не был другом Александра Вампилова. Больше того, мы были иногда в антагонизме, ибо Вампилов не понимал, как это человек, вооруженный опытом прошлого, сохраняет веру в некое переустройство общества на нравственных началах.

Воспоминания мои будут субъективными.

Однажды в майский день мы вынесли стулья из редакции «Советской молодежи» [1] и, встав на них, ждали явления народу Фиделя Кастро Рус. Мы — это электрик Владимир Яналов, прораб Зоя Пшеорская, плотники Виктор Грошев и Александр Крымский. Было тепло. Кубинские и наши флаги трепетали над карнизами домов.

Толпа неистово взликовала, когда машина с Анастасом Микояном и Фиделем Кастро покатилась на нас. И Александр Вампилов сказал:

— Массовое действо. Пора бросать чепчики. Правда,

Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали!

На четвертом курсе в университетской газете я печатаю рассказ «Юнкер Карецкий». Меня интересует эволюция юнкерского мятежа в Иркутске.

Со мною знакомится Александр Вампилов, я приглядываюсь к нему — смуглый полуизможденный парень в сером пиджаке. Он курит сигарету и скупо хвалит меня, или не меня, а юнкера Карецкого.

В январе глубоко личные переживания продиктовали этюд «Люся выходит замуж». Хочу напечатать его в молодежной газете, но девицы (тогда было много эмансипированных девиц в редакции) восстают. Меня выручает Вампилов. Он появляется в дверях, когда я готовлюсь назвать девиц дрянью. Он читает этюд, мы выходим в коридор. Он снова хвалит меня, на сей раз меня, называя этюд стихотворением в прозе.

Знакомство состоялось и окрепло. 27 февраля 1961 года запись в дневнике: «Вампилов-Санин. «Феодал с гитарой». Чувство языка. Смеялся. Феодал с гитарой... Сцены из нерыцарских времен».

Когда возникло в Иркутске творческое объединение молодых и Александр Вампилов предложил мне поставить на обсуждение мои рассказы, я ответил отказом: претила обстановка в объединении. Там готовились и росли художники, они говорили о запахах, о цветах, о нюансах, о характере. Я не понимал художнического поиска, начатого Вампиловым.

[1] Иркутская областная газета.

«Стечение обстоятельств», тонкая и довольно смешная книжка, обещала поверхностного сатирика. Рассказы «Тополя» и «Станция Тайшет» казались вторичными. Увы, я торопился с выводами.

Август 1962 года был для меня горячим, как в прифронтовой полосе. Я избран секретарем комитета ВЛКСМ строительства Байкальского целлюлозного завода: у меня 19 первичных организаций, промбаза, микрорайон будущего города. Я изучаю строительство пешком, езжу на дежурных машинах. Солнце жарит дороги, пыль забивает легкие, а возле управления строительства тишина — березовая роща водит хоровод, в кабинах спят шоферы. Ветра нет, но благодатная лесная тень спасает от жары.

Я иду от столбовой дороги к конторе, по тропе навстречу мне двигаются парень и девушка. Она светловолосая и вся в белом. Он тоже в белой рубашке, пиджак через плечо перекинут — Саня Вампилов.

Пасхальная эта картинка до сих пор перед глазами. В березовой роще сквозит солнце. Тишина. И идут двое, стройные и юные.

Мы здороваемся и садимся на поваленное дерево. И спрашивает Вампилов:

— Ну, как твои, Боря, потешные полки?

Я ищу спасения в диалектических связях: потешные солдаты Петра, потом гвардия Преображенского и Семеновского полков, костяк армии и лоно вольнодумства. Каре на Сенатской площади. Я отвечаю оптимистично:

— Потешные полки дерутся.

— Во славу уничтожения Байкала?

— Почему же — возрождения! Мы возродим жизнь на его берегах, построим дома и цеха. Мы позовем художников, чтобы достойно отобразить бодрую жизнь на этой земле...

— А источник вы сохраните? — Он даже не спрашивает, а констатирует.

Я молчу. Мне кажутся странными суждения пришельца в белом.

— Мы ищем пристанище — пожить, подышать озоном,— говорит Вампилов, разряжая неловкую паузу. И девушка Люся робко улыбается.

А мне чудится упрек: напоследок, пока цел источник, приехал он сюда с подругой. Холодно советую им ехать в Выдрино или Утулик: там патриархальная тишина и по вечерам играет гармошка.

Мы раскланиваемся, но на прощание Вампилов вдруг просит миролюбиво:

— Ты в тетрадь пиши свою эпопею.— «Эпопея» произносится с той дозировкой иронии, на которую он был мастер.

Проходят недели и месяцы, у меня открываются постепенно глаза. «Пиши в тетрадь эпопею»... Зачем писать? Как документ близорукости? Как дневник современника, избравшего торную дорогу?

Противоречия, обуревавшие меня, я плохо передаю в очерке «Пронин думает о жизни». Вампилов хвалит очерк. Я пытаюсь узнать — за что хвалит? Оказывается, всего лишь за один абзац, вот он:

«Ночью случилась гроза. Серые наросты ворон опали с криком, и пришло лето...»

В 1963 году я вернулся в Иркутск и стал работать в обкоме комсомола. Уже в Байкальске поиски концепции мироощущения поставили меня в положение одинокого лыжника. Будто я вышел вместе с соратниками, а потом ушел вперед (или отстал?) и заблудился в лесу. В обкоме одиночество усугубилось и вылилось в полное почти отшельничество...

Диковинная это была эпоха. Борьба с абстракционизмом и вызов тоталитарному режиму в Китае, разоблачение преступлений культа личности Сталина и догматизм, проникавший во все поры государственного организма.

Меня интересовала гласная оппозиция догматизму. Хорошим инструментом в достижении этой цели было творческое объединение (ТОМ), но оно оказалось разгромленным.

Я отдавал себе отчет, что истинным вождем молодого Иркутска был Вампилов. Я нашел его.

Вампилов сказал:

— Надо найти лояльную почву для контактов с партийными руководителями.

Формулировка «лояльная почва», явно политического оттенка, меня удивила, передо мной был другой Вампилов, зрелый муж, уже не юноша. Думаю, и он понял истинные причины моей заинтересованности в реорганизации ТОМа.

Смехотворна была первая реакция секретарей обкома на предложение восстановить ТОМ, больше того — конституировать его решением бюро обкома. Степаненко в кабинете шепотом произносил имя писателя Юлия Файбышенко, у Гетманского в глазах темнело, когда он говорил об «этих демагогах-писателях» [1]. Вот я сказал — смешно. А и печально: как легко мы делаем «врагов» из нашей интеллигенции... На мое предложение секретари ответили тяжким покачиванием головой. Пришлось прибегнуть к соображениям престижного порядка: «Если не мы, так сельский обком возьмет на себя руководство ТОМом»,— и шпилька угодила в больное место.

ТОМ начал новый круг. Мы вошли в бюро; Шугаева, рвущегося на пост формального лидера, избрали председателем. Скоро я понял, что Вячеславу Шугаеву фирма ТОМ требуется для рекламы и самоутверждения. Если Вампилов мечтал о творческом обсуждении писательского ремесла и искусства и — да! — пропаганде наших взглядов, иные этого не хотели, а может быть, и не были способны на это: красноречия, гениальной памятливости Юлия Файбышенко явно не хватало для создания подобающей атмосферы.

Но несколько событийных вечеров состоялось. Помню аргументированный разгром антихудожественного «творения» Леонида Ханбекова; автор навсегда оставил худое перо, отдавшись административной карьере [2].

Вампилов принимал во всем равное участие. По его совету я написал статью, в которой критиковал заведомую литературность рассказов Бориса Лапина; и тут далеко вперед видел Саша. Несколько лет спустя на Читинском семинаре окончательный разгром Б. Лапину устроит бескомпромиссный Виктор Петрович Астафьев.

Но отыскались противники и у Саши. Цензура с благословения Е. Н. Антипина, секретаря обкома партии, сняла в газете сцену из его пьесы, и Вампилов узнал, что в декабре на областной конференции «Молодость, творчество, современность» его собираются критиковать весьма сурово — «в назидание»...

— А это, как ты понимаешь, вовсе ни к чему мне нынче,— выстраданно говорил он, придя в обком комсомола.

Опасения оказались ненапрасными.

Писать доклад поручили мне. Я написал его либерально, теоретизируя, поощряя творчество молодых. Примеры (доклад без примеров не доклад) отыскал самые положительные. Но доклад мой секретари обкома забраковали: в нем не было четкой «классовой позиции», то есть зубодробительной критики.

В неумелые руки взял перо Борис Гетманский и написал свой вариант доклада, нашпиговав его цитатами и суровым морализаторством [3]. В качестве козла отпущения был избран... Вампилов. Я уговорил (стыдно, но надо признаться в этом) заменить Вампилова прозаиком Альбертом Гурулевым. Гурулев напечатал в «Советской молодежи» рассказ «Ель», вкусный эскиз об одинокой старухе. Вот я и предложил раскритиковать Гурулева «за мотивы печали», «за уход от героической действительности»... Чего не сделаешь во имя спасения Александра Вампилова?! Мое предложение приняли. Драматург наш приободрился, а Гурулев недолго был озадачен, потом сказал с горечью:

— Все же хоть такое, но внимание.

Я казнил себя, но молчал. Теперь я прошу прощения у писателя Гурулева.

После обкома я редко видел Вампилова. Собственные мои переживания в эти годы так уплотнены, что я не решаюсь всегда точно датировать встречи и беседы с ним.

Помню маленькую заметку за его подписью. Вампилов пишет о фильме Козинцева: «Гамлет — откровенный тираноборец, и эта трансформация героя поучительна и актуальна. Резонер и нерешительный человек бросает вызов силам зла...» Цитирую по памяти и думаю, что заметка была опубликована после 1964 года.

Кажется, в это же время Игнатий Дворецкий читал в Союзе писателей свою пьесу «Мост и скрипка». После чтения кто-то посетовал: милиционер в пьесе показан неблагополучным. Тотчас поднял руку Вампилов и оспорил это мнение. «Движение

---

[1] Анатолий Иванович Степаненко — первый секретарь промышленного обкома, затем высокопоставленный работник КГБ. Борис Алексеевич Гетманский — второй секретарь обкома комсомола, затем партийный работник.

[2] Но первые шаги графоману помог сделать Франц Таурин, тот самый, что исполнил заказ Суслова и К° и, будучи секретарем правления Союза писателей РСФСР, организационно оформил исключение из Союза писателей Александра Исаевича Солженицына.

[3] Когда я узнал, что на конференцию приехали Александр Межиров и Владимир Корнилов, я сгорал от стыда за обком, но ничего изменить не мог.

характера,— говорил он,— предполагает именно такого героя, и сглаживать характер не следует». Позиция Вампилова — хоть штрихом сохранить дыхание жизни — примечательна.

Зима на перепаде в 1965 год. Вампилов и Шугаев возвращаются из Москвы.

— Француз Рекомболь считает, что твой (мой! — **Б. Ч.**) Ленин придумал революцию. Сидел в лондонской библиотеке и думал: «А не сделать ли и в России революцию, мероприятие презабавное».— Он говорит шаржированно, отстраненно и даже имя француза явно выдумал, но ему любопытна моя реакция.

Удачна ли поездка в Москву?

— Ты тут локти обдираешь, а они курицу едят,— безадресно и поэтому непонятно.

Видели Твардовского и говорили с ним. Неужто и Твардовский «курицу ест»?

— Мужик ничего... А вот Липатов пьет водку и икрой заедает. Но по какому праву? По праву клоуна...

Нет, Вампилов не в духе. Но тема «Твардовский и «Новый мир», прочно сшитая великолепным языком Вампилова, стала на много дней главной в журналистском и писательском мире Иркутска.

Оказывается, при всей своей величественности Твардовский всерьез говорил с молодыми литераторами из Сибири. Мы все узнавали о нем из первых рук, впитывая сочный и грубый юмор и непробиваемую мощь его логики. Как он курит, как молчит, как афористично высказывается; как даже пьет вино — по полному праву: классик и вождь демократической России. Журнал Твардовского сделался духовным руководителем настолько, что печатание Преловским стихов в «Октябре» (у Кочетова) воспринималось как ренегатство.

Разговор о поэзии. Вампилов хвалит стихи в «Совмолодежи» Юрия Артюхова и Славы Эпельштейна, вспоминает Блока, спрашивает, что люблю у Блока. Слушает. Потом читает:

Похоронят, зароют глубоко,
Бедный холмик травой порастет,
И услышим: далеко, высоко
На земле где-то дождик идет...

Читает безыскусно, но в безыскусности — душа ранимая.

На два часа я получаю пьесу «Прощание в июне» и, сидя в редакции, читаю. Вампилов ждет, что я скажу. Пленительное свойство у Вампилова — он хочет знать мнение своего товарища, он доверяется на мгновение, но доверяется полно.

— Пьеса написана мастером,— говорю я Александру.— Можно поздравить тебя.

— Не врешь? — Он пытливо смотрит в глаза.— Впрочем, ты ведь никогда не врешь, опасный ты человек.

— Только странно,— говорю я.

— Что странно?

— Очищение Колесова с привкусом авторской заданности странно.

— Говори, говори!

— А я уже сказал. Привкус есть. Но пьеса совершенна.

— Ничего себе — совершенна. Нахал! В штатском!

— Да мне показалось. Что же поделаешь?

— Ну, нахал.— Он качает кудрявой головой, и мне жаль, что я огорчил его.

Дважды мы сходились, чтобы говорить. Мои экстремистские речи не нравились ему — в них преобладало политическое направление, а он, как не раз передавали мне, надеялся, что я засяду за стол. Эта его вера нашла трогательное подтверждение в таком факте. Однажды мы из редакционных столов стали переносить в библиотеку всякий хлам — в связи с ремонтом, что ли — и в столе обнаружили целое хранилище Сани. Там были блокноты, книги, старые кирзовые сапоги, его рубашка. В этом собрании на глаза попалась вырезка из районной газеты — то был мой давний рассказ «Кочевник». Позднее в журнале «Юность» я рассказал о человеке, послужившем прототипом кочевнику.

В одной из бесед Вампилов сердито ругал моего приятеля А. П-ва. Оказывается, в университете шла дискуссия о так называемой дегероизации литературы, и П-в, аспирант кафедры философии, ссылаясь на Ульяновых, говорил молодым: «Чем же Ленин не герой? Его не спрячешь, не снивелируешь. Он по самому большому счету герой, он совестлив и честен, и литература это отразила...» и т. д.

Возражать против этого было бы опасно. И Вампилов решил, что прием, примененный П-вым, незаконен и двусмыслен.

Приступ черной меланхолии привел однажды Вампилова в редакцию, и одновременно пришла Ольга. Я уговорил его отослать Ольгу домой и пображничать. Он берет Ольгу под руку, ласково смотрит в ее красивое лицо и уводит по Киевской в тишину. Проходит час, он возвращается.

— Мы ждем дите, надо же понять Ольгу,— грустно говорит он, и мне становится стыдно за мое поведение. Но мы все равно едем за плотину, в скучнейший поселок ГЭС, к сестрам М. По дороге мы говорим не о жизни — о женщинах.

— Горько это, Боря... Говорила: «Я люблю тебя. Ты с другой, а я люблю тебя. Ты далеко — я люблю тебя. Ты приходи когда хочешь, хоть через пять лет, я тебя пожалею...» Пришел через год. Стучусь. В общежитии на Пятой Армии живет. Стучусь. Открывает: «Ах, Саня, что же ты не предупредил меня? Ну, проходи...» Прохожу. Сидит фраер на табуретке. И она уже любит его, а не меня! Глаза у нее виноватые. Я мнусь, потом говорю: «До свидания или прощайте, как угодно». У нее виноватые глаза, но она смотрит на парня, он ей дорог... Я ухожу. Иду и плачу. Была душа — вынули душу. Не любил я ее, но она жалела меня. И вот сидит парень...

Через час у Сани в руках гитара.

Я на Верхней Охте каартирую.
Две сестры хозяйствуют в дому,
Самым первым а жизни поцалуем
Памятные сердцу моему...

Семья, любимая жена, ожидание ребенка, и горечь измены Н., и прелестные глупые сестры...

Для ригориста, приверженца условной морали, ситуация фантастическая и опасная. Но чем лучше те, что умом постигли разврат, износились в партийном блуде, в словесном вожделении?..

Ни разу, однако, в разгульные часы и минуты я не замечал в Вампилове пошлости. Изящный в своих проявлениях, он был рыцарски великодушен не только к товарищам, но и к случайным знакомым; и только в крайних ситуациях раздражение прорывалось у него — но изысканно и тонко, и оттого остро и убийственно.

В нем не было произвола — вот что самое главное. Гармония личностных начал исключала произвол. Если он решался на приговор, то почти всегда взвешенно. Так он однажды не вытерпел менторский тон Р. и сделал ему едкое замечание, и Р. понял серьезность позиции Вампилова. В другом случае, помню, высмеял разгульное хлебосольство

Евгения Рапопорта, коим хозяин выдавал чрезмерные литературные претензии...

Анатолий Преловский после гибели Александра Валентиновича сетовал на некую странность, которая развела его с Вампиловым, а между тем достаточно знать тенденциозный и коварный характер Преловского, чтобы понять причину вампиловского раздражения. Мне пришлось слышать от Вампилова суровое суждение о старшем товарище по цеху: «Плохой, из рук вон драматург, но поэт старательный».

В 1970-м году я запомнил счастливого Вампилова. Каникулы в разгаре. Я приехал в Иркутск и зашел, как всегда, в колыбель нашу — в редакцию — и застал там Вампилова. С каким-то подобострастным человеком он читал статью в университетской газете — о премьере «Старшего сына». Статья была написана в восторженном тоне, и подобострастный человек, очевидно, был ее автором. Вампилов поднялся навстречу мне, мы поздоровались. Разговор наш был недолгим, ибо я спешил к сыну, а Саня... Саня не спешил никуда, потому как только что вышла в свет «Утиная охота».

Он попросил у кого-то ручку и подписал последний экземпляр журнала. При этом смеялся, узнав, что Юлий Файбышенко на иркутян надел эполеты: Вампилову достались генеральские, Машкину — полковничьи. В этой табели я выбрал себе высшее кубинское звание — майор. Саня сочинил дарственную надпись:

«Боре Черных, майору, которого к моему удовольствию знавал еще старшиной, на добрую память. А. Вампилов. 8.1.70 г. г. Иркутск».

Весной 1972 года мы увиделись в Москве совершенно случайно. Иркутский историк И. С. Вахрушев и я пришли на Центральный телеграф, и в большом зале Александр Валентинович, желтый и небритый, потряс меня крепко за плечо. Я потерянно узнал его.

— Первая моя пьеса наконец-то пойдет — тьфу, тьфу! — в столице. Сижу, работаю. Надо кое-что выписать.

Мы обменялись телефонными номерами. Через день или два он позвонил под ночь:

— Ты, верно, звонил, а меня не было, мытарили, пришлось пить. А завтра окно, давай встретимся, лучше утром — никто не будет мешать.

Назавтра мы встретились в маленькой комнате гостиницы «Будапешт». Над столом у Сани висела афиша Ленинградского драмтеатра — «Два анекдота» в постановке Георгия Товстоногова. Вампилов-то написал «Провинциальные анекдоты»; но провинцию идеологи отменили, и название пьесы пришлось менять.

Мы сходили, не одеваясь, в кондитерскую, купили снеди. Саня попросил коридорного принести чай.

— Этот Ювая Шесталов, что встретил нас у выхода,— великий национальный писатель. Однажды в тусклые минуты я подумал: «Провинциальный драматург Вампилов». А почему бы не стать национальным писателем? Бурятская кровь во мне течет? Течет... Покатилась бы жизнь, как у бога за пазухой... Теперь, слава богу, это ни к чему. Но разве я не прав был десять лет назад, когда говорил тебе — оставь политику?.. Сеятель сеет, а всходы гибнут на корню. Владимир Войнович хотел на трибуну выйти. Усомнился в таланте, Робеспьер... Пока был жив Твардовский и «Новый мир», дыхание теплилось. Но теперь пора осесть, взять перо и до упаду сидеть за столом. Перо — вот оружие на Руси, в любую погоду.

Он рассказал о премьере в Ленинграде и о старшем Товстоногове:

— Живет без партбилета, а дело делает и врачует, врачует... А у нас в Иркутске, не поверишь... Как бы ты поступил, Боря, сейчас? Ты старой закалки экстремист. Как бы ты поступил раньше, я знаю. А нынче?.. У нас там сущее столпотворение! Все борцы, и меня в рекруты зовут. Женя Суворов — ему бы истину одну уяснить и писать. А он — в суете, до сорока лет.

Чем дальше и горячее он говорит, тем больше раздумье овладевает мной.

— Ты не думай,— сказал Вампилов,— я не хочу уезжать из Иркутска. Мне Ленинград предложили, с хатой. Но это чужой город. Рубцова знаешь? Он жил в Вологде. Сумел бы он сохранить себя в Москве?

— Но он не сохранил себя и в Вологде,— сказал я банальную истину. Вампилов вздохнул.

— Однажды мы с Петькой Пиницей,— вдруг вспомнил он,— Петька приезжал в Иркутск — шли мимо твоего дома. И сын твой стоял в окне... Тебе надо вернуться в Иркутск.

Меня ранил этот зрительный образ: сын мой Андрей в окне...

Тут телефонный звонок заставил его собираться в театр на переговоры. Мы вышли в полусумрак улочки, где стоит «Будапешт», потом выбрались на широкий проспект и — расстались.

В июле мне удалось получить командировку в Сибирь. Я встретился с сыном; мы жили, как я и обещал ему, в палатке на берегу Иркута, слушали ночные всхлипы парома. Шли нудные дожди, вода в реке прибывала, просветов в свинцовом небе не было... Мы удрали от дождей в город.

Вскоре вернулся с Байкала Вампилов. Мы пошли с Андреем к нему в гости.

Нас встретила Ольга, сильно возмужавшая женщина. Дочь Елена, раскосая и темнолицая (в отца), усадила нас в кресла. Мы недолго ждали Саню, он звонил в Москву, где уже шли репетиции. Вошел возбужденный и радостный, и мы, конечно, пошли искать вино. В магазинах действовал вечерний запрет, пришлось идти в кафе. Там давка. У стойки пьяные мужики выклянчивают водку. Чтобы не влезать в чудовищную толпу, мы попросили официантку, и она принесла нам бутылку шампанского.

Пока охотились за вином, мой Андрей, с разрешения Сани, рассматривал Сервантеса. Потом в доме погас свет, и тут между детьми была маленькая борьба. Лена, как шаманка, стала выкликать духов, пугать Андрея:

— Сейчас придет Бабай и схватит тебя... Сейчас придет Бабай...

Андрей темноты не боялся, но Еленино пугание его забавляло.

Ольга рассказала, как на Байкале хозяйский мальчик, вконец запуганный шаманством Елены, не спал ночами. Андрей подтвердил неожиданное дарование младшей Вампиловой, а Саня слушал эти байки с нескрываемым наслаждением.

— Отец, пришли мне «Дон Кихота»,— попросил Андрей.

— А не рано? — Я посмотрел на Саню.

Тот сказал:

— Дон Кихот отговаривает сына читать Сервантеса. Себя стесняешься? Пусть почитает, как ты воевал с ветряными мельницами...

— Много лет назад я взял у тебя Гарсиа Лорку и не вернул,— вспомнил я.— Еще когда ты жил в Ново-Ленине.

— Я переболел Лоркой. Теперь я хочу садить огород.

— Мы решили купить дом в порту Байкал,— сказала Ольга.— Там одних дров на три года хватит. Но у нас не хватает денег, и можно опоздать — хозяин продаст дом.

— Деньги найдем,— сказал Вампилов,— огород будем садить.

Адриан Митрофанович Топоров просил меня передать письмо Валентину Распутину, но Распутина не было в Иркутске. Вампилов обещал передать письмо и спросил, как я познакомился с Топоровым.

Я рассказал.

— Мы с Валентином как-то читали его «Крестьяне о писателях». Гениальная книга. Язык первозданный.

Вампилов прочитал письмо (Адриан Митрофанович не стал, разумеется, запечатывать конверт).

— Ядовитый старик,— усмехнулся Вампилов.— Щедринской породы. «Честные писатели всегда на Руси бичевали злочинцев».

Потом он вдруг сказал, будто решившись:

— Меня сильно огорчил Слава Шугаев. Последняя моя пьеса [1] была снята с его помощью — может быть, косвенной... Антипин, как всегда, выступал дирижером, а Слава солистом. И рассказ Димы Сергеева выкинули. Я-то, ладно, переживу, но Дима заработал право печататься... Пусть румяный критик разложит на части рассказ, но — опубликованный уже. Конформист, сказал я Славе, конформист ты, Слава... Я понимаю, Мольер стелил Людовику постель, но «Тартюфа» до сих пор запрещают ставить на сцене. Некоторые же умудряются стелить постель и писать неправду. Хотят преуспеть там и тут... Но Шугаев просчитался. Ему лучше уехать из Иркутска.

Мы заговорили о Зилове [2]. Я назвал его прекрасным человеком. Это удивило Вампилова и обрадовало.

— Некоторые считают его монстром.— Он взял с полки журнал «Театр».— Вот что пишет одна дама...

И прочитал отрывок, написанный в ослепленном состоянии,— Зилову отказывали в гражданстве. Мой спекулятивный ум и здесь подсказал «выход»:

— Все-таки это лучше, чем замалчивание творчества [3].

— Лучше быть распятым, зато публично?.. А дама пишет: он злодей, он монстр... Потом, лет через сколько-то, поставят на сцене, и будут играть не нас, не Зилова, а злодейство, а?! Или этакого Хлестакова закрутят,— размышлял он вслух.

Более всего меня тогда поразило, что Вампилов отстранялся от своего детища и понимал: те, кто будет ставить, играть, «закручивать Хлестакова»,— они все это будут делать самоуправно, игнорируя многозначность героя и сложную позицию автора. Может быть, после него, когда автор уже не сумеет вмешаться...

— Я встретил недавно бывшую свою жену. Не задалась жизнь. Разошлась с мужем. Ребенок без отца... Прекрасная женщина — и не везет. Бьется как рыба об лед.

Сейчас, когда я пишу эти строки, последние слова, сказанные вне связи с общим ходом разговора, выступающие из него как алогичность, прочитываются по-новому.

Безмерная вампиловская доброта видна в его отзывах о товарищах, которые работали рядом с ним менее успешно, в меру отпущенного таланта.

— Как живет Петр Иванович Реутский? Пьет вино и пишет стихи. Хороший он человек, мы его любим... Сергей Иоффе? Поэма «Командир» была недурственным началом, а потом суета одолела Сергея... Надо работать, он еще может отвоевать пласт.

После узнаю в Москве: Вампилов беседовал с Анатолием Жигулиным, упрашивая того облегчить прием Иоффе в Союз писателей.

«Национальный вопрос».

— Актер в Ленинградском драматическом подходит ко мне: «Ты еврей?» «Да, если угодно, я еврей, только бурят, монгол». «А почему они говорят о тебе: он наш?» «Кто они?» «Кто? Евреи!» «Это для меня тайна. Пожалуй, я больше монгол, чем еврей». Успокоился парень, в «Старшем сыне» играл удачно... Во что творится в столицах! Узнали, что Рощин с примесью еврейской крови — все, плохой писатель и человек Рощин. А татарская кровь позволительна. Но кто по национальности Зилов? Помесь. Плебей с достоинством. Славянофилам новоявленным это не понравится, но что я могу поделать...

Обо мне:

— Я думаю, как лучше устроить твое возвращение... Вот придем мы к Антипину, а он не в духе или делает вид, что не в духе. И говорит: «Нечего ему делать в Иркутске». Мы говорим: «Есть». «Ну, так вы и приглашайте его. А я ни при чем». А может и по-другому решить: блудный сын все равно возвращается домой!.. Надо прикинуться, Боря, блудным сыном. А Евстафия нарядить отцом... Постель для начала постелив. Что делать, иногда приходится стелить постель. Или поставить в условия свершившегося факта — ты вернулся. И затем строить мосты... За стол мы тебя посадим. Это все чушь — ты не Толстой. Ты Черных. Твоей жизни десятерым хватит. У тебя опыт, его надо записать, на серой бумаге стройно и последовательно изложить...

Долг исполнен. Главное совершено. Эта мысль пришла ко мне после прочтения «Утиной охоты», более чем за год до трагедии на Байкале...

Догадывались ли современники, с кем они рядом жили, курили свои сигареты, пили пиво и соки? Оберегали ли они Дарование, Талант?

Двадцать седьмого марта 1973 года в газете «Советская культура» появилась статья Е. Антипина, секретаря Иркутского обкома партии по идеологии: «Третий сезон не сходят с афиш пьесы безвременно ушедшего из жизни одаренного драматурга А. Вампилова «Прощание в июне» и «Старший сын»...»

Провинциальный Бенкендорф, небесталанно игравший свою охранительную роль при сибирской литературе, продолжает фарисействовать. Антипину история тоже дала право быть современником художника — с первых шагов и до последнего мгновения он был черной тенью, неусыпно сопровождавшей Вампилова. Это его стараниями снимались с газетных и журнальных полос вампиловские пьесы; это его указующий перст не давал Вампилову многие годы пробиться на сцену в родном городе. Это Антипину принадлежит последний укол в сердце, которое разорвалось в байкальских водах...

Пусть говорят иные об эпохе, микроклимате. Но существует и персональная ответственность заплечных дел мастеров, кои преуспели в своем ремесле...

1973 год

[1] «Прошлым летом в Чулимске».
[2] Герой пьесы «Утиная охота».— Ред.
[3] Я помню, в Москве он говорил о глухой стене молчания, которая сопровождала его ленинградский успех.

САМЫЕ СЕВЕРНЫЕ ЛЮДИ ЗЕМЛИ

Фото Сергея ИВАНОВА

Рубрику ведут
доктор исторических наук Юрий СИМЧЕНКО
и кандидат исторических наук Сергей САВОСКУЛ

3 января 1990 года умер великий нганасанский шаман Тубяку Дюходзевич Костеркин из рода Нгамтусуо, название которого означает «щедрые». Известие о том, что Тубяку переселился в Землю Мертвых, ошеломило всех, кто его знал. Казалось, старик вечен. В свои семьдесят лет он выглядел необычайно моложаво для нганасана. А я помнил его совсем молодым; мы познакомились сорок лет назад. Мне довелось тогда провести немало времени среди нганасан — обитателей таймырской тундры, самых северных людей Земли.

Кому-то такое определение этого народа может показаться преувеличением, ведь есть еще гренландские эскимосы и полярники, плавающие на льдинах севернее аборигенов Таймыра. Но и те и другие появились там не так давно. А предки нганасан веками жили возле полюса. Потому они невелики ростом. Самый высокий мужчина — едва за полтора метра. Природа не случайно отобрала для жизни в самых высоких широтах отнюдь не гигантов. Чем меньше площадь тела — тем меньше теплоотдача. А в тундре в июне еще бывает последний снег.

Тубяку, сына знаменитого шамана Дюходз, я впервые увидел на исконной нганасанской реке Авам: он приехал по позднему снегу на факторию купить на пето муки, соли, спичек и табака. У меня было время внимательно рассмотреть орнаменты на его одежде. По этим аппликациям из черной и белой кожи, как по погонам в армии, у нганасан можно определить социальное положение человека: считается ли мужчина полноправным охотником, замужем ли женщина, есть ли у нее дети. Мужчина становится взрослым с тех пор, как добудет первого дикого оленя. Охота — главное занятие нганасан. Сам я долгое время щеголял среди них в одеянии с детскими орнаментами, пока не добыл своего первого дикого оленя. В тот же вечер меня перевели в разряд взрослых мужчин. Это означало право ухаживать за представительницами прекрасного пола.

Сама по себе нганасанская одежда очень красива: парки — верхние шубы — и бакари — меховые сапоги без подъема (мешкообразные сооружения из шкуры с ног оленя, необыкновенно теплые благодаря воздушной подушке на пальцах ног). Парки у мужчин глухие, как рубахи, с капюшоном, плотно обтягивающим лицо, а у женщин — распашные, с белоснежным собачьим воротником. Шапки — капоры — оторочены густой собачьей шерстью.

По парке шамана можно было определить, что он вполне достойный член общества и еще — что у него старательная жена (по тому, как аккуратно сшита одежда).

— Давай, ко мне в чум гостевать приходи,— пригласил меня Тубяку после основательного разговора за чаем.— Мы-то на Пясине стоять будем, где олень ходить будет. Его колоть будем.

Я принял приглашение. Прошло немногим меньше недели после этого разговора, и мне выпала возможность попасть на Пясину. Стойбище Тубяку было на высоком правом берегу реки. Три чума, три семьи.

Олень еще тянулся в северные тундры.

— Пошли дикого добывать,— предложил мне племянник Тубяку.

— Давай-давай, иди,— поддержал его старик, с которым я жил в одном чуме. Он относился к моим ученым (этнографическим) занятиям без должного уважения. По его мнению, для молодого мужчины есть только одно достойное дело — охота на диких оленей.

Мы долго шли по холмистой тундре, спугивая с гнезд уже севших на яйца гусынь — гуменников, краснозобых казарок, гаг и великое множество уток. Темношерстные песцы — «крестоватики», совершенно непохожие на прелестных зимних лисиц, бесстрашно тявкали на нас. Всякая птичья мелочь так галдела, что в ушах стоял постоянный звон.

Добыть комолых быков оказалось просто. Парень привел меня на традиционное место засады, и быки сами пришли туда. Нганасаны каждое лето выходят на одни и те же места, где осенью будет переправляться через реки дикий олень.

Оленина — исконная пища человека. Этим мясом наши древние предки продолжали питаться, когда не осталось на Земле мамонтов, диких лошадей, шерстистых носорогов. Постепенно и олени вывелись, да и люди перешли от охоты к другим занятиям. Но на Таймыре диких оленей и сегодня более полумиллиона. И нганасаны одни сохранили древнюю культуру охоты на них.

Сейчас нганасан 1262 человека (в 1979 году их числилось 935). Этот малочисленный народ кормит мясом такие огромные для Заполярья города, как Норильск и Дудинка...

Когда комолые быки были добыты, парень быстро «разобрал» обе туши на части, вывалил из брюха внутренности и уселся «сагудать» — есть сыранину. Нганасаны едят оленину преимущественно сырой. Тому есть серьезная причина: фрукты здесь не растут, и витамины можно получить только из сырого мяса. Свежая печенка после трудов праведных и мне показалась небесным даром. Сырое мясо — еда легкая. Усваивается почти полностью. И силы ощутимо приливают после трапезы.

Дорога с тяжелыми нартами, в которые мы впрягли и своих собак, показалась бесконечной. Недалеко от жилища мой напарник вывернулся из лямки и молча вошел в чум. Я последовал его примеру. И правильно сделал. У нганасан считается крайне неприличным охотнику смотреть, как разделывают и делят его добычу. Мужчина владеет лишь своим копьем. Добытая им пища — это уже собственность жены. Мужчина у нганасан почти бесправен. Считается, что чум, одежда принадлежат жене. Если женщина умирает, то в ее похоронный аргиш кладут всю недвижимость, и вдовец остается на снегу со своим верным копьем и правом найти новую жену. Детей тоже возьмут родственники жены. Малышей любят и оберегают все, независимо от того, есть ли у них отцы и прочие родственники.

Прошел месяц. Дикие олени повернули на юг, к границе леса. Все стойбище жило в постоянном напряжении. Старики дежурили на берегу. Ребятишки тише вели себя и убегали играть подальше от берега, за невысокую гряду. Они и сами играли в охоту на диких оленей. Как-то рано утром хозяин растолкал меня и жестами велел идти на берег. Я мигом выскочил из оленьего спального мешка — нганасанской постели — и по овражку вышел на берег, спрятавшись за древней каменной загородкой. Стадо оленей, сотни две голов, крутилось на противоположном берегу. Животные подходили к воде, нюхали ее, но не шли дальше. Наконец старая важенка закинула рога на спину и поплыла наперерез течению. Все стадо кинулось в воду, толкаясь и запрыгивая сразу на глубину. Вода покрылась рогами, двигавшимися прямо на нас. Едва стадо миновало стрежень, как на берег выскочили два человека, мгновенно запрыгнули в лодки и ринулись в плывущее стадо. Только двулопастные весла замелькали. Нападение было внезапным. Охотники в мгновение ока врезались в стадо и стали колоть оленей копьями. Удар наносился за линию ребер, и животные гибли мгновенно. Юркие двухметровые лодчонки вынесли охотников из гущи животных, и олени вихрем промчались по берегу, едва зацепившись за дно копытами. Туши медленно плыли по течению. Пожилые мужчины сели в свои лодки и отправились на буксировку.

Так добывали оленей и сотню лет назад, и тысячу, и две тысячи. Есть у сегодняшних нганасан и ружья, и прочее современное снаряжение. Но еще недавно они предпочитали добывать оленей дедовскими способами. Так и животных не разгонишь, и добудешь себе да соседям на еду. Сейчас и заезжие охотники, и сами нганасаны гоняются за дикими оленями во время переправ на моторных лодках, стреляют картечью. Бьют сколько могут. Старики говорят, что теперь олень не будет ходить по тем же тропам, что раньше, из столетия в столетие.

У нганасан нет слов «здравствуй», «до свидания», «спасибо». Они считаются лишними. Древний закон строго определяет отношения между людьми, запрещает негостеприимное отношение к человеку, отказ поделиться тем, что у тебя есть, если кто-то нуждается в этом, ложь и даже плохие мысли.

— Я пошел,— сказал я на нганасанский лад, когда наступило время уезжать.

Дружба с нганасанами сохранялась сорок лет и продолжается нынче. Когда Тубяку стал выезжать за пределы Таймыра, он побывал и в научном центре в Новосибирске, и на фестивале самодеятельного искусства в Москве. Самым трудным для тех, кто знакомился с ним, было поверить, что он знает столько сказаний, сколько не снилось самому Гомеру. Тубяку до последнего дня все хранил в голове. Более того, он мог воспроизвести любую песню, исполненную при нем хоть однажды. У нганасан, как и у многих народов Севера, существуют «личные песни» — устный паспорт человека. Дай бог, чтобы они никогда не прерывались. А уж Тубякину песню на свете есть кому вспомнить.

* * *

Пока я размышлял о судьбе нганасан, успело произойти событие, затрагивающее судьбы всех северных народов,— их первый съезд в Москве.

И отечественные, и зарубежные коллеги отмечали высокий уровень официального представительства на съезде. Присутствовало чуть ли не все высшее руководство страны, демонстрируя серьезное отношение «верхних эшелонов власти» к нуждам северян. Ну а что же дальше?

Дальше предстоит создание Ассоциации народов Севера.

Проблема малочисленных народов в нашем Отечестве Севером не ограничивается — они живут и на Кавказе, и в Средней Азии, и в европейской части страны. Поэтому вопрос о правах и возможностях таких народов не назовешь региональным. Решение его на Севере во многом определит государственную политику вообще. Здесь нельзя промахиваться. Всякий знает, что бывает, если с самого начала застегнуться не на ту пуговицу. Северная ассоциация будет отрабатывать приемы уравнивания в правах малочисленных народов с более многочисленными собратьями.

Чтобы решать проблемы, надо иметь о них реальное представление. Часто спрашивают: правда ли, что наши северные народы вымирают? Неправда. В обозримом историческом прошлом их численность мало отличалась от нынешней. Другое дело, что в определенные периоды представителей одних народов было побольше, чем сегодня, других — поменьше. Яркий пример — юкагиры. Якутские предания пестрят рассказами о многочисленных и сильных юкагирах. Говорят, чайка чернела от дыма, пролетая над их стойбищами, а северное сияние так и называлось — «юкагирские огни» — отблески их костров. Это было в ту пору, когда якуты лишь появились на юкагирской земле. Тогда и самих якутов, и предков эвенков и эвенов насчитывалось значительно меньше, чем теперь. Юкагиры не исчезли бесследно. Они по большей части были ассимилированы, то есть помогли другим народам стать более многочисленными.

В советское время численность народов Севера колебалась довольно ощутимо, но в последнее десятилетие произошла серьезная прибавка. В 1979 году было всего 155 675 северян, а в 1989-м — 181 556. Увеличение почти на 25 тысяч. Для тех краев это целый народ.

Сейчас идет самое активное смешение национальностей. На Севере полно приезжих, много смешанных браков, детей от разнонациональных пар. Тем не менее народы остаются народами.

Европейцам часто непонятно, как можно давать права целого народа небольшой группе людей — менее тысячи, как у нганасан, энцев, негидальцев или тех же юкагиров. А эта группа — в самом деле самостоятельный народ — со своим языком, уникальной культурой, со своей землей и историей. Почему они малочисленны? Это определяется природными возможностями. В древности люди могли жить только в системе биологического равновесия, прогресс экономики зависел от ее приспособленности к местным условиям. Охотнику или оленеводу всегда требовалось много земли. Значительно больше,

чем ее нужно земледельцу или скотоводу другого типа. Пришлым кажется, что на Севере много «ничейной земли». Это пагубное заблуждение. То, что нам представляется ничейным и неосвоенным, для коренного тундровика или таежника — что поле для пахаря.

Неверно думать, что тундровики или таежники только брали богатства от тайги и тундры. Нет. Поколения вкладывали труд в обустройство своей земли. Правда, оно не походило на то, к чему привык житель умеренных широт. Каждый морской зверобой знает, что моржовые лежбища надо регулярно чистить от павших животных — иначе зверь на это место ложиться не будет; речному аборигену известно, что если постоянно не освобождать нерестилища от коряг и прочего сора — рыбы не станет; ни один тундровый житель не сломает живого сучка арктической лиственницы — только сушняк; никто из людей северовостока не выдернет золотой корень — радиолу арктическую, а сорвет лишь листочки для еды; местный житель не тронет птицы на насиженных яйцах и так далее.

Мы говорим о самостоятельных народах, которые не страдают от избытка площади, а, напротив, освоили ее давно и полностью. Любое отчуждение земли у северян — не просто банальный «ущерб», а покушение на их существование. Это соображение и должно лежать в основе всех решений об их правах.

Ассоциация лишь отчасти может уменьшить разрыв между возможностями большого и малочисленного народа. Все зависит от прав, которыми она будет облечена. В первую очередь — от доли ее участия в решении вопросов, связанных с промышленным освоением Севера. До сих пор не совсем ясно, как можно упорядочить эксплуатацию уже опромышленных территорий. Никаких законодательных установлений на этот счет нет. Отсутствуют простейшие нормативы, по которым можно было бы установить допустимую норму этого самого «опромышления». Как, например, определить, какую площадь тундры на Ямале можно изъять из сельскохозяйственного сектора при разведке, прокладке транспортных коммуникаций, строительстве буровых и трубопроводов? Практически строители ничем не ограничены. Более того, их труд овеян неким ореолом героизма, и никто из них никогда не отвечал ни за загубленную природу, ни за выброшенные на ветер средства, ни за что другое...

Невеселая реальность буквально вопиет. Она вопиет к ученым и практикам. Что делать с землями уже изуродованными? Разработка мероприятий, которые нужно осуществить для возрождения заброшенных промышленных территорий, предстает делом совершенно неотложным. И одной Ассоциации этот вопрос не решить. Требуется создание целой государственной службы, которая занималась бы этим делом на самом современном уровне.

Требует кардинального изменения и сам подход к приемам промышленного освоения. Наверное, здесь можно поучиться у соседей. Скажем, на Аляске при строительстве трубопровода или дороги львиная часть проекта посвящается природоохранным мероприятиям. Так дешевле. Дешевле сразу не портить, чтобы потом не спасать. У нас же подход иной. Мне как-то довелось присутствовать на серьезном совещании, где авторитетные люди размышляли о системе компенсации для северного населения за экологические утраты. Взрослые люди сидели и говорили, в сущности, о том, сколько отпустить на пилюли больному, которому собираются привить чуму или холеру. В неизбежности и даже законности прививки никто и не сомневался. Но ведь при таком подходе никакие пилюли не помогут! Не допускать в дальнейшем подобного варварства — дело Северной ассоциации. Но для этого у нее должны быть реальные права.

Наконец, провозглашая своей задачей сохранение традиционной культуры северных народов, следует пересмотреть устоявшиеся представления об основах жизни и быта, прежде всего оленеводов. Все эти годы оленеводство рассматривалось в качестве основной причины сохранения кочевания, а кочевание выступало как несомненное зло. Так ли это?

Оленеводство — основа жизни на Севере, особенно в тундре,— неумолимо сокращается. На заре Советской власти в тундре и тайге было около двух с половиной миллионов оленей. В 1970 году — самое крупное поголовье за всю историю оленеводства. Сейчас — на три сотни тысяч голов меньше. Причина — в людях. Прежде всего сказалось нарушение традиционного уклада. На оседлость перевели семьи оленеводов, которые должны были круглый год ходить за оленями. Семьи стали оставаться в поселках, сохранялось только так называемое «производственное кочевание». На Севере издревле существовало половозрастное разделение труда. Теперь на оленеводов легли дополнительные нагрузки — традиционная сфера деятельности женщин: шитье и ремонт одежды, приготовление пищи, содержание передвижного жилища и тому подобное. «Износ» людей от этого только усилился, а в поселках появился слой незанятых женщин. Дети оказались оторванными от отцов и не получают навыков работы в тундре. Заочно научить оленеводству невозможно... Страна получила целое сословие людей, которые могут жить только в поселке, но ничего не умеют делать.

На Севере невесело шутят: чем выше уровень официального образования оленевода, тем ниже его производственная квалификация. В системе народного образования постоянно «ведутся поиски» новых способов обучения оленеводству. Создаются ПТУ, где вводятся новые специальности: оленевод-радист, оленевод-механизатор... Это самообман. Так ли уж нужно оленеводу радиодело? Совершенно очевидно, что радиоаппаратура будет развиваться, не требуя от пользователя специальных навыков. Кто уже сейчас станет внедрять, например, специальность «милиционер-радист»? А рации есть у каждого милиционера в городе. И надо ли вообще обучать оленевода в ПТУ? Он обучается своему делу с того момента, как начинает ходить. Известно: если с пяти лет не начнешь кидать аркан, то в зрелом возрасте так и не научишься — как в большом спорте. Если с детства не умеешь управлять животными, то взрослому это занятие в тягость. Поэтому, вероятно, надо пересмотреть отношение к кочевому образу жизни. Может быть, будущее — за созданием передвижной школьной системы, восстановлением разрушенного уклада оленеводов, рыбаков и охотников.

Сохранение традиционных занятий необходимо любому народу. А для Севера это стержень всей культуры. В принципе если дела и далее пойдут так, как сейчас, через некоторое время возникнет двухсоттысячное население, скорее всего русскоязычное, в значительной степени люмпенизированное, с бытовым укладом «северного окраса». Чтобы этого не случилось, а продолжали существовать народы, нужны немалые усилия. Восстановление языков немыслимо без создания фонда научной и прикладной учебной литературы. Требуются самые современные способы фиксации, описания и анализа традиционных говоров — книги, словари, массовые магнитные записи, пластинки. Надо готовить учителей, специалистов-филологов.

У Ассоциации народов Севера множество проблем уже в эмбриональном состоянии. Мы обречем дело на неудачу, если сразу же не возьмемся за создание системы научного обеспечения. А это под силу только государству. Думаю, что шанс выкарабкаться есть. Но он последний. Ведь гибель Севера — несчастье не только для нескольких малочисленных народов. Это смертельная опасность для всего человечества, как бы далеко от полюса оно ни проживало.

Юрий СИМЧЕНКО

ПРОБУЖДЕНИЕ ОТ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СПЯЧКИ

Алексей ЯБЛОКОВ, член-корреспондент АН СССР, народный депутат СССР

До конца 1988 года правдивые обобщенные данные по состоянию окружающей среды в СССР были в основном закрытыми. Процветала так называемая система «благополучной информации». Однако качество среды было таким вопиющим, что никакая секретность не могла его скрыть. В 1988—1989 годах выходило на демонстрации, участвовало в митингах и забастовках по экологическим мотивам, по-видимому, несколько миллионов человек.

Благодаря гласности мы с каждым днем получаем все больше доказательств тяжелого экологического состояния страны, о чем каждый из нас знает и по собственному опыту, где бы он ни жил — в столице, в Сибири, на Севере, Дальнем Востоке или в Средней Азии.

Вот лишь несколько общих цифр и сравнений, а также краткий обзор состояния воды, воздуха, земли, растительного и животного мира, охраняемых территорий и некоторых других актуальных аспектов, связанных с охраной природы.

В 1988 году в СССР на 1 человека приходилось:

Пашни	— 0,79 га
Загрязненных сточных вод	— 523 м³
Бытовых твердых отходов	— 801 кг
Хлорфторуглеродов	— 0,43 кг
Выпало из воздуха серы	— 52,3 кг
Выброшено в воздух загрязнений	— 343 кг
Сожжено в факелах и выпущено в воздух попутного нефтяного газа	— 600 м³
Накоплено отвалов горных пород	— 176 т
Выработано электроэнергии	— около 6000 квт/час

16% территории (3,7 млн. км²) — зона экологического неблагополучия;

18% населения (50 млн. чел.) живет в городах, где загрязнение воздуха превышает санитарные нормы в 10 раз;

на охрану среды тратится 1,3% валового национального продукта;

по средней продолжительности жизни СССР занимал в 1987 году 45-е место;

по детской смертности в 1988 году — 52-е место в мире...

На единицу национального дохода мы расходуем больше, чем США:

нефти и газа	— в 2,3 раза
стали	— в 3,1 раза
удобрений	— в 2,8 раза
хлопка	— в 3,0 раза
цемента	— в 2,6 раза
энергии	— около 2 раз

ВОДА

В среднем по стране забирается около 8% стока — 365 км³, в том числе 182 км³ безвозвратно.

На территории РСФСР забирается уже 32% среднегодового стока, в ряде регионов — больше половины.

Из забранной воды около 20% ежегодно теряется на пути до места использования. Вода подается в основном по каналам без облицовки, просачивается, подтопляет окружающие площади. Подтопление и неправильно организованное орошение вывело из строя миллионы гектаров сельскохозяйственных земель. Безумное гидротехническое строительство привело к подтоплению 2600 сел и 809 городов.

Строительство гигантских плотин на равнинных реках породило немало экологических проблем. Реки, даже такие крупные, как Волга и Днепр, превратились в цепочки огромных водохранилищ. Раньше частица воды из верховьев Волги попадала в Каспийское море через 1,5 месяца, сейчас — за 1,5 года. При этом резко понизилась способность рек к самоочищению от загрязнений. Это вместе с возрастающим загрязнением привело к катастрофическому состоянию 75% всех внутренних водоемов страны.

Очистных сооружений мало, и работают они неэффективно. Вот несколько примеров. В Москве проходит очистку менее половины промышленных стоков, при этом только 8% очистных сооружений очищают воду до нормативов. В таких крупных городах, как Красноярск, Тюмень, Волгоград, очищается всего 20—25% коммунальных стоков.

Вода рек становится буквально ядовитой, опасной для человека и животных. К примеру, в реке Илек (Северный Казахстан) содержание хрома превышает санитарные нормы в 1600 раз. По бактериологическим показателям загрязнение реки Оби в самом крупном городе Сибири — Новосибирске — в 1988 году — в 4000 раз! До предельно опасного уровня упало качество вод Волги, Немана, Днепра, Печоры, Оби, Дона, Сырдарьи, Амударьи, Амура.

На протяжении нескольких лет из-за опасных экологических ситуаций были закрыты для купания многие пляжи на Черном, Азовском, Балтийском морях, ряд участков рек на европейской территории СССР.

Уровень артезианских вод практически во всех промышленных регионах резко понижается. В районе Москвы он понизился, например, на 50—70 метров. На

огромных площадях отмечается быстро растущее индустриальное и сельскохозяйственное загрязнение подземных вод.

Особо отмечу, что отчаянное состояние наших вод является результатом прежде всего недостаточного понимания экологической опасности руководителями среднего звена — на уровне директоров предприятий и городских властей. Об этом говорит тот факт, что огромные суммы, выделяемые государством для строительства очистных сооружений, не используются. В 1989 году в целом по СССР план по вводу очистных сооружений был выполнен менее чем на 50%, в том числе такими загрязнителями, как Министерство химической промышленности,— на 13%, Министерством атомной энергетики — на 27%.

ВОЗДУХ

Состояние атмосферного воздуха, особенно в промышленно развитых регионах страны, крайне неблагополучное. Среднегодовая концентрация пыли, фенола, аммиака и двуокиси азота в городах СССР выше санитарной нормы. В 19 городах из 132 контролируемых по этому показателю в 1988 году были превышены концентрации в воздухе хрома, в 17 городах (из 161 контролируемого) — свинца, в 19 (из 143) — марганца.

В 103 городах — местах проживания около 40 млн. человек (более 35% населения подконтрольной территории) — загрязнение воздушного бассейна официально считается опасным. 20—22 млн. человек, жителей 68 городов, дышат еще более плохим воздухом.

В 16 городах страны в 1988 году отмечались уровни так называемого «экстремально высокого» загрязнения — более 50 ПДК. При этом число городов с таким огромным загрязнением воздуха в январе 1990 года оказалось большим, чем в январе 1989 года. Воздух отравляется свинцом, метилмеркаптаном, хлористым водородом, сероводородом, ацетальдегидом, двуокисью серы.

В стране, по-видимому, только немногим более половины предприятий, загрязняющих атмосферу, оснащено пылегазоулавливающим оборудованием (в Москве — меньше 30%). Оборудованив, как правило, неэффективное, часто выходит из строя (и часто отключается по ночам!).

По официальным данным, в 1988 году от стационарных источников в атмосферу было выброшено 61,7 млн. тонн загрязняющих веществ, а автотранспортом еще 35,8 млн. тонн.

Даже в Москве из выбросов теплоэлектростанций улавливается только 28% загрязнений, на 18% очищаются выбросы в Красноярске. Эти цифры характерны и для других городов.

За последние 10 лет несколько понизились средние летние температуры для европейской части страны и повысились зимние температуры. По всей территории наблюдается увеличение суммы осадков на 10—15% в год. В степной и лесостепной зоне возросла повторяемость крупных засух.

Из сказанного выше ясно, что основными причинами плохого состояния атмосферы в СССР являются отсталая технология, связанная с продолжающимися огромными выбросами отходов в атмосферу, и, во-вторых, отсутствие или плохая работа очистных сооружений. Как и в случае с сооружениями по очистке воды, далеко не все выделенные средства для сооружения очистных пылегазоуловителей расходуются промышленностью. В среднем по стране использовано лишь 66% средств, выделенных на эти цели, при этом Министерство тяжелого машиностроения освоило только 29% выделенных средств, Министерство по производству удобрений — 52%, а Министерство лесной промышленности — только 0,2%!

ЗЕМЛЯ (СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО)

Сельское хозяйство в СССР находится в кризисном состоянии — страна не обеспечивает себя продуктами питания, и мы вынуждены закупать ежегодно миллионы тонн зерна. В результате неэффективного ведения сельского хозяйства огромные территории оказываются в экологически опасном состоянии. Сельскохозяйственные угодья занимают общую площадь в 605 миллионов гектаров. Из них:

157 миллионов гектаров засолено;

113 миллионов эродировано, и эрозия угрожает 40% угодий;

25 миллионов гектаров переувлажнено и заболочено.

За последние 25 лет в стране 12 миллионов гектаров ушло под строительство и дороги; 6 миллионов заброшено из-за опустынивания и эрозии; 3 миллиона заброшено из-за неправильного орошения; около 10 миллионов ушло под водохранилища; 2 миллиона гектаров нарушено открытыми разработками.

Вынос питательных веществ из почвы в 1,5—2 раза превышает их пополнение. В результате тает гумус. Наши черноземы потеряли около 1/3 гумуса, а плодородный слой почвы уменьшился на 10—15 сантиметров.

В результате плохо налаженного хозяйства применяемые удобрения и ядохимикаты оказываются вторым после промышленности фактором сильного загрязнения природной среды. Смытые с полей удобрения служат причиной автрофикации внутренних водоемов, загрязняют подземные источники.

Показательно, что малопродуктивное советское сельское хозяйство потребляет невероятное количество энергии. На одну тонну условной продукции в растениеводстве энергозатраты СССР превышают таковые США в 3,7, а Франции — в 4,3 раза, а в животноводстве — соответственно в 10 и 41 раз!

Огромные потери сельскохозяйственной продукции при хранении и переработке также ведут к экстенсивному характеру развития сельского хозяйства и неоправданному экономически давлению на среду обитания. Приведу только один яркий пример такого, как мы называем, самоедства:

	СССР	США
Валовой сбор квртофеля (среднегодовой)	**31,4 млн. т**	**15 млн. т**
Объем товарной продукции картофеля	**12 млн. т**	**13,6 млн. т**
Объем розничной продажи картофеля	**8 млн. т**	**12,5 млн. т**

Производя картофеля в 2 раза больше, чем в США, на обеденный стол советское сельское хозяйство дает его на 40 % меньше. Но нагрузка-то на природную среду оказывается тем не менее в СССР вдвое больше!

НЕДРА

Горнодобывающая промышленность СССР поглощает 40 % капитальных вложений, и в ней занято 20 % населения страны, столько же примерно, сколько в сельском хозяйстве. Под открытыми разработками — угольными карьерами, добычей железных и других руд — занято около 1 миллиона гектаров когда-то плодородных земель. Еще 1 миллион гектаров занят отвалами, терриконами и шлакохранилищами.

Неысока полнота извлечения полезных ископаемых: из земли извлекается менее половины находящихся в данном месторождении калийных солей, нефти и газоконденсата. Огромное количество сырья теряется в дальнейших технологических процессах. Так, теряется 75 % добытого марганца, 1/3 олова, 1/4 железа, цинка, вольфрама. Только в 1986 году было сожжено на факелах и выпущено в воздух

17,4 млрд. м^3 попутного нефтяного газа. На пути к потребителю теряется каждый седьмой кубометр добытого природного газа.

Только 3—5 % отходов горнопромышленного производства используется в качестве стройматериалов. В результате в отвалах накоплено более 50 млрд. тонн отходов.

25 % поверхности Чукотского полуострова нарушены добычей полезных ископаемых. Добыча золота мощными драгами в Магаданской области и Якутии привела к уничтожению экосистем тысяч небольших рек. При варварском освоении нефтяных месторождений Севера, Сибири и Арктики попало в окружающую среду больше нефти, чем ее попадает от всех аварий в Мировой океан.

ЛЕСА

В СССР лесом в 1988 году было покрыто 814,4 миллиона гектаров. Ежегодно сплошные рубки леса охватывают площадь в 2,0 миллиона гектаров, в 1988 году на площади 2,2 миллиона гектаров было проведено лесовосстановление. Ежегодно в стране бывает 20—30 тысяч лесных пожаров (83—87 % по вине человека), при которых теряется до 2 миллионов гектаров леса.

Национальной трагедией является и использование вырубленного леса. На каждом гектаре вырубки остается 30—50 кубометров древесины. До 20—25 % срубленных деревьев доставляются к местам обработки или вывоза по воде россыпью, молевым сплавом. При таком сплаве тонет каждое 25—30-е бревно.

Дно всех наших лесосплавных рек — а это подавляющее большинство рек Севера, Сибири и Дальнего Востока — выстлано утонувшей древесиной, иногда многометровым слоем. Именно поэтому для всех этих рек характерно многократное превышение предельно допустимых концентраций фенолов и других продуктов гниения древесины. Можно сказать, что лесное хозяйство оказывается одним из главных губителей живой природы в реках.

В результате того, что при затоплении крупнейших сибирских водохранилищ не было проведено предварительной вырубки леса из лож будущих водохранилищ, до сих пор в Братском, Красноярском и Усть-Илимском водохранилищах плавает около 4 миллионов кубометров древесины. Сибирские и северные реки выносят огромное количество древесины в Северный Ледовитый океан и Белое море. Кстати, в Баренцевом море норвежские суда много лет занимаются с выгодой для себя вылавливанием плавающих бревен.

На всех этапах обработки теряется огромное количество древесины. Из кубометра добытого леса СССР получает в 3—4 раза меньше продукции, чем в развитых странах.

Несмотря на огромные запасы древесины в целом по стране, наблюдается переруб расчетной лесосеки в хозяйственно развитых районах. По всей стране сокращаются площади спелых сосновых, еловых и особенно кедровых лесов.

ЖИВОТНЫЙ И РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР

Живая природа страны также находится в угрожающем состоянии. Каждый 10-й вид птиц, пятый — растений и млекопитающих, четвертый — рептилий и амфибий находится под угрозой исчезновения. Не менее 4 видов млекопитающих и 3 видов птиц исчезли из фауны страны за последние 15—18 лет, а численность полутора десятков видов птиц и зверей не превышает 100—200 особей.

Главными причинами такого катастрофического состояния живой природы является антропогенное изменение мест обитания и непреднамеренное уничтожение. Так, на водозаборах страны гибнет по меньшей мере 14 миллиардов штук молоди рыб ежегодно. Это в 1,5 раза больше числа молоди рыб, выращиваемой на всех 160 рыбоводных заводах страны. При этом только 25—30 % всех водозаборов снабжены рыбозащитными устройствами.

В СССР под сельскохозяйственной техникой погибает больше зайцев, куропаток и перепелов, чем их отстреливается охотниками.

В самом богатом рыбой районе страны — Волжско-Каспийском бассейне — уловы ценных рыб сократились за последние 30 лет в десятки раз. Нельзя не упомянуть о крупномасштабной экологической катастрофе, разразившейся в Баренцевом море в 1987—1988 годах. Здесь в 1967—1975 годах были подорваны неумеренным промыслом ресурсы сельди и трески. В их отсутствие рыболовный флот переключился на вылов мойвы, чем полностью была подорвана кормовая база не только трески, но и тюленей, и морских птиц. На морских базарах по берегам Баренцева моря несколько лет погибала от голода большая часть вылупившихся птенцов кайр и чаек. Голодные гренландские тюлени десятками тысяч стали запутываться в сетях у побережья Норвегии, куда они устремились из традиционных мест обитания в Баренцевом море в отчаянных попытках спастись от голода. Сейчас в море пусто: уловы сократились в десятки раз, а восстановление разрушенной экосистемы в ближайшее десятилетие невозможно.

Рыбу из ряда водоемов страны становится опасным употреблять в пищу из-за высокого уровня тяжелых металлов (Куйбышевское водохранилище), пестицидов (большинство водоемов Средней Азии).

ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ

Состояние здоровья населения служит одним из объективных показателей качества окружающей среды, особенно учитывая то обстоятельство, что до 80 % заболеваний прямо или косвенно связаны ныне с факторами внешней среды.

Приведу некоторые фактические данные по здоровью населения СССР на 1.01.1990 года:

Средняя ожидаемвя продолжительность жизни	**69,5 лет**
Младенческвя смертность (до 1 года)	**24,7 на 1000**
Практически здоровых детей до 7 лвт	**23 %**
Практически здоровых школьников ствршиx классое	**14 %**
Школьников, имеющих аллергические заболеввния	**20 %**

Каждая 6-я жвнщина не может нормально родить ребенка

Каждая 5—6-я беремвнность кончается выкидышем

35—40 % населения страны живет в экологически неблагоприятных условиях. В результате быстро растет заболеваемость, связанная с ухудшением качества среды. Каждый третий мужчина на протяжении жизни заболевает раком, а ежегодно число раковых больных увеличивается на 1—4 %. Детская смертность в ряде регионов выше (до 70 на 1000), чем в Африке, а средняя продолжительность нашей жизни на 6—8 лет ниже, чем в некоторых развитых странах.

В городе Карабаш (Челябинская область), где на одного человека в год приходится 9 тонн вредных выбросов из труб медеплавильного комбината, половина юношей призывного возраста не может быть призвана в армию по состоянию здоровья. В Краснодарском крае есть рисосеющие районы с интенсивным применением пестицидов, откуда не было возможности призвать ни одного человека в армию из-за плохого состояния здоровья. В этом же крае есть сельскохозяйственные поселки, где люди умирают только от рака!

В 1988 году Минздрав СССР проанализировал показатели здоровья населения в 184 городах страны с высоким уровнем промышленного загрязнения. Оказалось, что постоянное превышение допустимой концентрации лишь по одному из загрязнителей ведет к повышению заболеваемости населения в 1,7 раза (по некоторым возрастным группам — до 3 раз). Оказалось также, что структура заболеваемости специфична для каждого города и связана с преобладающей в данном городе промышленностью. Предприятия Министерства по производству удобрений, например, вызывают заметный рост злокачественных новообразований, заболеваний крови и сердечно-сосудистой системы. Деятельность предприятий цветной металлургии вызывает повышение злокачественных заболеваний и болезней крови преимущественно у детей.

Особенно тревожны данные по состоянию здоровья населения из районов экологического бедствия — Приаралья, индустриальных районов Урала, Южной Сибири, Украины. В Приаралье в результате повсеместного отравления воды пестицидами обнаруживается почти 100-процентное распространение гепатита, уровень смертности населения вдвое выше общесоюзного, а уровень детской смертности достигает 70 на 1000— один из самых высоких в мире.

Кроме возрастания общей заболеваемости, загрязнение среды ведет к появлению необычных, ранее неизвестных заболеваний. Приведу один пример. В городе Салавате (Башкирия), одном из крупнейших центров нефтехимической промышленности, с 1985 года стали встречаться «тикеры» — непроизвольно дергающиеся дети, с нервными тиками. Конкретная причина этих тиков так и не выяснена. Чаще эти тики бесследно пропадают после того, как дети надолго уезжают из города. Загрязненность атмосферы в этом городе такова, что овощи, выращенные в 7 километрах от города, содержат значительные количества бензола, стирола и ксилола. Каждый третий ребенок, живущий в г. Салавате у нефтекомбината, оказывается малорослым, а месячные взлеты цифр детской смертности (от 14—16 до 29—31) точно совпадают с месяцами более интенсивного смога. Детей-тикеров, детей с неврозами и умственно отсталых детей в районах г. Салавата, расположенных в непосредственной близости от химических заводов,— 44,4 %.

В СССР за последние 20 лет получило развитие производство белково-витаминного концентрата (БВК) — белковой массы, получаемой в результате разведения микроорганизмов на парафинах нефти. Он используется как кормовая добавка в свиноводстве и птицеводстве. На 8 заводах его производилось в 1989 году около 1 миллиона тонн. Оказалось, что во всех городах с заводами БВК у детей развиваются особые формы аллергии — болезни, получившей название у народа «быковка», по фамилии министра микробиологической промышленности, активного сторонника производства БВК.

До сих пор в нашей стране попытки борьбы с ухудшающимся состоянием здоровья нации велись в основном путем увеличения числа госпиталей и врачей. Увеличивая расходы на здравоохранение, мы боремся со следствиями, а не с причиной. Уверен, что эта борьба только тогда станет эффективной, когда будет направлена на ликвидацию причин высокой заболеваемости — на улучшение качества окружающей нас среды.

Долгое время в СССР существовал запрет на публикации о катастрофическом положении малых народов Севера и Дальнего Востока, о деградации их традиционного образа жизни и хозяйства. Министерства, добывающие нефть, газ, руды, лес, вели себя как самые настоящие империалисты по отношению к местному населению: они резко, катастрофически меняли среду обитания этих народов, разрушали традиционный уклад их жизни, основанный на рациональном природопользовании. Речь идет о 26 малых народах (общей численностью 180 тысяч человек), 19 из которых не имеют собственных национально-государственных образований. Им негде ловить рыбу, негде добывать зверя, негде пасти оленей. В результате промышленного освоения Севера погибло 20 миллионов гектаров оленьих пастбищ. Средняя продолжительность жизни коренного населения, 42—45 лет, на 16—18 лет меньше, чем продолжительность жизни некоренного населения, живущего там же. Заболеваемость туберкулезом в 5 раз выше, а детская смертность в 2 раза выше, чем в среднем по РСФСР.

Сейчас у большинства из этих народов начался процесс активного возрождения национального самосознания, чувства хозяина собственной земли. В 1989 году в Ханты-Мансийске прошел первый съезд ханты и манси — коренных народов этого региона Западной Сибири. Принято решение закрыть оставшиеся еще неповрежденными участки тайги для геологов, нефтяников-промысловиков и восстановить там традиционное природопользование.

В начале 1990 года созданы Ассоциации коренных народов Колымы и Чукотки, народов Севера Сахалинской области, в марте 1990 года прошел Первый всесоюзный съезд малочисленных народов СССР, на котором была создана Ассоциация народов Севера. Одной из ее главных задач является защита среды обитания всех этих народов.

РАДИАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА

Говорят, мерилом ошибок современной цивилизации стал «один Чернобыль». Из района ядерной катастрофы были эвакуированы 116 тысяч человек. Еще 230 тысяч находятся в опасной зоне и многие поселки должны быть эвакуированы. Сейчас выяснилось, что официальная информация содержала существенные искажения реального положения как относительно безопасности и характера работы разных АЭС, так и радиационного загрязнения местности.

В 1989 году внимание общественности было привлечено к случаям использования в пищу сельскохозяйственных продуктов с высокими уровнями радиации. Было обнаружено, например, что в Ленинград, Ярославль и Архангельск поступало радиоактивное мясо из пораженных радиацией районов Белоруссии. Для уменьшения дозы радиации такое мясо смешивалось с необлученным мясом. В Новосибирске и Иркутске были обнаружены партии грузинского чая с опасным уровнем радиации.

Сейчас в стране становится все более сильным антиядерное движение. Специалисты в области ядерной энергетики называют его «радиофобией». Однако накапливается все больше фактов, подтверждающих мысль, что мы в СССР просто еще не готовы к мирному использованию ядерной энергии из-за отсутствия более надежных и безопасных в условиях реальной эксплуатации АЭС. Кстати, число аварий на АЭС СССР в 1988 году было на 20 % больше, чем в 1987 году. Резко возросло общественное внимание к загрязнению среды, вызываемому АЭС, не только радиационному, но и тепловому.

Это общественное движение дало результаты. Остановлено строительство Одесской и Минской тепловых атомных станций, Краснодарской и Ульяновской АЭС, закрыта Чигиринская АЭС, прекращено сооружение Крымской АЭС.

Пережив трагедию Чернобыля, мы с большим вниманием и неприятием стали относиться и к продолжению ядерных испытаний. По постановлению Верховного Совета СССР от 27 ноября 1989 года идет подготовка к закрытию ядерного полигона в Северном Казахстане в районе Семипалатинска.

Огромную экологическую опасность представляет переполняющееся хранилище жидких радиоактивных отходов в Челябинской области. В этом хранилище — открытых озерах — за десятилетия производства боевого плутония скопилось радиации в несколько раз больше, чем ее было выброшено во время чернобыльской катастрофы. Хранилище переполнено, и высок риск его прорыва. В этом случае окажется под угрозой жизнь и здоровье нескольких миллионов человек.

На протяжении долгого времени в СССР были фактически запрещены индивидуальные средства радиоактивного контроля радиоактивности. Да и до сих пор индивидуальных дозиметров нет в продаже. Государственные службы контроля за радиационной обстановкой работали плохо. Сейчас в связи с повышенным вниманием к проблемам радиационной безопасности после Чернобыля оказалось, что только в Москве существовали многие сотни (!) источников радиоактивного загрязнения. В бесхозном состоянии находятся и многие свалки радиоактивных отходов, что создает серьезную опасность не только для населения, но и для животного мира. Кстати отмечу, что проблема захоронения токсичных и бытовых отходов решается в СССР крайне неудовлетворительно. Проверка показала, что в 1988 году 53 % мест такого захоронения не отвечали санитарным требованиям.

АНАЛИЗ

Главные причины ухудшения экологической ситуации в стране — политические и экономические. В результате многолетних перекосов в политической системе общества Советы как органы народного управления давно утратили реальную власть на местах. Аппарат КПСС неоправданно широко вмешивался в хозяйственные функции. Другую часть власти — и, возможно, даже большую, чем партаппарат,— захватили министерства и ведомства.

Советы были поставлены в положение просителей и часто против желания соглашались с экологически опасными проектами, поскольку в этом был главный источник финансирования для развития территории.

Главная причина бедственного экологического положения страны в том, что охрана природы до настоящего времени экономически невыгодна предприятиям и ведомствам, а у местной власти для экологии не хватает средств.

Только экономическая реформа способна коренным образом изменить положение. Земля, лес, недра, воды — все природные ресурсы должны иметь цену и хозяина. Ущерб, наносимый природе и здоровью человека, должен полностью возмещаться тем, кто его нанес. Плата за ресурсы должна в значительной мере идти местным органам власти, делая их материально независимыми от ведомств и способными организовать работу по улучшению среды обитания. Любые проекты строительства и выпуска новой продукции должны предваряться независимой государственной экологической экспертизой, имеющей право вето. Принятие законов о собственности, о земле, о местном самоуправлении дает основания для изменения положения в нужном направлении.

Вторая группа причин ухудшения экологической обстановки в стране может быть названа «идеологической». До последних лет было широко распространено заблуждение, что социалистическая система хозяйства автоматически обеспечивает рациональное природопользование. Воспитанные на этом тезисе, мы в свое время отказывались от участия во многих мировых программах по спасению природы. По подсчетам, СССР не участвует в нескольких десятках из более чем ста экологических международных соглашений.

За критикой капиталистического природопользования мы проглядели, что ведущие капстраны в значительной мере справились с теми экологическими проблемами, которые ныне встали перед нами.

Во всех развитых странах мира быстро идет процесс социализации природных ресурсов. У нас же наблюдается скорее обратная тенденция «десоциализации» природы: ее ресурсы монопольно используются ведомствами или даже группами лиц. Яркий пример тому — огораживание пляжей в курортных зонах СССР и прямо противоположное развитие «права на берег», например, в Италии и США.

Все затраты на охрану среды в СССР составляли в 1988 г. 11,1 млрд. руб.; в 1989 г.— 11,5; в 1990-м (проект) — 12,5 млрд. Аналогичные затраты в США составляли в 1989 г. около 80 млрд. долларов (39 рублей на человека в СССР и 320 долларов — в США). Чтобы быть точным, надо отметить, что из выделяемых в СССР денег на охрану природы используется лишь часть — по-видимому, не более 65%. Остальные не используются из-за недостатка строительных мощностей, материалов. Таковы официальные оправдания. На самом же деле — из-за недостаточного понимания важности этих расходов.

Сколько же и куда нам надо потратить денег в области экологии?

Подсчеты показывают, что для снижения загрязнения до нормативного уровня — то есть в среднем в 2—3 раза — нам необходимо около 60—70 млрд. рублей, и большая их часть должна быть реализована в XIII пятилетке.

На приведение в порядок состояния наших поверхностных вод (полное прекращение сброса неочищенных стоков, повышение глубины очистки и так далее) нужно еще 110—145 млрд. рублей. Для обезвреживания токсических отходов промышленности и улучшения переработки бытовых отходов понадобится не менее 25 млрд. рублей.

Все затраты на решение экологических проблем страны должны составлять в сумме не менее 180 млрд. рублей (возможно, и 250). И основные резервы на это — в отказе от экстенсивного развития отраслей. Можно бурить ежегодно, как мы и делаем, 15 тысяч скважин, а можно в каждой умело пробуренной скважине получить в пять — десять, а то и в 20 раз больше нефти. Только на бурении скважин можно сэкономить, как говорят специалисты, несколько миллиардов рублей в год. Уверен, что в народном хозяйстве сейчас неэффективно тратятся ежегодно десятки миллиардов рублей.

В сельском хозяйстве необходимо преимущественное развитие не водных, а сухих мелиораций — облесение, гипсование, известкование. Экономические расчеты показывают, что на этом уровне можно получить дополнительной продукции порядка 110—115 миллионов тонн кормовых единиц плюс колоссальная — порядка 6—7 млрд. рублей в год — экономия средств, выбрасываемых на бездумное централизованное финансирование гидромелиоративных работ.

В значительной степени такое нежелание выделять деньги на охрану среды определяется тем, что мы не научились как следует взвешивать варианты нашего развития.

Приведу один пример. Освоение нефтяных и газовых месторождений на Севере, в частности газовых на Ямале. Уже нанесенный ущерб оленьим пастбищам в этом регионе составляет, если исходить из официальной оценки, более 6 млрд. рублей, если же исходить из затрат, необходимых для рекультивации этих пастбищ, то несколько сот млрд. рублей. Ясно, что этот ущерб никогда не будет покрыт выгодами от эксплуатации пусть очень крупных, но не бесконечных газовых ресурсов Ямала.

Осложнявт экологическую ситуацию и отсутствие точной информации о состоянии среды. Такое отсутствие информации порой вызвано ведомственным сокрытием данных.

Вот пример формально не секретной информации, которая так и осталась недоступной населению из-за тиража издания — 18 экземпляров: в 1987 году 21% всех проверенных Минздравом СССР колбасных изделий по стране содержал ядохимикаты в опасном для здоровья количестве. То же относится к 42,5% продукции детских молочных кухонь, к 30% всех продуктов питания в Ленинграде... Замечу, что пределы экологической гласности порой не расширяются, а сужаются.

Что же делать? Прежде всего — и это главное — надо, чтобы осознание экологической опасности стало всеобщим, а не только достоянием уже проживающих на территориях экологического бедствия. Это означает, что должны «позеленеть» все структуры государственной власти — законодательная, исполнительная, судебная. Пока самой «зеленой» оказывается законодательная и наименее — исполнительная. Надо осознать тот факт, что время экологически неграмотных руководителей прошло. Даже те (не особенно большие) средства, которые выделяются ныне государством на экологию, не тратятся, а лежат мертвым грузом. Истинная причина этого не в отсутствии техники или фондов, а в эколого-политической недальновидности лиц, принимающих решения на местах и в центре.

Должна «позеленеть» и наука. Хотя именно ученые были первыми (и в нашей стране, и в мире), кто стал бить в набат экологической тревоги еще в начале XX века, основная масса ученых пока далека от экологии и занята разработкой скорее антиэкологических, чем экологических технологий, или накоплением знаний без учета экологических потребностей общества. С другой стороны, ясно, что одна наука, если даже она сделает замечательные открытия в области рационализации природопользования, не сможет кардинально изменить экологическую ситуацию.

Должны получить более широкое распространение общественные движения в защиту среды обитания — либо в виде отдельных «зеленых» движений, либо в виде резкого «позеленения» существующих общественно-политических организаций.

Сегодня можно уверенно сказать, что КПСС, добровольно несшая долгое время бремя политического лидерства, полностью ответственна за экологическую катастрофу в стране. К сожалению, это в должной мере на уровне высшего руководства не признается.

Наконец, необходимо более жесткое и, я бы добавил, честное со стороны СССР участие в международных усилиях по защите среды в глобальном масштабе.

ПРОГНОЗ

Экологический кризис в стране будет в ближайшие годы нарастать и углубляться. Увеличится и социальная напряженность, связанная с экологией. Экология уже сейчас ставит жесткие ограничения развитию народного хозяйства, а местами определяет и внутриполитическую обстановку.

Результаты одного из опросов начала 1990 года показывают: 17% опрошенных считают, что при возникновении многопартийной системы партии «зеленых» выйдут на третье место по числу сторонников (после коммунистической и социал-демократической).

«Зеленые» партии уже существуют в прибалтийских республиках и на Украине и в течение 1990—1991 годов будут созданы, несомненно, во всех союзных республиках. Учитывая возрастающую самостоятельность республик, вряд ли можно будет говорить при этом о единой «зеленой» партии для СССР, но общее усиление общественно-политических движений с экологической направленностью, несомненно, будет происходить на протяжении ближайших нескольких лет. Ответом на это со стороны более крупных политических партий станет экологизация их политических платформ.

На уровне исполнительной власти уже в ближайшее время произойдет резкое сокращение числа министерств и ведомств, в первую очередь за счет добывающих и обрабатывающих министерств. На этом фоне неизбежно должно произойти усиление государственного контроля в области природопользования, возрастание значения Госкомприроды СССР. Наверное, все органы государственного наблюдения и контроля за качеством окружающей среды будут объединены в единый мощный блок. В такой блок, несомненно, должны будут войти и Главное управление геодезии и картографии, и службы космического контроля и наблюдения. Должна резко измениться вся структура народного хозяйства страны. В сфере обслуживания будет занято значительно (в перспективе вдвое) больше населения. Сократится число работающих в добывающих и обрабатывающих отраслях, оборонной промышленности, сельском хозяйстве и энергетике. Прекратятся гигантские стройки — детища ведомств-монополистов, пожирающие значительную часть государственного бюджета, разрушающие природу и не дающие отдачи в виде улучшения жизни народа.

Получит заметное развитие экологическое законодательство.

Неизмеримо возрастет роль местных Советов (муниципальных органов) в налаживании рационального природопользования, контроля за качеством окружающей природной среды. Именно на уровне местных Советов будут реализованы на практике ограничения на промышленное развитие на территориях, уже сегодня относимых к регионам экологического бедствия.

В результате экологизации деятельности судебной власти — прокуратуры и судов — произойдет резкое увеличение эффективности действия законов по охране природы.

По изложенному выше оптимистическому сценарию, основанному на современных тенденциях развития нашей страны, через 2—3 года может произойти стабилизация экологического состояния страны, а в 1993—1995 годах может начаться некоторое ее улучшение. В этом случае в 2000 году можно будет надеяться на восстановление приемлемых экологических условий по всей стране.

Условием для этого является дальнейшая демократизация советского общества. Однако никакая демократизация сама по себе, без экологизации сознания (и следовательно — политики и экономики) не решит задачу улучшения условий жизни в стране. Обнадеживает то обстоятельство, что понимание важности решительных изменений нашего отношения к природе быстро распространяется среди разных общественных групп. Американский писатель и философ XIX века Генри Торо писал: «Встает только та заря, к которой пробудились мы сами». Советский Союз пробуждается от экологической спячки.

Приводимые в этой статье фактические данные основаны на официальном докладе Госкомприроды СССР «Состояние природной среды в СССР в 1988 году» (М., Госкомприрода СССР, 1989, стр. 1—204), статистичвском сборнике «Охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов в СССР» (М., Госкомстат СССР, 1989, стр. 1—174) и «Обзоре фонового состояния окружающей природной среды в СССР за 1988 г.» (М., Гидрометеоиздат, 1989, стр. 1—102), а также на материалах периодической печати. В статье использованы также материалы выступлений автора на I и II Съездах народных двпутатов СССР в июне и декабре 1989 г.

Книга, неотъемлемая часть национальной культуры, разделила судьбу храмов и церковного искусства, судьбу заброшенных пашен и отравленных рек. Не гордыня, не прихоть, но сама жизнь призывает к возрождению.

Фото Владимира ЛАГРАНЖА

СМЕРТИЮ СМЕРТЬ ПОПРАВ?

Леонид НИКИТИНСКИЙ, обозреватель «Комсомольской правды», кандидат юридических наук

О проблемах смертной казни я бы предпочел рассуждать с письмами читателей в руках. Тем более что у меня этих писем не менее десяти тысяч — отклики на судебный очерк «Я приговорил...» и обзор «Не вели казнить», опубликованные в «Комсомольской правде» соответственно 26 августа и 15 октября 1989 года.

В этой груде почты письма противников смертной казни исчисляются буквально единицами. Подавляющее большинство — грозные, нередко подписанные целыми школьными классами и заводскими цехами требования смерти насильникам и убийцам (в очерке рассказывалось о действительно жутком изнасиловании и убийстве ни в чем не повинной девочки, отец которой стрелял затем в суде по преступникам, но промахнулся).

Меня не пугает объяснимая (и в значительной мере мною разделяемая) ярость читателей. Проблема смертной казни, как и всякая другая, допускает плюрализм мнений; а споры вокруг нее ведутся, между прочим, уже третью тысячу лет. Но удручает слепая вера адептов смертной казни в то, что ими наконец-то найдена панацея, да и лежала-то она, оказывается, на поверхности. Надо только расстрелять этих, потом этих, потом заодно еще тех — и наступят покой и благодать.

Какой знакомый мотив! Не зря потрудились сталинские теоретики и заплечных дел мастера, прочно засела в головах ложная идея о том, что насилием решаются любые проблемы. Но мы не будем спешить с выводами и полагаться на много раз подводивший нас в истории довод о том, что «большинство всегда право».

Сначала как юристу, а затем как журналисту, занимающемуся правовыми проблемами, мне приходилось немало сталкиваться и слышать о преступлениях, в том числе самых страшных, жестоких и бесчеловечных. Да и мне ли одному? Эмоциональная реакция на насилие стала уже притупляться, как патефонная игла о заезженную пластинку. Но неистощимый на выдумки дьявол жестокости нет-нет да и удивит нас чем-нибудь новеньким — таким, что уже лежит, казалось бы, за гранью человеческих возможностей, пусть даже преступных.

Например, группа подростков, скрутив встретившуюся им беременную женщину, выдавила будущий плод из живота поленом — им было интересно посмотреть в натуре, как рожают...

Какова может быть первая реакция на подобный факт? Да перебить их всех насмерть этим же поленом не сходя с места! Но суд определит худшему из них, заводиле, максимум десять лет лишения свободы, поскольку все участники «медицинского эксперимента» — несовершеннолетние. Так возникает разрыв между карой со стороны закона и жаждой отмщения со стороны справедливо возмущенного общества.

Первобытный еще принцип «око за око», безусловно, содержит в себе начала какой-то исконной нравственной справедливости. Кстати, его сторонником был такой корифей в области этики, как Иммануил Кант. Но практическое следование этому принципу, вопреки мнению многих, вряд ли принесло бы человечеству пользу.

Как человек и гражданин я разделяю отвращение к насильственной преступности и ужас перед ней. Притом ужас не абстрактный, а вполне конкретный, потому что жертвой преступности может стать практически любой случайный прохожий. И об этом знают те из моих корреспондентов, кто пожелал мне изнасилования моей дочери за то лишь, что я позволил себе усомниться в целесообразности жестокого наказания.

Да, я не возьму на себя смелость осудить того, кто требует «смерть за смерть». Но как специалист, я высказываюсь тем не менее против смертной казни. Начать следует с безусловной и немедленной отмены смертной казни за преступления, не связанные с насилием, а в перспективе, по моему убеждению, даже в отношении убийц она должна быть заменена длительными сроками заключения (возможно, пожизненными).

За те сотни лет, которые насчитывает спор о смертной казни, все доводы как ее сторонников, так и противников отточены до остроты клинка, набор стандартен и повторять его, в общем, дело пустое. Сторонников этой меры наказания всегда и во всех странах было безусловное большинство. За ними, кроме нравственного авторитета древнего «око за око», стоят еще солидные рассуждения о кажущейся целесообразности и «педагогическом» воздействии.

Во-первых, необходимо-де уничтожить данного конкретного преступника, чтобы он не совершил новое преступление (на перевоспитание во многих случаях надеяться не приходится). Во-вторых, уничтожение это надо обставить так, «чтобы другим неповадно было». Казни на площадях в педагогических, так сказать, целях, а равно отрубание рук ворам, клеймение и т. п.— лейтмотив многих писем в читательской почте.

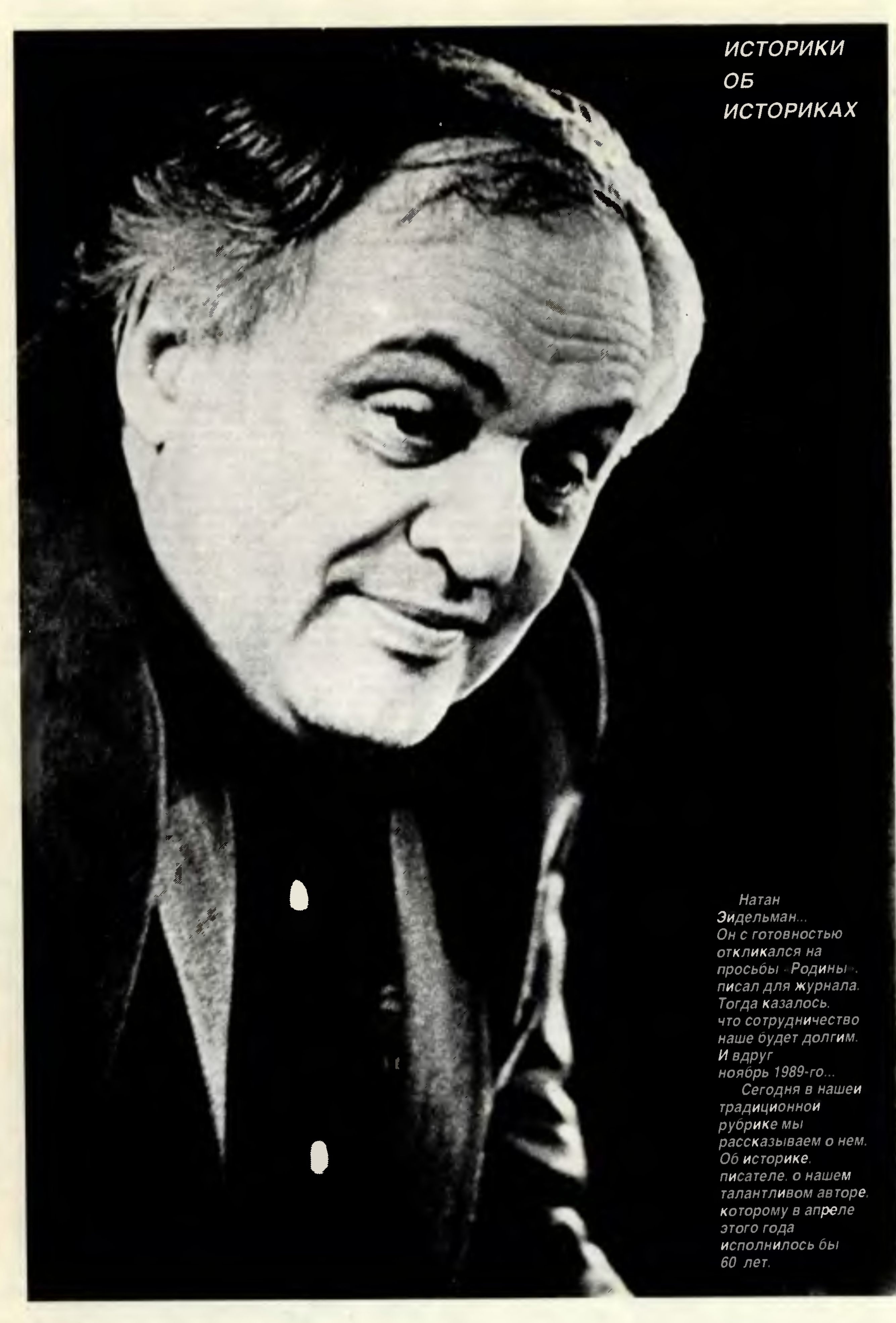
И все же некое нравственное чувство исподволь мешает людям требовать смерти человеческого существа, каковым, хотя бы и по ошибке природы, является казнимый. Тогда прибегают к рассуждениям типа «преступник — уже не человек» или в ход идут «биологизмы»: казнь приравнивается к отсечению безнадежно больного члена. Этот путь двойной морали чрезвычайно скользок, он ведет к мысли о существовании людей нескольких сортов. Вернемся, однако, к «педагогической» позиции.

Миф о целебно-педагогической силе устрашающе-жестокого наказания — это, вероятно, одно из самых старых заблуждений человечества. Но еще Карл Маркс проницательно писал: «...история и такая наука как статистика с исчерпывающей убедительностью доказывают, что со времени Каина мир никогда не удавалось ни исправить, ни устрашить наказанием».

Действительно, мировой опыт, в частности опыт США, где соседствуют штаты, применяющие и не применяющие смертную казнь за одни и те же преступления — положение в этих штатах сравнивалось глубоко и всесторонне,— свидетельствует, что наличие или отсутствие смертной казни практически не влияет на уровень преступности, который определяется совсем другими факторами.

Сила же наказания, как писал еще во второй половине XIII века итальянец Чезаре Беккариа, заключается не в его жестокости, а **в неотвратимости** (эту мысль потом неоднократно повторял В. И. Ленин). Вот с неотвратимостью у нас действительно не все ладно. Но неумение, а порой и нежелание правоохранительных органов охранять нас от преступников вряд ли удастся компенсировать жестокостью в отношении тех из них, которые имели неловкость попасться в руки юстиции.

Итак, кровь казнимых, быть может, только удовлетворяя нравственные инстинкты справедливости, с точки зрения практической льется абсолютно даром. Преступность являет собой как бы многоголовую гидру, у которой на месте каждой отрубленной головы вырастает новая, а то и две. Метить надо в сердце этой гадины, в саму идею насилия. Смертная казнь не подрывает, а укрепляет ее. И в этом смысле смертию смерть попрать вряд ли удастся.



Натан Эиделъман... Он с готовностью откликался на просьбы «Родины», писал для журнала. Тогда казалось, что сотрудничество наше будет долгим. И вдруг ноябрь 1989-го...

Сегодня в нашеи традиционнои рубрике мы рассказываем о нем. Об историке, писателе, о нашем талантливом авторе, которому в апреле этого года исполнилось бы 60 лет.

ИСТОРИЯ «СТЕРЕО»

Память у него была поразительная. Наверное, именно такая и нужна историку. Натан Эйдельман помнил, по-моему, всю хронологию Земли от первобытного человека до реалий текущего года. Его можно было в любое, самое неподходящее для такого рода вопросов время спросить о годах рождения или кончины того или иного деятеля истории, о началв или завершении Столетней, тридцатилетней, пятилетней и пятидневной войны, о дате главнейших событий и происшествий куда как скромных — ответ был мгновенен и точен. Воистину «лет минувших анекдоты от Ромула до наших дней хранил он в памяти своей».

Но зачем заполнять голову конгломератом дат? Разве нет справочников, хроник, энциклопвдий? Не скажите, все это служило Эйдельману перенасыщенным раствором, и стоило попасть туда нежданной мысли, рожденной вдруг, возникшей в разговоре, при чтении газеты или от слова, оброненного кем-то на улице,— и начиналась кристаллизация. Услужливая память тут же подбирала всв необходимое, дабы кристалл рос. Известные, казалось бы, страницы истории высвечивались по-особому, по-эйдельмановски. Столкнувшись в работе над статьями, очерками, книгами с понадобившейся ему датой — скажем, день убийства Павла I,— он мгновенно мог выстроить весь горизонтальный хронологический ряд. Срез времени вставал перед глазами историка, и он выбирал из уймы единовременных событий те, что нужны были для доказательства своего взгляда на события.

Он увлекался своеобразной исторической игрой, в которую были вовлечены все его друзья, ученики — их много. Ко дню рождения кого-нибудь из них Натан Яковлевич составлял «исторический гороскоп». Для этого не ленился отправиться в отдел периодических изданий Ленинской библиотеки, найти газеты, что издавались на родине именинника в год его рождения — областные, городские, районные, отыскать в них события большие и малые — и возникала удивительная коллизия: обычный человек, как и все мы, увидевший свет такого-то января, августа, ноября такого-то года, вписывался в круг событий масштаба города, области, страны, мира. Прибавьте к тому нашедшие отражение в газетах, отобранные с лукавым юмором мелочи быта, объявления, рекламу фильмов и спектаклей, уголовную хронику, и вы представите, какой успех имели эти гороскопы. Игра? Пожалуй. Но именно этот прием соединения материала найдете в книгах Эйдельмана.

Он был историком от природы, от тех магических начал, которые вкладывает в одного из многих вся из века в век перетекающая жизнь. Ему дано было сквозь документ увидеть и эпоху, и человека, написавшего бумагу, и обстоятельства, при которых зто происходило, и многое такое, чего, казалось бы, не было даже в подтексте. Так обращался с документами Юрий Тынянов, творчество которого Натан высоко ценил.

Печально, но, читая книги Эйдельмана, слушая его чуть гортанный хрипловатый голос во время многочисленных лекций, семинаров, бесед, мы не отдавали себе отчета, что общаемся с удивительным историком России. Его работа «Герцен против самодержавия», несмотря на то, что на эту тему было написано множество книг, впервые выявила глубинные взаимосвязи Герцена — человека, революционера — с Русью нарождающейся, юной и живой, упрятанной под панцирь крепостничества, как живая и вечно текущая вода под зимним ледяным покровом.

В пушкинской трилогии: «Пушкин и декабристы», «Пушкин. Из биографии творчества», «Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта» — выстроена концепция русской духовной и общественной жизни, наполненной вдохновением пушкинского гения. Отсюда связь с другой, декабристской трилогией: «М. С. Лунин», «Апостол Сергей», «Большой Жанно», где анализ одной недюжинной судьбы сочетается с анализом политическим, экономическим, нравственным всего общества.

Павел I, о котором так много писали в XIX и совсем забыли в XX веке, вернулся к нам как нестандартное, сугубо российское явление в «Грани веков». Карамзин, Лермонтов в кавказский свой период и многие другие выдающиеся деятели культуры и истории явились перед нами в сочинвниях Эйдельмана современно и своевременно.

Он считал, что профессионалу-историку легче сказать правду в литературном издании, специально рассчитанном на массового читателя, чем в строго академической монографии. Конечно, дело было не только и даже не столько в объективных парадоксах ситуации в академической науке, сколько в бесспорном литературном таланте историка Н. Я. Эйдельмана. Вместе с тем отмечу, что в широко известной серии его книг, посвященных XVIII—XIX векам, ему удалось донести до широкого читателя много такой правды о прошлых и нынешних временах, которая тогда ни за что не прошла бы в академических издательствах. И книги эти, несмотря на все повышающиеся тиражи, не залеживались на прилавках магазинов.

Н. Н. ПОКРОВСКИЙ,
член-корреспондент
Академии наук СССР

Нередко гипотетически высказанные им идеи со временем находили прочное фундаментальное подтверждение. Видимо, именно зто свойство давало ему возможность и в сегодняшней жизни предвидеть многие события, вскрывать суть происходящего, давать точныв формулы явлений, только что возникших.

В самом начале перестройки в Доме кино в Москве был его творческий вечер. Зал переполнен. Записки, как бумажные кораблики, плыли к сцене. Он говорил о дне сегодняшнем, высвечивая его из глубин истории, искал аллюзии, показывал истоки. Вспомнил Матвея Муравьева-Апостола, его крылатую фразу: «Все мы — дети 1812 года» — и перекинул мостик в наши дни: «О моем поколении, к которому относится и Михаил Сергеевич Горбачев, можно сказать: все мы — дети XX съезда». Теперь эту мысль повторяют многие, но именно тогда, в Доме кино, она была впврвые произнесена и слетела в мир. Мы еще не знали, слушая Эйдельманв, что с этой фразой родилась в таинственной лаборатории его души новая, неожиданная даже для него книга, которая потом возникала фрагментами, главками на страницах журналов и наконец незадолго до того, как случилось непоправимое, явилась в свет под названием «Революция сверху». Такого взгляда на прошлое нашей Родины прежде не было в исторической науке.

Отличало его и еще одно необычное свойство: в его присутствии все укрупнялось, становилось более очевидным — храбрость и трусость, талант и ремесленничество. Картины эпох, портреты людей минувшего делались стереоскопическими. Малые детали, на которые никто не обращал внимания, соединялись с вещами значимыми, и наука история избавлялась не только от сухости и скуки, но и от плоскостного, единообразного, отглянцованного официального вида. Время и люди заново обретали характер, ярость и мудрость, яркость и своеобразие. И тогда вставал из-за рабочего стола историк Натан Эйдельман, и место его занимал Натан Эйдельман — писатель.

Книга, главы из которой здесь публикуются, тоже возникла из бесчисленных больших и малых величин: работы в Иркутском архиве, поездок в село Олонки, где жил на поселении и похоронен декабрист Владимир Раевский, тщательного изучения кишиневского периода пушкинской судьбы, работы в редколлвгии сибирского альманаха «Полярная звезда».

«Первый декабрист» — одна из тех книг, что еще придут к нам, вновь и вновь доказывая, что истинный талант не умирает, а жизнь человека даровитого и широкого по натуре продолжается бесконечно.

Марк СЕРГЕЕВ

Натан ЭЙДЕЛЬМАН

ПЕРВЫЙ ДЕКАБРИСТ

Кратких исторических известий о расправах за мнения сохранилось куда больше, чем стенограмм и протоколов политических процессов. В России одно из древнейших — «судное дело» Максима Грека, богослова, писателя, эрудите, который в конце 1520-х годов был обвинен в ереси и прочих преступлениях и заточен до конца жизни. В следующем веке власть и официальная церковь осудили и казнили протопопа Аввакума. Через столетие Петр I учинил следствие и суд над своим сыном. Уже после вынесения смертного приговора царевича допрашивали и пытали в присутствии отца (случай, кажется, уникальный в мировой истории). Смерть Алексея, вероятно, задушенного или отравленного, сделала ненужным публичное исполнение казни. В том же XVIII веке — процессы Волынского, Бирона, Миниха, Мировича. Скорое простое судопроизводство — без адвокатов, присяжных. Государство самодержавное, знвчит, главный закон — слово свмодержца.

С отменой смертной казни при Елизавете и изданием Указа о вольности дворянской султанские зверства и беззакония, квжется, уходят в прошлое. В 1822 году майор Владимир Раевский надеется, что они «уже не в наших нраввх». Надеется, но не уверен. Вскоре он сам становится незримым братом по судьбе тех миллионов, что в разные века, в разных странах не избежвли тюрьмы. История во многом необыкновенная, но в ряду подобных, увы, далеко не последняя. Нити от нее тянутся и в «просвещенный» XX век.

Тирасполь, 28 марта 1822 года:

Итак, я здесь... за стражей я...
Дойдут ли звуки из темницы
Моей расстроенной цевницы
Туда, где вы, мои друзья?

Много лет ходили по России списки длинного стихотворения, едва ли не поэмы, в 179 строк. Порою имя автора при стихах отсутствовало, довольно часто была подпись — «Кондратий Рылеев». Владимиру Федосеевичу Раевскому только в старости предстоит встреча со своим потаенным трудом, приписанным казненному сотоварищу.

Автор стихотворения, майор, дворянин, арестован 6 февраля 1822 года не в султанской Турции, а в Российской империи, где уже сто лет как распахнули окно в Европу...

Окончательный приговор вынесут 15 октября 1827 года, через 2077 дней.

В стихотворном письме «К друзьям в Кишинев» описаны главнейшие происшествия, случившиеся после ареста, и, может быть, майор нарочно повествует о них в стихах, чтобы в случае перехвата прикинуться дурачком и сослаться на простительную, неодолимую страсть к поэзии (к этому приему — перекликаться стихами или песнями — прибегнут в недалеком будущем декабристы — узники Петропавловской крепости, а Евгения Гинзбург и другие заключенные Казанской тюрьмы — в 1936 году).

В конце послания помещено поэтическое предсказание того, что будет в стране: не первое в русской литературе, но одно из первых — желанная и страшная картина того, что должно произойти.

Простите... Там для вас, друзья,
Горит денница на востоке
И отразилася заря
В шумящем кроеию потоке.
Под тень священную знамен,
На поле славы боевое
Зовет вас долг — добро святое.
Спешите! Там валгальный звон
Поколебал подземны своды
И пробудил народный сон
И гидру дремлющей свободы!

Поэт хорошо знает историю, особенно недавнюю: Французская революция, якобинский террор, реки крови, Наполеон. Взывая к революции и свободе, Раевский, конечно, находит бодрые, оптимистические слова — «добро святое»; но рядом, как печальное эхо, «шумящий кровию поток», «валгальный звон» (то есть исходящий из подземного царства древних германцев — валгалов; страшный шум смертного пира). Наконец, сильный образ — «гидра дремлющей свободы»!

Заключенный Тираспольской крепости хочет взрыва хотя бы потому, что «темницы рухнут», но понимает или поэтически предчувствует, что будет страшно; что многим, может быть, и ему самому, не сносить головы. Точности предвидения мы удивимся еще не раз. Но это чуть позже. А пока...

I. «УМСТВЕННОСТЬ, СВЯЗАННАЯ С ВОЛЬНОМЫСЛИЕМ»

«Формулярный спнсок о службе и достоинстве майора 32-го егерского полка В. Ф. Раевского, 1821 года.

Майор Владимир Федосеев сын Раевский. Ордена св. Анны 4-го класса кавалер и золотой шпаги с надписью «За храбрость» и а память 1812 года имеет серебряную медаль.

32 лет.

Из дворян Курской губернии.

Немецкому, французскому языкам; артиллерийскую и фортификационную науки знает.

В штрафах и по суду не быаал.

Холост.

К повышению достоин.

Журнальный вариант. Книга Н. Я. Эйдельмана «Первый декабрист» готовится к печати Политиздатом.

Подлинный подписали командир 32-го егерского полка полковник Непенин и дивизионный командир генерал-майор Орлов. С подлинным верно: генерал-лейтенант Сабанеев».

И Раевский, и его начальники — выходцы из университетов и других «питомников просвещения»; все они верят, что мерзости солдатской жизни в основном от дикости и непросвещенности. Так возникает идея, план элементарного Лицея для совершенно темных юнкеров: завтра им быть офицерами, а они, дворянские недоросли, ничего не знают — ни географии, ни истории, ни грамматики, ни нравственности... Да и грамотных солдат не вредно бы иметь поболее.

Как раз в эту пору, в 1816 году, по высочайшему повелению были командированы за границу несколько студентов для изучения тех чудес, которые, по многочисленным отзывам, творил в Англии замечательный педагог Джозеф Ланкастер. Простая идея заключалась в том, что достаточно выучить одного, нескольких, а они научат следующих. И в Англии в 1611 году уже насчитывалось около ста ланкастерских школ с 30 тысячами учащихся. Отсюда началась цепь событий, приведшая со временем к появлению в не самом английском на свете городе Кишиневе Ланкастерской улицы...

Идея таких школ кажется особенно привлекательной для страны, где так не хватает учителей; и вот уже на юге России разрабатывается целый проект обучения нижних чинов. Раевский берется за дело.

«Мы выписываем 2 иностранных журнала и все русские, аыписываем ландкарты и рублей на 500 книг,— вот тебе отчет об успехах... Это заключенне хаоса!..»

Но не успел Раевский хоть немного развернуться, начальник штаба корпуса генерал Вахтен донес наверх, что «в школе взаимного обучения при 32-м полку употреблялись слова «вольность», «свобода», «равенство» и пр. и толковались».

Более того, несколько позже злопамятный Вахтен обрисует генералу Киселеву, начальнику штаба 2-й армии, колоритную картинку, в которой педагог Раевский выглядит более авторитетным лицом в полку, чем командир, полковник Непенин.

«Господин Раеаский самой пераой степени либералист, ибо он 9-й егерской роте, которою командовал, асегда твердил, что строевое учение не должно быть, а слова «равенство», «свобода», «независимость» всегда им объяснял».

Известное российское противоречие: нельзя без просвещения — нельзя и с просвещением. Однако Раевский, сердясь и обижаясь, понимает, что надо продолжать. Другу-единомышленнику капитану Охотникову исповедуется: **«Учу по методе ланкастерской. Чрезвычайно успевают. *По письмам из России я вижу, что эту методу хотят уничтожить, дабы не дать просвещению ток быстро распространиться.* Итак, любезный, спеши, пока время, дать какие-нибудь понятия юнкерам. Я убеждаю тебн, а *отечество и обязанные будут тебе блогодарны*».**

И тут самое время предложить читателю загадку, когда были написаны нижеследующие строки: «Ведь необразованность при наличии благонамеренности полезнее умственности, связанной с вольномыслием»? Отвечаем: эти слова афинского демагога Клеона записал великий древнегреческий историк Фукидид за 24 века до Александра I и Раевского.

II. «ЗА ВИНОВАТОГО СОШЕЛ...»

«Скажите Сабанееау, что, дожиаши до седых волос, он не видит того, что у него делается а 16-й дивизии».

Эта фраза Александра I довольно быстро одолела сотни верст и больно уязвила генерала.

Обидная, угрожающая фраза: намек, что всю жизнь (до седины) Сабанеев не так командовал, не за тем следил. Он *не видит*, а там — наверху — *видят*... Дурное зрение генерала легко объяснить тем, что либо он сам заодно со злоумышленниками, либо не о том думает.

3 декабря 1821 года. Сабанеев — Киселеву:

После отъезда Вашего из Кишинева узнал я, что майор Раевский зааел в 32-м полку также масонскую ложу и что будто бы двое рядовых введены в оную были. Об обстоятельствах сих, как довольно важных, поручил н тайно разаедать Черемисиноау, на которого во всяком случае положиться можно».

Так впервые (не считая подписи на формулярном списке) Сабанеев написал фамилию Раевского.

Меж тем приближается новый, 1822 год. Для Раевского — последнее Рождество на воле.

Усердный генерал-майор Черемисинов, привлеченный к розыску в 32-м полку, посылает Сабанееву в Тирасполь важное донесение:

«Раевский... наставлением саоим, кажется, анушил солдатам то, чего бы им знать не следоаало. Но, как обстоятельство сие требует подтверждения, то я употреблю все способы таковую заразу вывесть наружу. Я бы желал, чтобы Раеаского а полк не присылали, а лучше и совсем из корпуса выгнать. Он по вольнодумству своему обратит, некоторым образом, дурное <влияние на> начальство и на прочих.

Орлов человека сего ласкает, держит у себя и *чрез то поощряет действие вольнодумства и других и пр.*»

И уж Сабанеев, срочно посылая эту записку Киселеву, добавляет: **«Из письма Черемисинова усмотрите, почтенный товарищ, что Черемисинов со мною откровенен и, конечно, не вольнодумец и не партизан мерзавца Раевского».**

Мерзавец Раевский — слово произнесено.

Правительство, Петербург требуют жертв.

«Невелика беда, что невиноватый за виноватого сошел — много их, невиноватых-то этих! Сегодня он не виноват, а завтра кто его знает? — да вот в чем настоящая беда: подлинного-то виноватого все-таки нет! Стало быть, и опять нащупывать надо, и опять — мимо! В том все время и проходит» (Салтыков-Щедрин. «Вяленая вобла»).

Раевский — член тайного союза, позволяющий себе много вольностей в полку и дивизионной школе, конечно, чувствует опасность, но не понимает, не может знать, что его скоро принесут в жертву, которая удовлетворит и корпус, и армию, и столицу.

Раевский своему командиру Непенину, 1 февраля 1822 года:

«Милостиаый государь Андрей Григорьевич!

Спешу аас уведомить обо асем здесь происходящем кратко и ясно. Когда прочтете, предайте письмо огню. После отъезда благородного нашего генерала Сабанеea приехал сюда, и вдруг все учреждения Орлова насчет побоев солдат и Охотского полка перевернул кверх дном!.. Не знаю, кто, каким образом, все дела Орлова представлены ему были совершенно а противном виде; он даже сначала начал действоаать, как противу *возмутителей*, он подозревал Орлова как будто в революционных замыслах, велел а некоторых полках все его приказы сжечь, уничтожить и возобновить жестокость и побои!..

Между тем подлец Сущов, будучи недоволен моим с ним, как и с прочими юнкерами, строгим обращением, подстрекаемый адъютантами Сабанеева и врагами новой *администрации*, приступил к прекрасвому средству — украл у меня *какие-то бумаги и письма*, написал Вержейскому на менн донос, и все это отдано а руки Сабанееву; еще дело не открыто, в чем это все состоит. Однако Сабанеев тотчас азял из нашей лицеи этого подлеца и отослал а Тирасполь под саое крыло.

Я не знаю, что он там наплел на меня. Бумаг важных у менн никаких не было, но все веприятно, и, атакуя меня, думаю, генералу хотят сделать неприятность.

До Вас одна и важная просьба: если к Вам будут какие-нибудь запросы, постарайтесь им дать ответ благородный; и если сильно напрут, то подкрепите *свидетельством от офицеров* о моем благородном поведении и примерном».

Спустя почти два века обидно читать только что цитированную записку; обидно, что она сохранилась. Ведь Раевский отправил ее из Кишинева в Измаил с верным гонцом Гамалеей; Гамалея приезжает, находит Непенина, рядом с которым стоит бригадный генерал Черемисинов, уже упоминавшийся агент Сабанеева. Полковник берет конверт, держит, не читая, а генерал на правах старшего ласково вынимает бумагу из рук Непенина — и прочитывает...

Прочел — переслал Сабанееву!

Легкомысленные, неконспиративные замашки — и это у членов тайного общества, заговорщиков. Двадцать с лишним александровских лет усыпили, преувеличили область дозволенного, притупили чувство опасности. То

была характерная черта первых, но отнюдь не следующих десятилетий XIX века.

Так или иначе теперь есть прямой повод для ареста старшего офицера. Дело верное, и Сабанеев составляет записки для Киселева, для Инзова, для Петербурга. Он представляет провинности 26-летнего майора.

Во-первых, распустил солдат, панибратствовал, даже обнимался, целовался с ними. Во-вторых, «склонял солдат к неповиновению», возбуждал негодование и недоброжелательность к начальству. Третья вина — школьные прописи: «равенство, свобода, конституция, Квирога, Вашингтон». В-четвертых, как свидетельствовали доносчики, хвалил взбунтовавшийся Семеновский полк: «Вот как, ребята, должно защищать свою честь!» В-пятых, вспомнили, что несколько месяцев назад в Аккермане какие-то офицеры пытались урезонить солдат Раевского, а он в присутствии солдат тех офицеров прогнал и оскорбил. Наконец, совсем неожиданный сюрприз: по своей охоте к Сабанееву явился некий майор Юмин и объявил, что и Раевский, и полковой командир Непенин, и он сам, Юмин,— члены тайного общества Союз Благоденствия.

В марте 1822-го начинается долгое расследование. Раевский, наказанный за вольномыслие задолго до 14 декабря 1825 года, станет для будущих историков *первым декабристом*.

III. «ЧУВСТВУЮ СЕБЯ СОВЕРШЕННО ПРАВЫМ...»

Офицеры, юнкера длинной чередой приглашаются на допросы против майора Раевского. Одни показывают довольно охотно, другие изворачиваются, упираются, но все почти боятся.

Вслед за офицерами и юнкерами — солдаты. Их допрашивают скопом и в отдельности, в казармах и в строю. Но они, за редчайшим исключением, как один повторяют: «Майор Раевский приказывал нам служить верою и правдою богу и великому государю до последней капли крови!»

Раевский удивлен и тронут. Много лет спустя запишет: **«Никогда я не говорил ничего подобного солдатам».**

Сабанеев — Киселеву (29 марта 1822 года): **«Раевский во всем запирается и на каждый вопрос пишет преобширные диссертации».**

Впрочем, когда диссертации, а когда одно-два слова.

Сабанеев предлагает длинный, запутаннейший вопрос, смысл которого таков: по многим свидетельствам, Раевский одобрял восстание Семеновского полка.

Ответ: «Буйство Семеновского полка я никогда не одобрял».

Если бы он мог поделиться опытом со многими будущими декабристами, которые, отвечая на вопросы следствия, говорили и писали слишком много, слишком подробно — и попадались на каждом шагу!

Раевский подробен только тогда, когда анализирует противоречия противника: тогда он пишет 5—10—15 возражений, намекает на несогласованность разных свидетелей, доказывает, что показания из них выбиты.

Требуется суд быстрый и бесшумный.

Для начала назначают семь человек в комиссию военного суда, которая прямо зависит от Сабанеева.

Подполковник Радченко писал: **«Всякий недальновидный человек ясно видеть может, мог ли г-н Сабанеев оправдать Раевского, будучи прежде того обвинителем его, в этом случае оправдание значило обвинение самого себя. Комиссия была наряжена из трех полевых офицеров и 4 инвалидных, находящихся под командою или в корпусе г-на Сабанеева, следовательно, члены были безмолвные лица или просто исполнители воли своего господина. В продолжение всего времени Комиссия под председательством самого г-на Сабанеева не искала раскрытия истины, но прикрывала двух свидетелей к каждой его статье».**

Вообще-то тут на каждом шагу нарушались инструкции о незаинтересованном суде, которые существовали еще со времен Петра Великого; это вполне соответствовало известному определению, что деспотизм и собственных законов не соблюдает.

И вот снова опрашивают 50 офицеров, 2500 солдат, многих юнкеров, 7 доносчиков; иногда хором, в строю, на ходу.

Перелистаем судебные бумаги:

«Майор Раевский спрашивал у роты, коею он командовал: «Примите ли, ребята, на штыки подполковника Неймана, если он вас будет наказывать?» Рота отвечала: «Примем, Ваше благородие».

Майор Раевский, придя к роте, говорил ей, что «если полковник прибудет к вам, то первая пуля ему в лоб за то, что он вас так тиранит».

«Господин Раевский говорил сии слова: «благодаря просвещению нынешних времен надобно надеяться, что и в России уравняются состояния».

«Когда по ошибке приведена была рота, командуемая Раевским, для содержания караула, тогда он говорил роте: «Вот какие подлецы, привели роту напрасно, возьмите на штыки и полкового командира, и адъютанта»,— рота смеялась, и он смеялся».

«Раевский неоднократно говорил: «Что за тиранство! Природа создала всех одинаково, и начальство не желает, чтобы солдат наказывать».

«Говорил господин Раевский, что нижних чинов не следует наказывать, потому что «мы все равны, ибо как солдат, так и начальник имеет одну душу».

«Раевский говорил, что он сказал солдатам: «Если кто захочет наказать, выдьте 10 человек вперед, уничтожьте одного, спасете 200».

Особенно острым был разговор о походе за Днестр; дело в том, что к востоку от Днестра, близ Вознесенска, находились южные военные поселения — забитые и угнетенные больше других, горючий материал для бунта. И вот **«портупей-юнкера Сунцов и Михайловский тоже уличали майора Раевского, что точно он своей роте рядовым описывал возмущение в Вознесенске и говорил: «Пойдемте, ребята, со мною за Днестр, в Вознесенск, а там тотчас взбунтуются и пойдет как огонь, а то видите, как вас трактуют».** Михайловский присовокупил, что Раевский говорил: **«Как солома вспыхнет, так и Россия вспыхнет».**

Раевский понимает, что тут пахнет призывом к бунту, за что полагается строжайшая кара вплоть до расстрела. Поэтому отбивается особенно резко: **«Если бы я действительно говорил о Вознесенске и о бунте, то юнкер Сущов не преминул бы в 1 своем доносе показать сего, но мне именно господин генерал-майор Киселев сказал, а бытность свою в Тирасполе, что «донос Сунцова найден вздорным». Комиссия вместо того, чтобы отдалить юнкера Сунцова от дела, допустила его в темных местах быть свидетелем, чего не вправе была: 1) яко доносчика на меня, 2) как человека, который обещался мне мстить при свидетелях, 3) как человека, бывшего все время моего нахождения в полку под судом за побег и имевшего на меня злобу, ибо я его выгнал из дивизионной школы».**

Разумеется, он отрицает и опасное показание о словах, что уничтожение одного тирана означает спасение двухсот человек... Против каждого сколько-нибудь угрожающего свидетельства пишет очередную прехитрую «диссертацию».

Майор крепко стоит почти против целого корпуса, но сверху торопят.

21 марта 1823 года, почти через 14 месяцев после ареста Раевского, члены суда подписывают *сентенцию*, то есть приговор: **«Комиссия, на основании государственных постановлений и по ближайшему к вине подсудимого майора Раевского Воинского сухопутного устава 135-му артикулу, приговорила: лишить живота, азыскав с него издержанные на прогоны деньги, всего тысячу семьсот шестнадцать рублей четыре копейки для пополнения тех сумм, из коих они позаимствованы».**

В тот же день сентенция передана генералу Сабанееву, который пишет свое мнение: **«Раевского, как вредного для общества человека, удалить от оного а Ставропигиальный Соловецкий монастырь или другое какое место, где бы вредное распространение его образа мыслей не могло быть поводом к нарушению спокойствия, если же приводимые против Раевского свидетельства признаются к обвинению его недостаточными, в таковом случае полагаю: как чиновника, впадшего в подозрение столь важное, удалить от службы и иметь его под строгим полицейским надзором».**

Как видим, в приговоре нет страшных слов «лишение чинов, дворянства», это прерогатива царская. Сабанеев, однако, сам предлагает два варианта: либо Соловки, либо отставка под надзором; генерал справедливо предполагает, что наверху предпочтут более мягкое решение, может быть, еще и убавят.

Киселев, Витгенштейн, Волконский, царь, четыре инстанции почти без сомнения утвердили бы без шума приговор крепкий, но не кровавый — и дело с концом...

Тут бы Раевскому согласиться, признать — и далее, наверное, обеспечил бы себе сравнительно спокойную биографию: жил бы, скажем, с отцом в Курской губернии, со временем путем прошений и ходатайств вернул бы право служить, поступил бы в статскую службу, какую-нибудь губернскую канцелярию, глядишь, еще бы и карьеру сделал, как очень многие из декабристов. 14 декабря в этом случае его могло и не коснуться, ибо сочли бы уже наказанным и вряд ли заново привлекли по делу о тайных обществах. Следственный комитет 1825—1826 годов в основном ведь интересовался позднейшими делами, Северным и Южным обществами, планами вооруженного восстания, а Раевский даже не может быть отнесен к южанам (в следственных документах его будут именовать членом Союза Благоденствия, формально упраздненного в начале 1821 года).

В 1823-м Раевский сверх того мог бы расположить вершителей своей судьбы самим фактом кроткого согласия: царская воля ведь была все решить побыстрее, потише.

Однако майор наш особенный.

Он воспользовался своим законным правом и подал наверх *Протест* против суда, да какой!

В нем 99 возражений против Сабанеева, судей, свидетелей, против сомнительных фактов, ложных или недосказанных обвинений.

Господи, ну что нужно этому майору! Не сомневаемся, что Сабанеев и многие другие были искренне обижены на Раевского. Как-то не по-российски, не по-нашему,— поклонился бы, покаялся, ну и мы бы в долгу не остались. Так нет, он буквально сыплет компрометирующими примерами, из которых видно, что командир корпуса, который вообще-то против палок и насилий, во время следствия и суда и грозил, и рукоприкладствовал. Майор точно рассчитывает, что генерала, а также семерых судей спросят: «Зачем же вы подписывали такие несообразности?».

В общем, на Раевского обрушивались свидетельства насчет сказанных им слов, а он требовал доказательства совершенных дел: иначе получается суд за образ мыслей, против чего не раз высказывался просвещенный император Александр.

Истекает срок рассмотрения Протеста Раевского Тульчинским аудиториатом. 18 января 1824 года император требует дело к себе. Царское молчание в течение двух лет окажется страшнее сотен лжесвидетелей и доносчиков. Освободить майора не желают, окончательно приговорить не решаются. 19 ноября 1825 года Александр I умирает в Таганроге.

Вскоре заключенный Раевский объявит себя верноподданным императора Николая Павловича.

Где ему знать, что в эти самые дни в Петербург уже свозят его старых друзей, тех, кто надеялся, подняв восстание, явиться в Тирасполь и поставить майора во главе мятежных войск.

С декабря 1825 года Владимир Раевский перестает быть единственным, первым декабристом. Отныне он один из многих. Его положение, обстоятельства — все меняется.

Там, в Петербурге, начинает звучать его имя.

«1825 года декабря 27 дня. 11 заседание Следственного комитета.

Слушали: о многих офицерах, а том числе о майорах Раевском и Лорере...

Положили: взять».

Забылись генералы-следователи: Раевский уже взят почти четыре года назад. Однако взять! В феврале 1826-го начинаются новые допросы, на сей раз в Петербурге.

Ему предлагают взять назад свой Протест, «принять» старый приговор 1823 года.

Раевский: **«Я отвечал решительно, что я выписки и приговоры Сабанеева не подпишу, что чувствую себя совершенно правым...»**

Новое разбирательство, еще один суд...

И наконец село Олонки Идинской волости Иркутской губернии. Государственный преступник, находящийся на поселении. В прошлом — Курское поместье, Бородино, шпага за храбрость, майор, солдатская и юнкерская школа, гордое единоборство чуть ли не со всеми российскими начальниками... Государственный крестьянин Владимир Федосеев сын Раевский.

IV. «СБЛИЖЕНИЕ УЖЕ НЕ СТРАННОЕ, А НЕВЕРОЯТНОЕ»

Конец XIX столетия... Время от времени в «Русской старине», «Русском архиве» и некоторых других журналах публикуются материалы о декабристах; пусть с купюрами, цензурными изъятиями, но все же печатаются мемуары и сочинения Якушкина, Бестужевых, Горбачевского.

14 декабря все дальше, в 1892 году умирает последний декабрист Дмитрий Завалишин, 14 декабря 1900 года в заграничной «Искре» Плеханов публикует статью к 75-летию восстания на Сенатской площади...

Тем не менее в начале XX века материалов о декабристах все еще сравнительно мало: то, что можно, уже вышло; что нельзя (даже Льву Толстому, которому запретили доступ к следственным делам декабристов в Государственном архиве), то нельзя, залегло в секретных хранилищах, по семейным сундукам.

Новый прилив общественного интереса к дворянским революционерам, даже мода на них, впереди, после 1905-го, 1917-го; пока же многие из них почти совсем забыты. В самом деле, кто такой Владимир Раевский? На площадь не выходил, окончил дни в Сибири, кажется, родственник знаменитого генерала Раевского...

В «Русскую старину» регулярно приходят тексты разных старинных крамольных стихотворений, где некоторые строки главный редактор, вздохнув, зачеркивает синим карандашом (эти рукописи сегодня хранятся в Пушкинском доме в Ленинграде, в архиве журнала).

Времена давние, но стихи все еще опасны...

1866—1874. На поселении в Красноярске живет Лонгин Федорович Пантелеев. Петербургскому революционеру около 30 лет, он образован, склонен к журнальной деятельности и как раз в это время «по случайным и временным обстоятельствам» (его собственные слова) получает в свои руки «часть бумаг, уцелевших после смерти Раевского». Возможно, Пантелеев обещал дочери Раевского Вере (жившей вместе с мужем в Красноярске) воспользоваться своими литературными связями и кое-что напечатать.

1875. Пантелеев выходит на волю. В одном из лучших петербургских журналов «Вестник Европы» он знакомится с трудом знаменитого пушкиниста Анненкова «Александр Сергеевич Пушкин в александровскую эпоху», где бегло упоминается Раевский. Вскоре Пантелеев посылает главному редактору журнала М. М. Стасюлевичу «дополнение», извлеченное из «Записок» Раевского, и просит: «не давать огласки ни моему имени, ни даже тому, что сообщенные известия заимствованы из записок Раевского...».

Трудно сказать, почему Пантелеев конспирировал: то ли опасался недовольства семьи Раевских (не все хотели огласки революционного прошлого), то ли имел какие-то иные резоны. Так или иначе «Записки» Раевского не появились ни в 1880-х, ни в 1890-х, ни в 1900-х годах...

Однако в 1912 году, через 38 лет после того, как Пантелеев писал Стасюлевичу, старое его письмо было неожиданно обнародовано вместе с другой перепиской умершего к тому времени редактора «Вестника Европы». Один из молодых азартных пушкинистов, Николай Осипович Лернер, эту публикацию заметил, затем отыскал 72-летнего Пантелеева и спросил, где архив Раевского. Пантелеев отвечал: **«Еще лет двадцать тому назад дал я эти бумаги одной особе в Петербурге для прочтения и даже для обработки. Особа ничего не сделала, то есть ничего не извлекла; зато так удачно переслала их мне, что бумаги никогда не дошли до меня. Брошены ли они были посланцем или попали в чьи-то руки — это покрыто мраком неизвестности».** Как видим, Пантелеев даже не пожелал назвать злополучную «особу»; история вообще темная, но главный ее смысл: были «Записки» Раевского, но пропали.

Правда, как увидим, не совсем, не навсегда,— но пропали...

Остатки бумаг старинного майора перемешиваются с архивом детей и внуков. Праправнук декабриста Анатолий Жигулин запомнит, что в их семье в Воронеже, так же как в семьях родственников по другим городам, были тетрадки «Архив Раевских».

«Архив выглядел так (в 1939—1940-х годах): это были четыре очень большого формата и толщины книги. Но были они не напечатанные, а рукописные. В них были искусно переплетенные чьи-то письма, дневники, воспоминания, разные казенные бумаги с гербами, иногда и рисунки, фотографии, газеты. Переплеты кожаные, но неодинаковые — видно было, что переплетали их разные переплетчики в разное время.

На всех томах были оттиснуты золотом слова: *«Архив семьи Раевских»*, а также римские номера томов: I, II, III, IV...

И вот в 1942-м не стало архива. А зажгли приречную деревянную часть Воронежа, раскинувшуюся по буграм, спускавшуюся к реке,— увы! — не фашисты, а наши «катюши» с левого берега. Была, конечно, военная необходимость — обнаружить немецкие позиции, хорошо скрытые среди старых деревянных домов и деревьев. Но от этого сердцу не легче»[1].

Судьба автора этих воспоминаний, Анатолия Владимировича Жигулина, во многом повторит прапрадедову, подтверждая самые мрачные поэтические пророчества первого декабриста. Между прапрадедом и праправнуком несколько поколений и несколько эпох.

У Владимира Федосеевича Раевского и его жены, крестьянской дочери Авдотьи Моисеевны Середкиной, был сын Юлий — офицер, чиновник. У Юлия — сын Ефим, внук — Митрофан Ефимович, связист, погиб в 1920 году: «Его сбросили на ходу с поезда пьяные революционные матросы, скорее всего, анархисты. Не понравился им офицерский китель деда».

У Митрофана Ефимовича Раевского было десять детей (правнуков декабриста); среди них Евгения Митрофановна Раевская, которую «как дворянку в институт не приняли (она хотела учиться в медицинском), она окончила курсы телеграфистов». На станции Кантемировка Е. М. Раевская выходит замуж за Владимира Федоровича Жигулина, выходца из многодетной крестьянской семьи.

Обратный по отношению к прадеду вариант: дворянка — за крестьянина; впрочем, для 1920-х годов ситуация вполне обычная.

1 января 1930 года. Рождение Анатолия Жигулина. В будущем, как и предок, он заговорщик и поэт. Детство и юность его проходят в Воронеже, где в это время живет в ссылке Осип Мандельштам, но это мало кому известно.

1947—1948. В Воронеже создается КПМ — Коммунистическая партия молодежи, нелегальная организация с марксистско-ленинской платформой. В нее входят более пятидесяти человек, программу вырабатывают Борис Батуев, Юрий Киселев и Анатолий Жигулин, часто действующий под фамилией Жигулин-Раевский или Раевский. Цель организации — **«изучение и распространение в массах *подлинного* марксистско-ленинского учения. Захотелось нам, чтобы все были сыты, одеты, чтобы не было лжи, чтобы радостные очерки в газетах совпадали с действительностью... Нашими действиями руководили самые искренние и благородные чувства, желание добиться счастья и справедливости для всех, помочь родине и народу...»**

17-летний прапрадед успел на 1-ю Отечественную. Праправнук и его ровесники не успели на фронт, но видели войну «в двух шагах», в горящем Воронеже.

Старший после войны 1812-го —

От соучастья трепетал...

Младший:

О люди!
Люди с номерами.
Вы были люди, не рабы,
Вы были выше и упрямей
Своей трагической судьбы.

Сентябрь 1949-го. Арест членов КПМ, в том числе 19-летнего Жигулина-Раевского (с предком это произошло 6 февраля 1822-го: «этот роковой час решил участь всей остальной жизни моей. Мне был 27 год»).

С осени 1949 года — следствие. Избиения до полусмерти («пятый угол»), ледяной карцер, фальсификация протоколов допросов...

Параллели двух биографий на поверхности, но как пройти мимо?

Прапрадед (друзьям из темницы):

Не будит вас в ночи глухой
Угрюмый оклик часового
И резкий звук ружья стального
При смене стражи за стеной.
И торжествующее мщенье,
Склонясь бессовестным челом,
Еще убийственным пером
Не пишет вам определенья
Злодейской смерти под ножом
Иль мрачных сводов заключенья...

Праправнук:

Трехсотые сутки уже на исходе,
Как я заключенный тюрьмы МГБ.
Солдат с автоматом за окнами ходит,
А я, как и прежде, грущу о тебе.

24 июня 1950 года. Приговор Особого совещания. Жигулину-Раевскому 10 лет лагерей.

Сентябрь 1950 — август 1951-го. Тайшетская пересылка, тяжелая работа на лесоповале, где однажды возникает диалог:

«— Раевский? Вы дворянин?

— Нет. Мама была дворянкой.

— Позвольте, но ведь Раевских-мужчин, кажется, всех перебили во время гражданской войны, оставшихся — а тридцать седьмом. Вы старший сын в семье?

— Да.

— Так вы, Толя, по законам Российской империи, потомственный дворянин. Ибо, если пресекается мужская линия знаменитых наших фамилий, то титул и звание наследует старший сын женщины, принадлежащей к этому роду. А у вас еще и фамилия двойная».

Август — сентябрь 1951-го. Из Тайшета на Колыму; затем три каторжных года.

1954-й. Наступает время «после рождества Хрущева» (шутка литературоведа Оксмана). Жигулина амнистируют.

1956-й — реабилитация.

...Праправнука Раевского в Воронеже и Сибири обрабатывали так жестоко и страшно, как и в дурных снах о «турецкой расправе» не снилось его далеко не робкому прапрадеду.

Если бы Владимир Федосеевич мог это все предвидеть — что тогда? Помирился бы с царями, остановил бы революцию, которая для праправнука может иметь такие последствия?

Но — «странное сближение»: как раз в ту пору, когда Жигулину-Раевскому выбивали зубы, ломали ребра, читали приговор без всякого суда, давили на лесоповале,— в эту самую пору вдруг угрюмый упорный прапрадед снова возник из небытия.

3 мая 1951 года историк литературы Марк Константинович Азадовский писал в Саратов опальному коллеге Юлиану Григорьевичу Оксману, репрессированному в 1937-м: **«Кажется, мне в руки попадают любопытные материалы В. Раевского, в том числе его автограф воспоминаний о Пушкине с неизвестными кусками. Они оказались здесь в какой-то антикварной лавке и куплены местным любителем-собирателем, который склонен разрешить мне их публикацию. Это все, видимо, фрагменты задуманных В. Ф. Раевским мемуаров... Если этот дядя не раздумает, то постараюсь приготовить это к очередному номеру Литературного наследства».**

«Дядя» не раздумал. К сожалению, мы так и не знаем до сей поры, от кого ленинградский коллекционер Всеволод Александрович Крылов получил огромную рукопись Раевского. Если угодно, здесь была мистика, фантастика, сближение уже не странное, а невероятное.

После того как «Записки» Раевского затерялись между Петербургом и Сибирью в конце XIX столетия, после того как революция и последующие события разметали старинные архивы и коллекции, после того как аресты и ужасы 1930-х годов привели к гибели еще миллион бесценных рукописей, после того как пропали «раевские бумаги» репрессированного Оксмана, после того как еще множество старых рукописей разделило печальную судьбу своих хозяев во время ленинградской блокады (жена Оксмана, Антонина Петровна, второй раз чудом сумела вывезти некоторые документы, собранные осужденным мужем) — после всего этого сколь мало надежды было именно в послевоенном Ленинграде, через 80 лет после смерти Раевского, отыскать его столько раз исчезавшие и погибавшие труды!

[1] Здесь и далее цитаты из автобиографической повести А. Жигулина «Черные камни» («Знамя», 1988, №№ 7, 8).

И вот нашлись же...

Пожалуй, не было другой столь непонятной декабристской находки; и если (как давно известно исследователям) бумаги, сочинения живут по законам «авторского характера», тогда можно сказать, что Владимир Федосеевич гордо и дерзко преодолевал посмертные обстоятельства,— по-своему, по-раевски, оспаривая кровь, войну, тиранию.

Оксман — Азадовскому, 15 мая 1951 года: **«Ваше сообщение о мемуарных записках В. Ф. Раевского меня наполнило радостным чувством не только оттого, что эти записи нашлись, но и потому, что с меня снимается ответственность за гибель в моей ленинградской квартире щеголевской копии фрагментов записок Раевского, частично использованных им в его книжке. Один экземпляр погиб в Гослитиздате (куда сдан был из Общества политкаторжан III том «Воспоминаний и рассказов декабристов»), а другой (самый оригинал) в моей квартире в пору блокады».**

Труднейшие времена, последние сталинские годы,— а двое многострадальных ученых испытывают минуты и часы счастья, которыми из XIX века их щедро одаряет Владимир Федосеевич Раевский.

И снова «странное сближение»: как раз в год полной реабилитации праправнука Раевского и его однодельцев — в 1956-м — вышли в свет сине-зеленые тома Литературного наследства («Декабристы-литераторы»), и в одном из них, рядом, две замечательные работы: «Воспоминания В. Ф. Раевского», публикация и вступительная статья М. К. Азадовского. Имя ученого в траурной рамке... Вслед за тем: «Неизвестные письма В. Ф. Раевского (1826—1866)», публикация и вступительная статья Ю. Г. Оксмана.

V. УЛИЦА РАЕВСКОГО

До Иркутска от Москвы семь часов самолетом. Конференция памяти декабристов в городе, где «людей 14 декабря» считают земляками и не одобряют угрюмого лектора, доказывающего их *классовую ограниченность* и напирающего на то, что дворян везли в Сибирь на колесах, а народ — пешочком. «Так ведь пролетариям нечего было терять,— отвечали иркутские рабочие,— а тут князья, все имели, незачем восставать, а вот взяли да и сами от всего отказались. Нет, товарищ лектор, наших князей не отдадим!»

Зимним декабрьским днем, как раз в годовщину восстания на Сенатской площади, отправляемся из Иркутска на северо-запад правым берегом Ангары. Сначала — Урик, большое село, где много лет прожили в ссылке Волконские, Муравьевы, Лунин, Вольф, часто гостили другие декабристы. Затем — печальная обитель, Александровский централ: мрачнейшая дореволюционная каторга, в советское время несколько десятилетий тоже тюрьма; после — дом для душевнобольных.

Наконец, большое село Олонки Боханского района Иркутской области: 2102 жителя в 1979 году, в начале XX века было 2226.

Улица Раевского, дом Раевского, школа имени Раевского...

Создатель и хранитель небольшого музея учитель Евгений Павлович Титов показывает, что имеет: подсвечник Раевского, немногие его портреты, несколько фотографий потомков, родословное древо. Сегодня, кажется, уже все правнуки и праправнуки утратили декабристскую фамилию.

Многие экспонаты музея вроде бы к Раевскому не относятся, однако, побыв полчаса-час среди них, вдруг понимаем, что это ведь мир одновременно и старинный, и недавний, где находятся и первый декабрист, и мы с вами.

Колодка для пошива обуви. Прибор для крошения плиточного чая. Деньги — и те, которыми расплачивался Раевский, и те, что свидетельствуют об исторических вихрях, бушевавших над Сибирью после него. Деньги колчаковские, Дальневосточной Республики, откуда-то — петлюровские, монгольские тугрики, американский доллар; хлебные карточки, старинный винчестер, пулеметная лента; и совсем не связанные с декабристской историей XIX века, но столь уместные, необходимые именно здесь, под стеклом небольшого музея, военные документы и маленькие фотографии погибших здешних ребят.

Лаконичные похоронки первого года войны, от руки и типографские: **«Извещение гражданке... что военнослужащий... пропал без вести... октября 1942»**; тираж похоронки — 500 экземпляров, отпечатан в типографии местной газеты.

Темнеет, спешим на окраину села, где очищаем от снега старинные, сильно потрескавшиеся могильные плиты:

«Здесь покоится тело Авдотьи Моисеевны Раевской. Родилась 1 марта 1811 г. Умерла 24 апреля 1875 года.

Здесь покоится прах подполковника Михаила Владимировича Раевского. Род. 15 сентября 1841 года. Скончался 2 апреля 1882 г.

Под сим камнем погребено тело Владимира Федосеевича Раевского.

Родился 28 марта 1795, умер 8 июля 1872».

Все было недавно, вернее не так давно, как кажется.

Современный иркутский историк Семен Федорович Коваль, собирая в конце 1940-х — начале 1950-х материалы для своей первой работы о Раевском, еще отыскал олонских старожилов, 75-летнего Павла Григорьевича Редькина, 78-летнего Павла Ивановича Ларионова, 80-летнего Нестора Александровича Бархатого. По рассказам своих родителей, они хорошо знали первого декабриста, помнили, между прочим, его замечательные парники для огурцов, арбузов.

Потомки, близкая родня декабриста вокруг нас.

В Олонках читаем письмо, сохранившееся в местном музее; дата — 24 февраля 1937 года, понятно, принадлежит нашему времени — зловещий год, скоро Великая Отечественная война. А меж тем престарелая внучатая племянница Владимира Федосеевича Софья Григорьевна Сливянская рассказывает своей дочери Агнессе Николаевне Сахалтуевой: **«Ты была со мною у его сестры Веры Федосеевны. В то время жила у нее глухая старшая сестра Надежда Федосеевна, которой Вера Федосеевна говорила, показывая на тебя, что ты — их правнучка. Была у них сестра Любовь Федосеевна...»**

Самого декабриста автор письма, кажется, не помнит, но его любимую младшую сестру Веру не только знает, но бывала у нее с дочерью, адресатом послания, очевидно, на полвека раньше (когда матери было за двадцать, а дочь — маленькая); 50—60 лет — вполне нормальный для одной человеческой жизни «кусочек истории», но какие полвека! Одним концом этот отрезок уходит во времена народников, первых железных дорог, последних декабристов, другой конец — это коллективизация, 1937 год, война с Гитлером.

Подсвечник героя 1812-го — похоронки 1944-го...

На равнине югославской,
Под Ельцом и под Москвой,—
На германской,
На гражданской,
На последней мировой...

Стихи праправнука Раевского.

Публикация Юлии МАДОРЫ

БИБЛИОГРАФИЯ

Герценовский «Колокол». М., Учпедгиз, 1963.
Путешествие в страну летописей. М., Детгиз, 1965.
Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., Мысль, 1966.
Ищу предка. М., Молодая гвардия, 1967.
Лунин. М., Молодая гвардия, 1970.
Герцен против самодержавия. М., Мысль, 1973.
Вьеварум. М., Детская литература, 1975.
Апостол Сергей. М., Политиздат, 1975.
Пушкин и декабристы. М., Художественная литература, 1979.
Твой XIX век. М., Детская литература, 1980.
Грань веков. М., Мысль, 1982.
Большой Жанно. М., Политиздат, 1982.
Последний летописец. М., Книга, 1983.
Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. М., Советский писатель, 1984.
Твой XVIII век. М., Детская литература, 1986.
Пушкин. Из биографии и творчества 1826—1837. М., Художественная литература, 1987.
Обреченный отряд. М., Советский писатель, 1987.
«Революция сверху» в России. М., Книга, 1989.
Мгновенье славы настает... Л., Лениздат, 1989.

«КРАСНАЯ КНИГА» РЕМЕСЕЛ

КОЛОДЕЗНИК

На снимке вы видите Николая Ивановича Юдакова — жителя мещерской деревеньки Княжи, потомственного колодезника. Деревня эта испокон веку славилась колодезным ремеслом, довольно редким в стародавние времена, а уж сегодня — так просто уникальным. Мало, очень мало осталось их — знатоков, умеющих правильно обустроить колодец, без которого, как говорится, никуда...

Колодцы на Руси копали всегда зимой, когда вода уходит глубоко под землю и не мешает добраться до основной водяной жилы, а скованная морозом земля не оползает. В суровые военные зимы, совсем еще мальчишкой, получил Юдаков первые уроки колодезного ремесла в своей родной деревне Малахово. Сначала больше приглядывался, а после войны, приехав в Княжи, пристрастился к ремеслу по-серьезному...

Удобное место для устройства колодца мастерам выбирать не приходилось: хозяин хотел его иметь рядом с домом, под руками. Так что основное искусство колодезников заключалось в умении вырыть шахту нужной глубины. Выручало чувство грунта. Юдаков, к примеру, знает: когда идет глина, скоро воды не жди, а как откроется песок или камень, появляется долгожданная влага. Опытный колодезник помнит, что самый коварный грунт — смешанный с песком, черный, как деготь, ил. Будешь копать и три метра, и десять. В любое время от одного удара киркой может ударить мощный фонтан, иногда высотой десять — двенадцать метров. Тут лишь успевай поворачивайся, иначе затопит в считанные минуты. Хотя такая вода и легко подчас достается, как говорят колодезники, «не мучительная», ей не рады. Тяжелая, невкусная. И, напротив, колодец, с трудом пробитый в камнях, отличается мягкой и приятной на вкус водой.

Бывает, в специальной бадье колодезника опускают с помощью ворота на достойную уважения глубину: в двадцать, тридцать метров. Вот откуда небо с овчинку покажется! В невероятной тесноте, при свете фонаря, подвергаясь ежеминутной опасности быть засыпанным, мастер расчетливо делает свое смелое дело. Но дано такое не каждому.

Однажды в дом к Юдакову прибыла целая делегация из дальней деревни Гвоздево. Всем миром просили мастера отремонтировать колодец, воду из которого брало полдеревни. Просили уважительно, зная, что для колодезника ремонт невыгоден: хлопот много, а денег платят меньше, чем за новый. Мастер дал согласие и через неделю собрал нехитрый инструмент — пилу, топор, крепкий канат — и отправился в путь. Думал про себя так: управлюсь скоро, дело обычное. Но подошел к колодцу и ахнул: так глубок, что и дна не видно. Опустил веревку, измерил. Оказалось, что колодец уходил в глубину ни много ни мало на пятьдесят пять метров! Никогда до этого не приходилось мастеру иметь дело с такими колодцами. Взял топор, сел в бадью и стал спускаться вниз. Добрался до воды, посмотрел вверх, и сердце сжалось. Двадцать пять метров камня и тридцать — деревянной «рубашки». Глубина, как и высота, бьет по нервам. Но говорят так: глаза боятся, руки делают, не оставлять же людей без воды. За неделю выправил Юдаков колодец. Вздохнула деревня с облегчением: снова ожил поилец...

— Вырыть шахту — это еще не все,— рассказывал мне Николай Иванович.— Надо грамотно дерево для сруба подобрать. В воде оно будет служить долго, хоть сто лет. А вот наверху продержится не больше пятнадцати. Лучший сруб — из березы. Хорош и дуб, крепок. Только замечено: из-за дубового сруба два года вода в колодце будет черной и горькой, но потом посветлеет. От соснового сруба в воде появляются золотые блестки, и пахнет она смолой. Такую полезно пить слабым легкими.

В среднем семь — десять дней уходит на полное обустройство колодца. Это время наполнено тяжелым, изнурительным трудом. Зато когда из-под земли выйдет долгожданная вода, заполнит колодец до необходимого уровня (а это заранее оговаривают с заказчиком), осядет на дно взбаламученный песок и первое ведро принесет из прохладной глубины прозрачную влагу — наступает настоящий праздник и для мастеров, и для хозяев. Не стоит дело за угощением, поются песни. Недаром говорят: «Колодец, как ребенок, родится в радости».

Но звезда мастеров-колодезников переменчива. Бывает, что ни на пятые, ни на десятые сутки не открывают они воды. И уходят, засыпая шахту, чтобы начать в другом месте. Так, во всяком случае, поступали всегда Юдаков и его артельщики. Хотя, как говорится, бывали и другие прецеденты...

Всем известна пословица: «В лес дров не возят, в колодец воды не льют». Так вот, одна нечистая на руку артель сделала наоборот. Вырыли шахту, а воды все не было. Тут бы отступиться, поискать в другом месте. Только артельщики решили обмануть хозяина. Ночью натаскали в шахту из ближнего пруда воды, прикрыли дно. Просыпается утром хозяин и видит: ожил колодец. На радостях выложил деньги за работу, да еще сверх того. Только тех артельщиков и видели...

— Вот такие мошенники на наше святое дело тень бросают,— прокомментировал эту историю Николай Иванович.— Но одно знаю: нечистыми руками доброго колодца не сделать...

Владимир ПАНКОВ
Рязанская область
Фото Павла КРИВЦОВА

Юрий ЧУРБАНОВ:

«КАКОЕ МЫ ОСТАВИЛИ НАСЛЕДСТВО?»

Юрий Чурбанов — бывший первый заместитель министра внутренних дел, ныне заключенный... Это имя, ставшее одиозным, многократно уже повторенное во многих изданиях, все еще будоражит людей, вспыхивает то на митингах, то в домашнем кругу. Словно не договорено тут что-то, словно осталось чувство неудовлетворенности — судебным процессом, приговором, информацией и о деяниях самого Чурбанова и его окружения. Все, что связано с ним,— пусть недавняя, но все же история. И она требует вдумчивого прочтения, осмысления фактов, даже таких, как рассказ самого Ю. Чурбанова. При всей своей понятной субъективности и он может нам помочь еще раз критически взглянуть на недавние события. Это тем более важно, что с имени этого уже сходит налет бульварной сенсационности.

Встреча нашего корреспондента Андрея Караулова с Ю. Чурбановым состоялась в колонии, где бывший руководитель из МВД отбывает назначенное судом наказание.

А. К. *Почему вы отказываетесь от встреч с журналистами? У вас есть основания им не верить?*

Ю. Ч. Начать надо хотя бы с того, что вы помните, наверное, нашу первую встречу уже здесь, «в зоне», когда вы были встречены с моей стороны не лучшим образом...

А. К. *Хотя по-человечески я вас хорошо понимаю.*

Ю. Ч. Да. В тех публикациях, которые я читал, очень много надуманного. Это если выражаться мягко. Я понимаю, каждый журнал стремится к сенсационности, это и есть журналистский хлеб, но, когда начинают передергивать факты, когда в статьях прямо видны всякого рода натяжки, это грязный материал. Его можно назвать и клеветническим. У меня после каждого прочтения сразу возникало недоброе отношение к журналистам, я опять выбираю самые мягкие слова. Все началось с «Огонька», где молодой Лиханов опубликовал целую серию материалов. Там ведь ничего, никакой правды нет. На что рассчитывал «Огонек», какими материалами Лиханов располагал, сказать трудно, но они взбудоражили общественное мнение. Цель была достигнута. Я в этом не сомневаюсь. Не сомневаюсь и в том, что это был чисто «заказной» материал — вали больше, мы этого прокаженного Чурбанова разденем и развенчаем вот до этих самых «унтеровских» лампасов, как кто-то выразился. После «Огонька» как из рога изобилия посыпались и другие материалы.

А. К. *Я хорошо знаю Дмитрия Лиханова, мы вместе работали в «Огоньке». Что-то мне не верится, что в его серии статей вообще «нет правды».*

Ю. Ч. Те заключенные из числа работников МВД, которые знают мою биографию, мое служебное положение, мое отношение к своим обязанностям и к делу, они просто удивляются и говорят мне: ну как можно писать такую галиматью?

Давайте так договоримся: я просто сам расскажу, как все было, и вы без меня почувствуете разницу между тем, что есть в газетах, и реальным положением вещей. Мой арест произошел 14 января 1987 года в кабинете начальника следственной части Прокуратуры СССР Германа Петровича Каракозова. Накануне мы созванивались, договорились встретиться в 12 часов дня, это время было названо Каракозовым. 14-го утром мы перезвонились еще раз, я уж не помню, кто кому звонил,— короче, к 12 дня я приехал в Прокуратуру. Внизу меня встретил следователь по особо важным делам Литвак. Внешне обаятельный человек, небольшого роста, он любезно поздоровался, и мы поднялись на второй этаж в приемную Каракозова. Как только я открыл дверь, мне навстречу встали два дюжих молодца и заявили: «Вы арестованы».

А. К. *Вы уже были на пенсии?*

Ю. Ч. Да, я с пятидесяти лет находился на пенсии, в последнее время перед арестом работал заместителем начальника внутренних войск МВД СССР. Я был полнокровный генерал-полковник, имел звание лауреата Государственной премии СССР за Олимпиаду-80, но это не остановило следователей. Сняли подтяжки с брюк, сняли галстук — и вот расстегнутый, без подтяжек, без галстука, поддерживая штаны руками, я вошел в кабинет Каракозова. Там же находились Гдлян и Иванов.

Тут нужно сделать одно отступление, потом мы снова вернемся к 14 января 1987 года. Дело в том, что все мои мытарства начались не 14 января, а чуть раньше; перед арестом у меня за спиной уже была очная ставка с первым секретарем Бухарского обкома Каримовым. Я не знал, что этот человек арестован, почти его не помнил, имя-отчество узнал только там, в кабинете у Каракозова, где и была очная ставка; так вот, Каримов заявил, что в 1979 году, когда я находился в узбекском городе Газли, он вручил мне 10 тысяч рублей. Надо понять мою растерянность: я совершенно не знаю этого человека, тогда был 1979-й, сейчас 1987-й, мое пребывание в Газли ограничивалось только тремя часами. Действительно, прилетев в Бухару, я прямо с аэродрома направился в Газли, это город газовиков, чтобы посмотреть, как сильно он пострадал от землетрясения (три года назад) и как там идут восстановительные работы. В городе я остановился у одного из магазинов. Вместе с Каримовым и начальником Бухарского УВД генералом Норбутаевым, здесь же, кстати, отбывающим наказание, мы вошли в магазин и увидели, что не только продуктов, но и сигарет в достаточном ассортименте на прилавках не было. В этот момент к магазину стали стекаться местные жители, собралась толпа порядка 150—200 человек. Я спросил их, предварительно поздоровавшись, какие у них есть вопросы. И вот одна женщина, по характеру, видно, бойкая особа, русская, мне говорит: товарищ генерал, вас здесь обманывают, пускают пыль в глаза, мяса мы давно не видим, цены дорогие... ну и т. д. В их присутствии я тут же обратился к Каримову, спрашиваю: нельзя ли помочь этим людям, все-таки Газли рядом с Бухарой, всего 90 километров по хорошей шоссейной дороге... Он меня тут же заверил: Юрий Михайлович, все сделаем. Вот, собственно говоря, и весь инцидент, если его так можно назвать, мы закончили поездку и возвратились в Бухару. Разумеется, я очень скоро об этом забыл. Вдруг на очной ставке Каримов говорит, что в Газли с моей стороны были допущены грубость, какое-то неуважение, что он растерялся и, чтобы снять скандал, вручил мне 10 тысяч рублей. Сама очная ставка шла под большим давлением Каракозова, никаких записей или протоколов не велось. Полгода назад мне довелось встретиться с Каримовым на этапе в Ташкент: он ехал по делу бывшего управляющего делами ЦК КП Узбекистана Умарова, если не ошибаюсь, а я в «столыпинском» вагоне, где у нас перевозят заключенных,— по делу бывшего первого секретаря Навоийского обкома Есина. Вот там мне Каримов рассказал, что накануне очной ставки его практически вынудили дать показания против меня. А так как за Каримовым висел большой «долг» в несколько миллионов рублей, хотя эти миллионы опять же не что иное, как «миллионные» натяжки, Каримов мне сказал, что его просто «прижали». Я спросил: а почему определились именно в сумме 10 тысяч? Каримов говорит — 10 тысяч ему назвали в следственной части. То есть это решали следователи. Кто вел дело Каримова, мне сказать трудно, но то, что там была приложена рука Гдляна и Иванова,— это вне всякого сомнения. Вот они-то и выступали закоперщиками так называемого «узбекского» дела, потом — «чурбановского», а затем дело стало уже «московско-кремлевским». А сейчас, как видите, события приобретают уже скандальный оборот. «Московско-кремлевское» дело рассыпалось, в памяти народа остались «чурбановское» и «узбекское» дела. Кстати, недавно генерал Норбутаев, который осужден то ли к девяти, то ли к десяти годам и содержится в этой же колонии, убыл в Ташкент на доследование. Как оно будет развиваться, сказать очень трудно, возможно, и реабилитируют. Сам Норбутаев по приказу Гдляна и Иванова в течение длительного времени находился в следственной тюрьме КГБ Узбекистана и был помещен в одной камере с уголовниками, в течение месяца или двух он принимал пищу на параше, убирал... за этими зеками, уму непостижимо, что пережил этот пожилой человек. А вот четыре года прошло, его вызывают на доследование...

Теперь мы снова вернемся к 14 января, к тому... самому дню. Развязав галстук, отстегнув подтяжки и поддерживая руками штаны, я предстал перед светлыми очами Каракозова, Гдляна, Иванова и полковника юстиции Миртова. Надо понять то стрессовое состояние, в котором я находился. Начался перекрестный допрос, потом Гдлян дал мне ручку, лист бумаги... своя шариковая ручка у меня тоже была изъята, заодно изъяли часы и запонки, и прямо начал диктовать мне заявление на имя Генерального прокурора Рекункова о всех моих... (пауза)... преступлениях.

А. К. *Он диктовал вам суммы взяток?*

Ю. Ч. Да, у кого я сколько взял. Якобы взял. А я был в роли технического исполнителя. Они называли фамилии, называли суммы денег,— вот так появилось полтора миллиона рублей.

А. К. *Есть легенда, что вы пытались покончить с собой в Лефортове. Это правда?*

Ю. Ч. Нет. Где-то порядка первых четырех дней я не принимал пищу. Я был разбит, подавлен; Гдлян, Иванов, Каракозов эту подавленность видели и знали, что перед ними — тот самый сырой материал, который очень легко обломать в удобную для них сторону. И они ломали.

А. К. *Вам разрешали видеться с женой?*

Ю. Ч. Нет, во время следствия это никому не разрешено. Но находящемуся под следствием раз в месяц положено получать из дома продовольственную посылку. Мне ее не давали, говорили, что меня могут отравить, и взамен этого разрешали использовать на тюремный магазин не 10 рублей, как положено, а 25.

А. К. *А кто вас мог отравить?*

Ю. Ч. Это опять все фантазии следователей. Якобы узбеки или какие-то партийные функционеры, может быть, московские... Одним словом, мне это вбивали в голову. А под этот страх — давай-давай фамилии, пиши... закрепляй все, что мы говорим, своими показаниями. Перекрестный допрос, должен сказать, страшная штука. Четыре следователя,— а ты, как кутенок, забитый в угол, не знаешь, что отвечать, говоришь невпопад под этим жестким прессом, ироническими улыбками, взглядами,— они еще и словечками перебрасываются между собой... У меня было только одно желание: побыстрее освободиться от этих людей, вернуться в камеру и обратиться за медицинской помощью. На протяжении всего следствия я пользовался услугами врачей. Вечером уколами приводили давление и сердце в норму, я засыпал нашпигованный всякими лекарствами, утром давление опять начинало барахлить... сердечный спазм, тогда делали какие-то инъекции — и опять на допрос. Обычно допросы длились по восемь часов, без перерыва, только на обед конвой отведет, и тут же обратно, к следователям, их-то было много, им хватало времени для передышки. В конце концов у меня случился острый сердечный приступ, и я оказался уже не на койке тюремного лазарета, а был вывезен то ли ночью, то ли рано утром на машине реанимации в одну из московских больниц. Она, правда, не закрытая, но наш брат-арестант держался в закрытом помещении под охраной двух прапорщиков; вот там в течение десяти дней меня приводили в себя. Я просил у них: дайте мне хотя бы день отдыха, прийти в себя, собраться с мыслями... куда я от вас денусь. Нет. Они били прямо по живому. И я сломался. Я хорошо знаю эту систему. Я знаю, как у нас убивают. Я вам скажу так: ни в одной цивилизованной стране мира... даже с обычным человеком не делают то, что делали со мной, а уж с генерал-полковником тем более. Для них не существовало: генерал, не генерал, я тогда и звания лишен не был... А обращались как с последней сволочью.

Накануне суда полковник Миртов говорит мне: если будете давать разумные показания, то есть, читайте, показания в пользу следствия, «драконовские меры к вам применяться не будут». Вот так. Это я... дословно вам передаю. Мы говорим: демократический суд, понимаете, демократический суд, а государственный обвинитель Сбоев, сейчас он занял место Каракозова, требует Чурбанову 5 лет тюремного заключения и 10 лет колонии усиленного режима. За что?! С полутора миллиона дошли до 90 тысяч и тех — липовых. Как можно было следователю Миртову снимать в кабинете, где шел допрос, трубку телефона, соединять меня с сестрой, что категорически запрещено законом, и требовать, чтобы я сказал: Светлана, привези 100 тысяч рублей?! Как говорил Миртов, нужно «бросить кость» следствию, то есть хотели этими 100 тысячами повязать меня по рукам и ногам. Зачем нужно было Каракозову предлагать, чтобы моя жена сдала ценности, якобы полученные от узбеков? Не это ли авантюра?..

А. К. *Но вы позвонили сестре?*

Ю. Ч. Разумеется. Конечно. Светлана прямо у телефона грохнулась на пол, рядом стояла мама, 76-летняя женщина, и она... ей тоже стало дурно. А Миртов вырвал трубку и положил на рычаг.

А. К. *Так, может быть, не надо было звонить, Юрий Михайлович?*

Ю. Ч. Конечно, не надо. Но Миртов проявил такую настойчивость... набрал номер и сунул мне трубку. Вот так «бросались кости». В нашем правовом государстве.

А. К. *Честно говоря, я не все понимаю: на суде вы признали, что получали взятки? Или нет?*

Ю. Ч. Я вынужден был признать взятки от Каримова, Худайбердыева, Умарова и Есина. Я не боялся публично вступить в борьбу с руководством правоохранительных органов Узбекистана, потому что они шли на свой последний, так сказать, суд... Но вот руководители партийных и советских органов выступали на моем суде в качестве свидетелей, их дела еще не были закончены, за ними стояли Гдлян и Иванов, вся следственная часть Прокуратуры СССР. Они просто боялись. В той ситуации они не могли дать честных показаний. И я... тоже боялся. Я же говорил вам, что меня... просто обманули.

А. К. *Так вы, Юрий Михайлович, брали взятки или нет?*

Ю. Ч. Зачем мне эти взятки, Андрей Викторович? Ну, посудите сами. Оклад заместителя министра внутренних дел, я уж не говорю первого заместителя министра, где-то порядка 550 рублей. Выплата за генеральское звание — где-то более 120—130 рублей. Плюс выслуга лет от этих двух сумм. На момент увольнения у меня выслуга лет составляла порядка... 29 с хвостиком, то есть я расписывался в ведомости за 1100 рублей. Нам с женой, которая тогда еще работала в Министерстве иностранных дел и получала должностной оклад 250 рублей, вполне хватало. Кроме того, как член коллегии, я имел талоны на питание. Детей у нас с Галиной Леонидовной не было. В общем, мы жили безбедно. Да и стал бы я рисковать? Все-таки... я жил в не простой семье. Скажу больше: я никак не был в принципе подвержен этому пороку, хотя бы потому, что вырос в нормальной среде, отец у меня — старый партийный и советский работник; после десятого класса он прервал мое стремление поступить в институт и настойчиво порекомендовал пойти в ремесленное училище. Он сказал так: до тех пор, пока ты не познаешь рабочий коллектив и не поймешь, чем он живет, тебе в институте делать нечего. И вот я поступил в ремесленное. Как каждому пацану, мне были нужны, разумеется, свои карманные деньги — на кино, на мороженое; родители не имели такой возможности — щедро одаривать, нас в семье было трое. И вот во время каникул я собирал ватагу ребят, и мы ездили на станцию Москва-Казанская разгружать вагоны с овощами. Так я зарабатывал деньги на карманные расходы, а то, что бригадир разрешал нам набить свои сатиновые шаровары яблоками и унести их с собой,— так я все приносил на родительский стол. После училища меня направили на авиационный завод слесарем-сборщиком; я неплохо зарабатывал и все деньги до копейки приносил домой, в общий котел, так у нас было принято. Потом, в 1957-м, комитет комсомола рекомендовал меня для работы на Московском фестивале студентов и молодежи, после чего я был приглашен инструктором в Ленинградский райком комсомола Москвы, то есть я всюду соприкасался с интересными, порядочными, исключительно положительными людьми. Общаясь с ними, кроме пользы, я ничего для себя не извлекал.

Сейчас многие бывшие друзья от меня отвернулись, но есть и такие, что остались. Они и сейчас... в подполье находятся. Ждут: а куда же повернет?

А. К. *Хорошо, Юрий Михайлович, как вы познакомились с Брежневым?*

Ю. Ч. Когда мы с Галей решили пожениться, она пригласила меня на дачу к отцу. Только это решение было принято не с бухты-барахты, Андрей Викторович, а после долгого периода размышлений...

А. К. *У вас были колебания? Даже спрошу так: вы понимали, что входите в тот круг, где при перемене власти могут... появиться проблемы?*

Ю. Ч. В первую очередь были человеческие колебания, конечно: по Сеньке ли шапка? С другой стороны, были и такие... моменты, колебания, о которых вы говорите: ничто не вечно, а кто будет, а что будет... Как без этого? Но ведь я женился-то, Андрей Викторович, не из каких-либо конъюнк-

турных соображений. И то, что Леонид Ильич, как пишет пресса, надевал на меня погоны и увешивал орденами да медалями,— ну, я вам скажу так: если бы Чурбанов был круглым дураком, вряд ли Генеральный секретарь нацепил бы на него генеральские аксельбанты. Единственный упрек, который я выслушивал со стороны Леонида Ильича и жены на протяжении многих лет,— это то, что я всего себя отдавал работе.

А первая встреча с Леонидом Ильичом и Викторией Петровной, его супругой, происходила так. Мы решили подать заявление в загс, и Галя пригласила меня на дачу родителей, я приехал туда днем, познакомился с Викторией Петровной, она угостила вкусным обедом и сказала, что Леонид Ильич подъедет где-то часам к семи. Познакомиться.

А. К. *Это был выходной день, наверное?*

Ю. Ч. Нет, это был обычный день, а я находился в очередном отпуске. Конечно, состояние было такое, что... Знакомство с непростым человеком, лидером нашей партии и государства; мандраж, одним словом, был достаточно велик. Но Виктория Петровна, даже не имея высшего образования, вы знаете, настолько обаятельный и чистый человек, и разговор она сумела так повернуть и направить, что, если посмотреть со стороны, сидели за столом два хорошо знакомых человека и мирно беседовали на самые разные житейские темы. Вечером мы с Галей были в кинозале, смотрели фильм,— и я даже не заметил, как Леонид Ильич вошел. Только вдруг на фоне света увидел: стоит коренастый человек в серой каракулевой шапке-пирожке. Я поднялся, а он спрашивает: «Ты — Юрий?» — «Я». Тут он говорит: «А чего ты такой высокий?» Я хотел отделаться шуткой, но она у меня как-то не получилась, а он сказал: «Хорошо, я сейчас пойду разденусь, потом поужинаем и поговорим». Вот так состоялось знакомство. Потом был ужин: Леонид Ильич, Виктория Петровна и мы с Галей. Он задал вопрос: «Ваше решение серьезно?» И меня, и Галю спросил. «Да, мы подумали». И с моей стороны тоже было сказано: «Да». Леонид Ильич поинтересовался, где я работаю. А я занимал должность заместителя начальника политотдела мест заключения МВД СССР, курировал как раз те зоны, где теперь вот сам сижу. Он никак не отреагировал, видно, знал уже: кто и что, на какой должности. В апреле месяце мы расписались, это был то ли 71-й, то ли 72-й, никакую квартиру мы от Леонида Ильича не получили и около года снимали комнату в обычном доме на Садовом кольце, недалеко от американского посольства. Хозяева, муж и жена, уехали за границу, одна комната была закрыта на замок, там находились их вещи, а в нашем распоряжении имелись другая комната, ванная и кухня. Вот так мы жили. Леонид Ильич не был человеком опрометчивых решений. Разумеется, никакой служебной машины у меня не было. Чтобы добраться до работы, жена тоже довольно редко вызывала «семейную» машину. Единственное, когда заказывали продукты, машина приезжала. И вот где-то в течение года мы снимали комнату в квартире и платили деньги.

А. К. *А благословение Леонид Ильич дал сразу?*

Ю. Ч. Да, во время ужина.

А. К. *А какое у вас было ощущение от этой встречи?*

Ю. Ч. До того, пока мы не сели ужинать, какая-то скованность, конечно, присутствовала. Но Леонид Ильич так легко себя держал, так уважительно, я бы сказал, относился к своему молодому собеседнику, так замечательно вспоминал о своем рабочем прошлом, сказал мне, что в органах внутренних дел надо серьезно трудиться, что скованность — давайте опять вернемся к этому слову — сразу прошла, и уже за столом были два человека, которым есть о чем поговорить. Кстати, ведь Леонид Ильич — человек очень неплохого юмора. Интересный, живой собеседник — и, когда мы расставались, я уезжал уже совершенно раскованный, питая самые добрые чувства к родителям своей будущей жены. Леонид Ильич хорошую о себе память оставил. Хорошую.

А. К. *Вы никогда не ссорились с Леонидом Ильичом? Все было легко и безоблачно? Или были трудные годы?*

Ю. Ч. Трудные годы — только когда он болел, где-то с конца 70-х. А так... Он постоянно приглашал нас с Галей в Крым, на отдых. Ездили вместе. Вот тут я его наблюдал близко. Его рабочий день в Крыму начинался в 8 утра. С помощником или двумя помощниками он уходил в свой кабинет, созванивался с теми руководителями крайкомов и обкомов, где имелись хорошие виды на урожай. Леонид Ильич был противником повышения цен на хлеб, хотя некоторые члены Политбюро на этом настаивали. Он говорил: пока я жив, хлеб в стране дорожать не будет,— и всегда очень переживал из-за положения с урожаем. Но, возвратившись в Москву, мы с Галиной Леонидовной встречались с Леонидом Ильичом не ежедневно, даже не еженедельно. Он жил на даче, мы — в городе. В семье Леонид Ильич никогда не был раздражителен, и даже рабочую усталость, которая читалась у него на лице, он старался ее не показывать. Тесть часто приезжал домой только после 7 часов вечера, но если чувствовал недомогание, то возвращался и пораньше. Отдыхал он фактически только на охоте, хотя там тоже была работа. Не часто, но время от времени он любил выезжать на хоккей, один или два раза, когда он приглашал, я ездил вместе с ним. Леонид Ильич очень уважительно относился к Виктории Петровне, любил Галю и Юру, своих детей, внучку. Семьянин он, в общем, был неплохой. Душевность, даже переживания какие-то — они ему были присущи. А переживать было из-за чего, не все ладилось в большом государстве.

А. К. *Дома он продолжал работать или отходил от дел?*

Ю. Ч. Вы знаете, дома он был полностью отрешен, только если какие-то звонки или фельдъегерская связь. Когда я приезжал на дачу Леонида Ильича после командировки, всегда был вопрос: «Ну, как съездил?» И если я не рассказывал, то вопрос на этом прерывался. Он уставал на работе.

А. К. *Сейчас уже никто не сомневается, что Брежнев и его Политбюро развалили страну. Вы так не считаете?*

Ю. Ч. Мне очень трудно об этом судить. Еще раз повторяю: я был наделен только своими полномочиями. В круг членов Политбюро меня и близко не допускали. Но ведь в каждом государственном и партийном деятеле должно быть, я думаю, и что-то хорошее. А какое Леонид Ильич оставил после себя наследство — это, видимо, судить историкам. Может быть, позже что-то будет более понятно, история — это та самая наука, которая со временем все поставит на свои места. Я где-то читал или слышал, что история есть величайший хирург; по-моему, так говорили древние.

А. К. *Брежнев дружил с кем-то из членов Политбюро?*

Ю. Ч. Мне кажется, что наибольшей симпатией у него пользовались Андропов, Громыко и Устинов.

А. К. *А Черненко? Суслов? Горбачев?*

Ю. Ч. Черненко — нет. Суслов — тоже нет. А Михаил Сергеевич был избран секретарем ЦК только где-то в конце 70-х. Леонид Ильич очень неплохо отзывался о Горбачеве и говорил так: в ЦК должны быть и молодые кадры. В конце жизни эта проблема его волновала особенно.

А. К. *Как вам кажется, знал ли Брежнев истинное положение дел в стране? Или от него это скрывали?*

Ю. Ч. Не знал. Я могу ответить однозначно. В полном объеме — не знал. По крайней мере та информация, которой я делился по возвращении из командировок, была для него совершенно новой. В первую очередь речь идет о продовольственном снабжении страны. Как-то раз он позвонил мне на работу и попросил подготовить справку о ценах на московских рынках, причем не на одном, Центральном, а на двух-трех. (Московское Главное управление внутренних дел тогда быстро подготовило такой материал.) Его, между прочим, вполне мог бы дать и горком партии, но Леонид Ильич обратился ко мне.

А. К. *Следовательно, он не верил горкому?*

Ю. Ч. В какой-то степени — да. С другой стороны, я мог дать полную и объективную информацию, ничего не боясь, потому что я знал, куда она идет. Но такие звонки были большой редкостью.

А. К. *Вы имели влияние на Брежнева, как вам кажется?*

Ю. Ч. Да вы знаете, я такой цели не ставил, просто делился впечатлениями от своих поездок и ничего от него не скрывал. Я чувствовал, что он, скажем, не все знает и по Сургуту, и по Нижневартовску, где я был. Не знаю, как сейчас, а в те годы там очень остро стояла проблема жилья; кроме того, была проблема с приобретением мебели. Леонид Ильич слушал с очень большим интересом.

А. К. *Теперь скажите: вы всегда боготворили Леонида Ильича? Или все-таки в глубине души не обманывали себя и понимали, что у него как руководителя есть... недостатки?*

Ю. Ч. Ведь недостатки, Андрей Викторович, как у каждого государственного деятеля, так и у простого смертного, они, наверное, одни и те же. Они присущи каждому человеку.

А. К. *Семичастный пишет в мемуарах, что Брежнев дважды приказывал ему убить Хрущева. Вы верите в это?*

Ю. Ч. Может быть, у товарища Семичастного это... где-то возрастное уже?

А. К. *Жизнь просто на глазах уходила из Леонида Ильича,— вы не боялись, что придет кто-то другой, скажем, Андропов или вдруг Горбачев, что изменится курс?*

Ю. Ч. Не знаю... Смена власти всегда подразумевает какой-то курс. Откровенно говоря, я над этими вопросами не думал. Юрий Владимирович ко мне относился хорошо — прежде всего как к заместителю министра внутренних дел. Если вы помните, в начале 80-х в Орджоникидзе возникли массовые беспорядки; я вылетел туда вместе с товарищем Соломенцевым — теперь гражданином Соломенцевым. И мы в течение 5 дней без применения огнестрельного оружия, без трупов и крови людской эту работу успешно завершили. Внутренние войска действовали в рамках строжайшей законности, комендантский час или чрезвычайное положение мы не объявляли, нам запретили это в ЦК КПСС.

А. К. *Почему вам удавалось, а сейчас не удается, как вы считаете?*

Ю. Ч. Когда организм начинает болеть, нужно лечить его с упреждением, а не загонять болячку вглубь, потом она даст такие метастазы...

А. К. *Но сейчас существует точка зрения, что все причины именно в «годах застоя», что сегодня мы в какой-то мере расхлебываем и политику МВД в то время.*

Ю. Ч. Нас люди понимали, и нам люди верили.

А. К. *Сейчас больше не верят, как вы считаете?*

Ю. Ч. Трудно сказать. Но мне как человеку, который бывал в этих переделках, становится не по себе.

А. К. *Что вы думаете о Щелокове, Юрий Михайлович?*

Ю. Ч. Как министр внутренних дел Щелоков — это личность; я понимаю, что иду сейчас... вразрез — о Щелокове так много негативных статей, и у меня появятся серьезные оппоненты, но ведь заключенному терять нечего. Скажу только, что я никогда не был близок с министром, как сейчас преподносит печать, но пусть это будет только деталью в нашем разговоре. Щелоков — это человек самостоятельного мышления. На протяжении многих лет, особенно в первые годы, когда он действительно много работал, Щелоков глубоко изучал корни преступности в стране. При нем органы внутренних дел стали более уважаемы в народе. Сейчас говорят, что это журналисты помогали создавать подобное «уважение», но я думаю, что ни один журналист не может взахлеб рассказать о каком-то органе, если он плохо работает. Для милиции было многое сделано и в материальном отношении: в 1981 году Совет Министров решил вопрос о повышении денежного содержания сотрудникам органов. Если раньше за звание лейтенант получал 30 рублей, то теперь уже 100. Придало это новый импульс нашей работе? Бесспорно. Повлияло это на стабилизацию кадров, приток новых сил? Да. Я не знаю, поэтому не говорю сейчас об образе жизни Щелокова вне стен министерства, но меня и других членов коллегии всегда подкупали энергичность, моторность министра, его умение пробить интересные вопросы. Кстати, именно Щелоков не раз протестовал против больших сроков наказания для женщин и подростков, ссылаясь на зарубежный опыт. Он предлагал вывести из подчинения прокуратуре весь следственный аппарат и подчинить его МВД — в этом он видел большую пользу. А то получается, что прокуратура и ведет следствие, и наблюдает за ним, тут ошибки бывают сплошь и рядом, как сейчас. Щелоков бережно относился к кадрам, я не помню ни одного случая, чтобы чья-то судьба была бы сломлена, чтобы лицо, входившее в номенклатуру министерства, было бы с позором из органов изгнано.

А. К. *Какие недостатки были у Щелокова?*

Ю. Ч. В последнее время у него появилось бахвальство. Он часто говорил: вот я был у Леонида Ильича, вот Леонид Ильич просил передать привет коммунистам министерства и т. д. А Леонид Ильич, кстати говоря, ведь держал его на расстоянии; по крайней мере сколько б я ни находился на его даче в вечернее время или были какие-то торжества, еще что-то — Щелоков не появлялся. Часто ли он бывал на приеме у Брежнева? По моим данным — нет, не часто, мы ведь всегда знали, кто и куда уезжает. Поддерживал ли его Леонид Ильич? Наверное, да, все-таки важное министерство. Но в то же время, когда Щелокова слушали на Политбюро или Секретариате ЦК, то Щелоков был не Николай Анисимович, близкий друг Леонида Ильича, как сейчас это подают, а Щелоков был товарищ Щелоков — министр, который несет всю полноту ответственности.

А. К. *Почему Андропов так не любил Щелокова, как вам кажется?*

Ю. Ч. Этой кухни я просто не знаю. А строить наш разговор на каких-либо догадках нет, по-моему, необходимости.

А. К. *Как вы считаете, существовала ли коррупция в системе МВД? Что вы, как бывший первый заместитель министра, думаете по этому поводу?*

Ю. Ч. Даже находясь здесь, в колонии, я часто задумываюсь: а была ли такая коррупция?

О спецмагазине для сотрудников министерства я узнал только после смерти Щелокова, понятия не имею, где он был спрятан, какие там были цены, кто его посещал,— наверное, члены коллегии ездили, конечно. Один Щелоков содержать этот магазин не мог. Но все-таки магазин и картины — это еще не коррупция.

А. К. *Вам приходилось говорить о Щелокове с Брежневым? Вы говорили Брежневу о ситуации в МВД?*

Ю. Ч. Обязательно. Как только стало известно о фокусах Щелокова...

А. К. *Что вы имеете в виду?*

Ю. Ч. А то, что он мог поехать на какую-то выставку и за счет Хозяйственного управления приобрести вещи для своей семьи,— вот об этом я говорил Леониду Ильичу. И Андропову говорил.

А. К. *А как Брежнев реагировал на эту информацию?*

Ю. Ч. Он правильно реагировал... и Щелоков взбучку получал.

А. К. *Вы враг перестройки, Юрий Михайлович? Простите за такой прямой вопрос.*

Ю. Ч. К Советской власти я всегда относился с уважением. И к партии — тоже. Независимо от того, в какой бы я ни был ситуации. Даже в стенах колонии. И у меня уважительное отношение к советскому человеку, к партии коммунистов, к государству не изменится.

А. К. *Понятно. И все-таки, как вы относитесь к происходящим в стране переменам?*

Ю. Ч. Из-за колючей проволоки не очень-то разглядишь, что происходит в государстве. Мне кажется... сейчас партия и государство больны. А каков диагноз этой болезни — сказать трудно. Наверное, за меня его поставят другие, более компетентные люди. Но я уверен, что диагноз будет поставлен правильно.

А. К. *Вас лишили звания и всех орденов, кроме иностранных?*

Ю. Ч. Да. Журналист Додолев написал, что было бы неплохо отнять у меня и иностранные ордена тоже. Что ж, если он сможет, то пусть отнимает. У меня был орден Красной Звезды, я получил его, будучи начальником Политуправления внутренних войск, «за боевую и политическую подготовку личного состава внутренних войск и в связи с 30-летием Победы над фашистской Германией». Кроме того, я был награжден орденом Боевого Красного Знамени. В секретном Указе Президиума Верховного Совета СССР говорилось: «За выполнение специального интернационального задания в республике Афганистан». Какое это было задание — позвольте не рассказывать.

А. К. *Как вам живется здесь, в колонии?*

Ю. Ч. С первых же дней, хотя и трубили, что меня встречали здесь чуть ли не с оркестром, я оказался обычным зеком и после короткого времени, проведенного в санчасти с подозрением на туберкулез, меня отправили на производство. Колония имеет несколько цехов, я тружусь слесарем, собираю вазы для мороженого. Никаких привилегий не имею, да вы и сами, Андрей Викторович, это видели: вместе со всеми — на работу, вместе со всеми — в столовую или в цех...

А. К. *Как к вам относятся другие осужденные?*

Ю. Ч. Да нормально. Люди уверены, что дело сфабриковано. Кстати, я писал об этом в Комиссию Верховного Совета. Не депутату Медведеву, как он оповестил газеты, а в Комиссию...

А. К. *Получили ответ?*

Ю. Ч. Но ответа не получил.

А. К. *Вы не боитесь, что это интервью вызовет новый поток статей в нашей печати? Что вы... рискуете?*

Ю. Ч. Как вам сказать: один приговор у меня уже есть, 12 лет этому приговору. Как говорили древние, а что будет утром, одному Богу известно. То, что за этим разговором может последовать возмездие, я не исключаю, причем результат может оказаться... просто непредсказуемым. Наверное, и здесь, в колонии, Чурбанов становится неудобным человеком. Получается, что этот сукин сын и в неволе, в заточении собирается с нами бороться... Ну что ж, давайте бороться. А если и случится что-то, то по крайней мере останется ваша пленка...

Нижний Тагил, колония № 13
24 февраля 1990 года

КОММЕНТАРИЙ К СТЕНОГРАММЕ

ВМЕСТО ПОКАЯНИЯ

Автору «исповеди» Юрию Михайловичу Чурбанову практически терять уже нечего: «больше не дадут». Если, конечно, он вдруг не покается в каких-то более крупных преступлениях, чем те, что ему были вменены и на суде доказаны. Так тоже бывает, но крайне редко и в основном в романтической литературе.

Так все-таки было пи то, в чем на суде, подчеркну, на суде, признался Чурбанов? Были взятки от партийных и советских работников числом три на 90 с лишним тысяч? То есть совершил преступление бывший первый заместитель министра внутренних дел СССР генерал-полковник Чурбанов, зять главы партии и государства, человек видный, в то «счастливое» время всей стране известный? Или же зек Чурбанов сидит зря, он совершенно чист «перед партией, государством» и своей совестью? И на нем лишь отыгрались, «потому что был зятем»? Даже если принять версию, высказанную Чурбановым на суде: «да, что-то давали, но я это не расценивал как взятки, а просто как подарки и горел желанием швырнуть эти деньги в лицо подхалимам»,— то и здесь вопрос: а это-то хоть было?

Судя по интервью, которое зек Чурбанов дает журналу, не было и этого. Во всяком случае, достаточно ясно, четко и покаянно об этом Юрий Михайлович не говорит. Вместо возмущенного опровержения или искреннего раскаяния некий туман: «если, мол, что-то и было, то я все равно не виноват».

Такое впечатление оставило у меня интервью. Оно точно соответствует позиции подсудимого Чурбанова два года назад в зале Верховного суда СССР. И я бы никогда не взялся писать этот комментарий, ибо зачем он? Приговор вынесен, доказывать, где Чурбанов был искренен перед судьями, а где лгал, особого смысла для читателей не имеет. Но одно обстоятельство, почерпнутое уже из интервью, говорит о том, что этот человек так ничего и не понял и если о чем жалеет, то о внезапном крушении. Вернее, есть два таких обстоятельства. Остановлюсь на первом, так сказать, сугубо личном.

Известно всем, сколь фантастическую карьеру сделал Чурбанов. Служил в политуправлении внутренних войск, перед тем подвизался на аппаратно-комсомольской ниве. Словом, обычный офицер конвойных подразделений. И вдруг семимильными шагами по должностям и званиям: первый заместитель МВД СССР, генерал-полковник. Да еще и ордена.

За какие же подвиги в мирное время столь блистательная карьера? В настоящем интервью Чурбанов это объясняет так:

«Но ведь я женился-то, Андрей Викторович, не из каких-либо конъюнктурных соображений. И то, что Леонид Ильич, как пишет пресса, надевал на меня погоны и увешивал орденами и медалями, ну я вам скажу так: если бы Чурбанов был круглым дураком, вряд ли Генеральный секретарь нацепил бы на него генеральские аксельбанты. Единственный упрек, который я выслушивал со стороны Леонида Ильича и жены на протяжении многих лет,— это то, что всего себя отдаю работе».

Я не хочу оскорблять Юрия Михайловича его же словами — «был круглым дураком». Не дурак он, наверное. Но неужели и сейчас, когда все в прошлом, хоть в этом-то не может себе честно признаться: не было бы ни чина, ни должности без женитьбы на дочери Брежнева. Женился-то он, возможно, и по любви. Но карьеру-то сделало «зятьство», а не заслуги. Какие уж там заслуги — подготовкой к Олимпиаде командовать.

В очерке о суде над Чурбановым я писал, что он плавает мелко. Увы, и сейчас плескается в мутной лужице. Не брал взяток? Допустим. Но неужто не хватает мужества сказать интервьюеру: липовая, блатная, родственная была моя карьера, каюсь, принимал ордена и звания не по заслугам, стыдно было перед опытнейшими профессионалами, которых обходили ласками. Тогда, положим, в эйфории был — не до самооценок. Но сейчас-то, в положении зека, неужто столь простая покаянная мысль не приходит в голову? А Юрий Михайлович все о том: брал или не брал, взятка или подарок; о душе бы думать, а не о приговоре.

И второе, уже не личное, а общественное покаяние хотелось бы услышать из уст бывшего руководителя МВД. Вот он с возмущением описывает, как его арестовали, как срезали пуговицы и подтяжки и он в унизительной позе предстал перед следоватвлем, поддерживая рукой штаны. Ужасно. Унизительно. Бессмысленно. Перекрестные изнурительные допросы, изнурительные до того, что врачей приходилось вызывать — тоже не сахар.

«Четыре следователя, и ты, как кутенок, забитый в угол». «Они били прямо по живому. И я сломался. Я хорошо знаю эту систему. Я знаю, как у нас убивают. Я вам скажу: ни в одной цивилизованной стране мира не делают то, что делали со мной, а уж с генерал-полковником тем более». (Из интервью.)

Но, дорогой Юрий Михайлович, или вы всего этого не знали, когда были во главе ведомства? И когда к вам приводили со срезанными пуговицами? Что ж, об этом-то генсеку-тестю не говорили? О своем прямом деле, за которое отвечали? Нет, генерал-полковник насаждал, поддерживал эти методы, которые на него так зло опрокинулись. По крайней мере знал о безобразиях, творящихся в следственных изоляторах и колониях. Могу понять: молчал тогда, когда погоны генерала столь надежно вшиты были в плечи, что и мысли о смене ролей допустить было трудно.

Но теперь-то в положении всеми гонимого зека, когда все испытал, теперь-то почему не хватает у Чурбанова мужества на вот это покаяние: я был если не творцом (сотворили ее славные чекисты предшествующих поколений), то активным проводником бесчеловечной инквизиционной системы, доселе не изжитой, и это терзает мое сердце. У руля же был, у истоков, мог бы хоть слово сказать генсеку. Не послушал бы? Но все равно был обязан сказать.

Вот это раскаяние должно бы днями и ночами растравлять, мучить душу и терзать сердце бывшего генерал-полковника. Но этого нет в интервью, там больше о том, почему с ним лично так, с генерал-полковником, он же не рядовой зек.

12 лет заключения — это возмездие, кара. Тяжкая кара. И вне зависимости от вашей вины, от справедливости или несправедливости приговора я искренне вам сострадаю, как испокон веков на Руси положено сострадать колодникам.

Но время заключения — это и время раздумий над жизнью, над тем, что привело сюда. А привела сюда, согласитесь, и неправедная карьера. Время подумать о жизни и судьбе у Чурбанова есть — не в шахте по 12 часов вкалывает. Есть время для раскаяния и покаяния в неправедной карьере, в безразличии к судьбам сотен тысяч зеков, некогда бывших в его, Чурбанова, власти. Интервью обширное, многословное — и ни полслова раскаяния. Вот что огорчает, Юрий Михайлович. Свой очерк о суде над вами я назвал «Унтер в лампасах».

Похоже, Юрий Михайлович, вы пока так унтером и остались. Фантастическая карьера вскружила вам голову. Страдания, увы, пока не очистили душу. По крайней мере интервью не дает ни малейшего повода так думать. И все равно вам нынешнему я желаю добра и раскаяния в том, в чем лично вы считаете себя виноватым перед людьми и своей совестью.

Юрий ФЕОФАНОВ

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

Александра Львовна Толстая, младшая дочь великого писателя, покинула родину, когда ей было уже сорок пять лет. Позади остались дом, уединенные, «тихие» беседы с отцом, его смерть. Осталась позади первая мировая война, на фронтах которой сестра милосердия Александра Толстая выхаживала раненых и больных сыпняком, организовывала школы-столовые и летучие санитарные отряды. В конце войны она попала в зону газовой атаки, пришлось долго лечиться, лежать в госпитале. За мужество и верность милосердному делу Толстая награждена тремя Георгиевскими медалями. Потом были аресты, тюрьма на Лубянке, допросы, судебное разбирательство в Верховном революционном трибунале, обвинительная речь Н. Крыленко и, наконец, приговор: три года заключения. «Вина» дочери Толстого заключалась в том, что она позволяла собираться у себя на квартире знакомым ученым, журналистам, педагогам, ставила для гостей самовар, не подозревая, что они являются членами политической организации «Тактический центр». Ее абсолютная непричастность к деятельности «Центра» в настоящее время доказана. Тем не менее почти два года провела она в концлагере и лишь летом 1921 года была освобождена по амнистии.

Остались позади и годы самоотверженной работы в должности хранителя Ясной Поляны и с 1925 года — директора музея Л. Н. Толстого в Москве. «Нам уже удалось,— подчеркивал в юбилейной речи, посвященной столетию со дня рождения писателя А. В. Луначарский,— ...благодаря неутомимой деятельности Александры Львовны Толстой превратить Ясную Поляну в довольно изрядную станцию культурного воздействия на население». И впрямь Александре Львовне, чтобы преодолеть противодействие невежественных местных властей, требовалось быть неутомимой в своих хлопотах. Лишь при поддержке Москвы ей удалось отреставрировать дом, превратить его в музей, построить школу-памятник, больницу, то есть образовать подлинный культурно-просветительный центр.

Но наступил год «великого перелома», и Александра Львовна вынуждена была проститься с Ясной Поляной, а следом и с Россией. Осенью 1929 года, получив официальное разрешение Наркомпроса, она уехала в Японию, откуда пришло приглашение выступить с чтением лекций о Льве Толстом. Уехала потому, что не могла больше «жить во лжи», в противоречии с убеждениями, внушенными ей отцом, быть свидетелем раскулачивания яснополянских крестьян, изгнания их из отчих домов, каждый день узнавать о все новых и новых репрессиях, об арестах людей, близких ей по духу, и бвзропотно ожидать своей очереди.

В «волшебной стране Японии» Александра Львовна прожила около двух лет, затем переселилась в США. Началось нелегкое, иногда бездомное и почти всегда безденвжное эмигрантское существование. Она трудилась на ферме, выступала с проповедями и с лекциями о Толстом и его учении, сообщала правду о положении в родной стране. Кроме того, довольно много писала, реализуя свой несомненный литературный дар. Наиболее успешно — в мемуарном жанре: в цикле воспоминаний, запечатлевших самые яркие и значительные периоды ее биографии, в книге «Жизнь с отцом», в записках «Из воспоминаний»[1], в очерках «Из прошлого. Кавказский и западный фронт». Тяжкие годы в послереволюционной России отражены в книге «Проблески во тьме», беженство — в этюдах «Волшебная страна — Япония» и «Первые шаги в Америке».

Пыталась Александра Толстая сочинять рассказы и повести. К сожалению, задуманное ею произведение «Предрассветный туман» (о драматической истории русского эмигранта, оказавшегося в Америке) осталось неоконченным.

В 1939 году для Александры Львовны «начался новый, очень важный этап», связанный с основанием группой соотечественников «Комитета помощи всем русским, нуждающимся в ней», названный в память ее отца «Толстовским фондом». Став его руководителем, она целиком посвятила себя служению оказавшимся в бедственном положении эмигрантам «первой волны», а позже и так называемым «перемещенным лицам». На ферме в Рокланд Каунти фондом были построены интернат для престарелых, больница для хронических больных, детский дом, церковь, библиотека.

Осенью 1946 года в советской печати развернулась кампания против Александры Толстой с клеветой и грязными инсинуациями. Ее обвиняли в связях с ЦРУ, обзывали белогвардейкой, а Толстовский фонд — «разбойничьим гнездом». Связи с ней были оборваны, имя и труды находились под запретом. А между тем филантропическая деятельность фонда получала все большее признание и в Америке, и в Европе. В день девяностопятилетия Александры Львовны А. И. Солженицын обратился к ней со словами: «Лев Николаевич был бы счастлив от объема вашей работы и от ее направления».

Несмотря на исключительную занятость, поглощенность милосердным делом, литературными занятиями, тоска по родине, по Ясной Поляне никогда не оставляла дочь писателя. Она была рада возобновлению связи с ней сотрудниками музея Л. Н. Толстого, а на полученное приглашение принять участие в праздновании стопятидесятилетия со дня рождения отца она, уже тяжело больная, тотчас отозвалась: «Не могу передать, как мне тяжело, что я не могу быть с вами в эти знаменательные дни, каждая минута которых никогда не забывается в моей памяти, тем более, что я далека от дорогой мне Ясной Поляны, от моей России, от близкого мне русского народа. Мне тяжело, что в эти драгоценные для меня дни я не могу быть с вами, с моим народом, на русской земле. Мысленно я никогда с вами не расстаюсь».

В настоящее время Александра Толстая начала возвращаться на родину. Появляются журнальные публикации. Вышла в свет ее монография «Отец» (издательство «Книга»). В том же издательстве подготовлен том ее воспоминаний «Дочь». Один из разделов этих воспоминаний называется «Первые шаги в Америке», отсюда и взяты предлагаемые вашему вниманию фрагменты.

[1] Начальные главы опубл. Новый мир, 1988, №№ 11, 12.

Александра ТОЛСТАЯ
(1884—1979)

ПЕРВЫЕ ШАГИ В АМЕРИКЕ

(ФРАГМЕНТЫ)

СИЗИФОВ ТРУД

Г-жа Х. познакомила нас с четой Макаровых. Он русский, она американка, очень добрая, общественный деятель, принимавшая участие в работе Нэйборхуд Лиг[1].

Как-то раз мы с Ольгой были в гостях у Макаровых, разговорились и рассказали им, как мы мечтаем жить самостоятельно где-нибудь на ферме.

Прошло некоторое время, и вдруг, чего мы никак не ожидали, Макарова, к великой нашей радости, сообщила, что через Нэйборхуд Лиг можно бесплатно получить, правда, довольно разрушенную, ферму. Там никто не живет, и хозяева разрешают делать с ней что угодно.

Но то, что мы увидели на ферме, превзошло всякие понятия о «разрушенности». В доме все стекла были разбиты, провалились полы, везде грязь: паутина, вероятно, не сметалась годами. На маленьком курятнике клочьями моталась бумажная крыша, от сарая остались лишь три каменные стены. Рядом с домом сильный, холодный как лед источник. Нам потом объяснили, что он служил холодильником для молока и ледником. Он был разделен бетонными стенками на несколько отделений, и над ним, по-видимому, когда-то было целое здание. Теперь оставалась одна стена, покрытая зеленым мхом. Все на ферме нам казалось очень поэтичным: поле, заросшее бурьяном, внизу, под горой, журчащий ручеек, вокруг дома несколько старых деревьев, вдали лес...

Была весна, душа тосковала по природе, по физической работе и, главное, по своему углу. И мы переехали со всем своим скарбом на эту ферму вблизи Ньютаун Сквера в Пенсильвании.

Надо было срочно вставлять окна, чинить крышу, мыть дом. Со страшным рвением мы принялись за дело. Но плотницкой работы мы делать не могли и попросили нашу благодетельницу Макарову прислать нам поденного рабочего. В то время рабочие были дешевые, пять долларов в день. Но нам казалось, что пять долларов в день — целое состояние.

Как-то утром — а вставали мы, конечно, очень рано,— в восемь часов, к ферме подъехал господин на прекрасной, блестящей машине. Мы очень удивились, так как на полторы мили кругом решительно никого не было.

— Что вам угодно? — спросила я.

— Как что угодно? — переспросил господин с удивлением. — Вы же меня, кажется, вызывали работать. Если я не ошибаюсь, это то самое место и вы те самые русские леди, о которых говорила Макарова.

Господин-рабочий работал необычайно добросовестно и быстро. Очень скоро наш дом приобрел жилой вид. Вставлены были окна, появилась какая-то мебель, которую нам пожертвовала миссис Х. и Нэйборхуд Лиг. Мисс Мэри Розет Смит — друг Джейн Аддамс — прислала нам кровати, ковры, кресла из своего деревенского дома, который она ликвидировала.

[1] Neighborhood League — Объединение соседей.

Начали обрабатывать огород. Пахать нечем. Копали вручную. Весь огород был полон громадных камней. Зарывать их было трудно. Каменистая почва не давала возможности глубоко копать. Приходилось эти тяжеленные камни поднимать рычагом, постепенно подкладывая под большой камень маленькие, пока, наконец, он не выкатывался наружу. Это была сизифова работа, но одолели и ее и посеяли огород.

Иногда, редко, кто-то забредал в наши владения.

— Вы не знаете, где тут живет графиня Толстая, the Countess? Здесь она сейчас? Можно ее видеть?

А я в это время сражалась с каменьями или копала землю, обливалась потом, и одежды на мне было очень мало.

— Не знаю,— бурчала я,— здесь никакой графини нету.

Проезжали иногда верхами элегантные дамы с кавалерами, а ближе к осени скакали по полям охотники в красных мундирах.

Осенью Ольга отправила Марию в школу, в Филадельфию, и мы остались вдвоем на ферме. Я часто уезжала читать лекции, и Ольга оставалась одна. Все наши друзья в Филадельфии считали, что нам, двум женщинам, небезопасно жить вдвоем на ферме, и особенно страшно жить Ольге, когда она остается совсем одна. Кто-то нам сказал, что в Филадельфии живет одинокий старый казак, который сейчас попал в безработные и с удовольствием пошел бы за стол и квартиру к нам жить и помогать работать, жалованья не надо, только немного карманных денег и табак.

Казак серьезно отнесся к своим обязанностям, потребовал револьвер, который нам достал один знакомый американец, а когда приезжали чужие люди, он вырастал как из-под земли и стоял молча, расправляя усы, до тех пор, пока не убеждался, что люди эти не большевики и не опасны.

Казак был громадного роста, широкоплечий, с седоватыми волосами и усами с проседью, которые он постоянно тщательно закручивал. Ну совсем гоголевский тип, мы его так и прозвали Тарасом Бульбой. Ноги у него были с выгибом, вероятно, согнулись от постоянного сидения в седле и так и остались кривыми с круглым просветом. Разговор его был простой и короткий.

— Ох, как спина болит,— иногда жаловались мы вслух.

— Ну и щож? — хладнокровно замечал казак.— Это не смэртэльно.

И возражать было нечего.

Нэйборхуд Лиг пожертвовало нам тяжеленную чугунную плиту, которую можно было топить углем и дровами.

— Надо будет попросить Макарову прислать двух-трех человек поставить эту плиту на место,— сказала я. Казак только рукой махнул. Когда мы с Ольгой пришли с огорода, плита стояла на месте. Как он ее сдвинул — до сих пор не понимаю...

Звали казака Федор Данилович Гамалей.

Мы купили несколько кур, и яйца были у нас свои, постепенно вырастали овощи, и для полного благополучия недоставало только коровы. Травы было много. И мы стали узнавать, где можно купить корову.

На большой соседней ферме разводились маленькие породистые красавицы джерси. У нас разбежались глаза. Цены были жуткие. Сотни и сотни долларов за одну корову. Мы очень огорчились — цены были нам недоступны. Но вот управляющий показал нам несколько коров.

— Этих я могу вам продать, они у нас предназначены на убой.

— Но почему же? Они не молочные? Старые?

— Нет, нет, они молодые и прекрасно дают молоко, только у них в крови «бруцелозис».— Мы не знали, что такое «бруцелозис».

— Это вредно для людей? — спросила Ольга.— У меня 12-летняя дочь.

— Нет, нет, это совсем не опасно для людей, но эти коровы часто не могут растелиться, у них мертвые телята...

Чудная была одна коровка с выпуклыми, большими, томными глазами и с курносым носиком. Мы сразу в нее влюбились и купили ее чуть не за 50 долларов.

Теперь у нас было уже вволю молока, масла, сметаны и творогу. Мы пили, ели эти молочные продукты и не подозревали, что мы могли сами заболеть «бруцелозисом», тем, что называлось у нас мальтинской лихорадкой, трудноизлечимой, опасной болезнью.

А затем семья наша еще разрослась. Одна американка подарила нам чудную черную собачку — щенка шести месяцев — бельгийскую овчарку, которую мы назвали Вестой. Вместе с собачкой шофер привез от дамы меню собачки: полфунта мяса в день, два желтка, морковь, еще что-то. Одним словом, собачкины харчи были куда роскошнее, чем харчи, которые мы могли себе позволить; так что записку мы разорвали, собачку приняли с благодарностью и стали ее кормить овсянкой, что нисколько не повлияло на живость и страстность ее натуры, и как только ей минуло 9 месяцев, вся наша усадьба подверглась осаде десятков собачьих женихов всякого размера, пород и возрастов.

И теперь в лавочку, в Ньютан Сквер, который находился от нас в полутора милях и где мы получали почту и закупали продукты, мы ходили уже в большой компании. Впереди, когда она бывала дома, шла Мария, за ней Веста тянула маленькую тележку, в которой мы возили продукты, за ней шла Ольга, я, и шествие замыкала корова. Пока мы делали покупки, корова стояла в углу леса, никогда не выходила на большую дорогу и терпеливо ждала. Обратно мы шествовали в том же порядке.

Мы были довольны своей жизнью. Материальные условия, лишения, физические трудности нас не пугали. Мы с Ольгой получили хорошую тренировку в Советском Союзе. Угнетали мысли о России.

ЖИЗНЬ В ДЕРЕВНЕ

Я только читала о том, как лопались банки и как люди богатые, рабочие, фермеры, всю жизнь копившие гроши и рассчитывавшие на спокойную старость, за один день оставались нищими, но мне никогда не приходилось этого ни испытывать, ни видеть. Когда прошел слух, что банки один за другим лопаются, я помчалась в Филадельфию, но... было уже поздно. У меня было всего около 1400 долларов, полученных за книгу и рассказы. 1000 долларов друзья посоветовали мне положить на почту, а 300 с чем-то долларов лежали в банке, в Филадельфии, на текущем счету...

Смятение было ужасное. Американцы не знают, что значит терять имущество. Что имущество?! Терять семью, страну, терять все! Но хоть я и привыкла к потерям, должна сознаться, что я была расстроена, для меня 300 долларов были большими деньгами, особенно теперь они были нам очень нужны, так как мы снова оказались бездомными бродягами. Когда мы привели в порядок ферму, вложив в нее столько труда и денег, хозяин потребовал с нас такую высокую арендную плату, что мы не в состоянии были ее платить. Три года спустя я проезжала мимо фермы, там никто не жил, и она была еще более разрушена, чем до нашего прихода.

Опять надо было искать угол, но тут судьба сжалилась над нами. Надо сказать, что к нам редко заезжали люди. Мы жили версты полторы от главной дороги, к нам же вела проселочная грунтовая дорога. Как чуть дождик — машины застревали, поэтому каждый приезд был событием...

Мы взволновались, когда в один прекрасный день к нашему дому подъехал великолепный, новенький автомобиль с прекрасно одетой дамой и двумя юношами.

— Саша! Вы? Как я рада, how happy J am...[1]

Знакомое лицо... Но где? Когда? Мысли побежали назад, 10, 20 лет назад... Революция, первая мировая война...

Ярроу были миссионерами в Турецкой Армении, в городе Ване, на озере Ван. Я работала там сестрой...

В бывших трех зданиях школ 1500 курдов и турок умирали от всех видов тифа, дизентерии... Стоны, призывы о помощи, грязь, тут же на полу испражнялись, воды нет ни холодной, ни горячей, умирающие женщины. Вши везде, даже у американцев. Первым заболел тифом доктор Юшер, потом Джейн. Муж ее, Сайм, умирал. Когда мы к нему пришли с русским военным доктором, у него уже был цианоз. Вливали соляной раствор, впрыскивали камфору, дигиталис... Спасли. Все американцы выжили, но заболели оба мои брата милосердия...

— You saved our lives! [2] — говорили Ярроу и Юшеры, и мы на всю жизнь сохранили дружбу.

И вот Джейн разыскала меня и теперь, как когда-то ее муж разыскал меня, когда я была в тюрьме в Москве, и принес мне богатую американскую передачу.

Джейн приехала с определенным предложением. Друг Ярроу и их ближайший сосед нашли маленькую ферму по соседству с ними в Коннектикуте. Ферма продавалась за тысячу долларов: маленький домик, два курятника, семь акров земли. Свой угол! Земля! Что могло быть привлекательнее!

Мы недолго думали. Поехали, посмотрели. Кругом штатный лес-парк, домик маленький, три комнаты, маленький огород, старый, разрушенный хлев, несколько тонких, кривых березок, не таких, как в России, но все же березы.

Наняли громадный грузовик, нагрузили его мебелью, клетками с курами, чемоданами, сами поехали поездом в Мериден, Конн., откуда нас подвезла Джейн Ярроу. В багажном вагоне ехала Веста со своим семейством, слепыми еще щенятами. Корову продали — Коннектикут не позволял привезти корову с «бруцелозисом». Это было для нас большим ударом. Эта корова была для нас как член нашей семьи.

На ферме было два так называемых дома. Главный дом состоял из трех комнат: две спальни и гостиная. В гостиной поднимался люк, и по крутой приставной лестнице вы спускались в кухню.

— Владелец этого дома был моряком и построил его в виде парохода с трюмом,— сказал нам сосед, старик дядя Джо, который пришел с нами познакомиться, не один — за ним шли, как собачки, две козочки, которых Веста немедленно прогнала домой.

В этом «большом» доме поселилась Ольга. В маленьком, бывшем брудере [3], поселилась я. Впоследствии казак настелил мне новые полы, покрасил, сделал перегородку, разделив домик на две крошечные комнаты,— в одной была спальня, где помеща-

[1] как я счастлива...
[2] Вы спасли нам жизнь!
[3] Англ. «brooder». Это не только печь для обогревания выведенных в инкубаторе птенцов домашних птиц, но и помещение, в котором ставятся брудеры.

лась одна кровать и шкаф для платья, в другой — письменный стол, кресло и шкаф для книг. Было тесно, но это был мой собственный угол.

Кругом нашей фермы — холмы, покрытые лесом, внизу за полторы мили от нас, большая река Коннектикут, в лесах множество ягод, грибов. Устроили нам заем в банке, мы купили маленьких цыплят, и началась наша фермерская жизнь.

СВОЙ УГОЛ

Жизнь наша на ферме была трудная, но счастливо-ясная, без страха, без угнетенности. Вставали рано. Бывало, только солнце покажется из-за лесистых холмов, на кустах переливаются, блестят тысячью огней крупные капли росы, нежно благоухает цветущий виноград или с лугов несется запах скошенной травы, бежишь в курятник за ведрами, натаскаешь из колодца воды, раздашь курам корму и идешь в свой домик к письменному столу... Тишина. Только слышишь, как кудахчут куры в курятнике да Веста громко лязгает зубами, стараясь поймать пристающих к ней мух. На чугунной плите в «большом» доме варятся борщ и каша. Казак стучит молотком, что-то ремонтирует или строит.

Еды было довольно. Яиц, овощей сколько угодно — свои выращивали. Даже дыни были свои. Грибов и ягод — малины, ежевики, голубики — в лесах было полно. Покупали мясо, масло и молоко, пока снова не обзавелись коровой, рыбу, чай, кофе, сахар. Цены были низкие: 11—12 центов за фунт рыбы, 16—17 центов фунт лучшего молотого мяса, 12—13 центов за кварту молока. Но зато мы на яйцах тоже не разживались, продавая дюжину по 15—17 центов. Но главное — ни с чем не сравнимое, блаженное чувство свободы. Что хочешь, то и делаешь и никого и ничего не боишься. Хочешь — работаешь, хочешь — идешь за грибами или книгу пишешь.

После обеда и до самой поздней ночи мы работали. Вычищали навоз из курятников, подсыпали в кормушку муку, работали в огороде. Вечером чистили, просвечивали и укладывали яйца на продажу.

Постепенно мы расширяли свое хозяйство. Одна тысяча кур, весной — 250—300 цыплят. Две коровы, огород; летом подрабатывали еще тем, что собирали по болотам и лесам голубику и продавали ее по хорошей цене нашим богатым соседям. Богатые жили внизу, на берегу реки Коннектикут, а бедняки на верху горы, вроде нас. У Весты появился красавец муж, которого я привезла от своего брата, Мики, или, как мы его прозвали, Митька — большой серый полицейский пес, которого Веста полюбила с первого взгляда и которому осталась верна до гроба.

Собаки жили на свободе, охотились, изредка приносили нам зайца, а раз как-то Веста принесла нам куропатку, которую мы вычистили и с удовольствием съели. Охотились они и на скунсов. Помню, как однажды я проснулась от страшной вони. Когда я вышла из своей избушки, то увидела, что у порога сидит Веста. Она облизывалась и с победоносным видом смотрела на меня. Перед самым моим домиком, на лугу, лежали в ряд загрызенные, мертвые мамаша скунс и трое деток. Пришлось скунсов закапывать, а собак мыть...

Очень хорошие у нас были коровы. Одна — чистокровная джерси, мне подарил ее приехавший из Италии муж моей племянницы, дочери сестры Татьяны, Альбертини. Вторая корова родилась у нас. Джерси, как полагается породистой леди, была тихая, скромная, похожая на ту, которая была у нас в Пенсильвании, с грустными, выпуклыми, большими глазами и курносая. Молодая была озорная и умная, она несколько раз портила нам огород. Чтобы проникнуть за проволоку, которой была загорожена кукуруза, она падала всем своим грузом на забор и приминала его к земле. Затем вставала, переступала через повалившийся забор и спокойно паслась на кукурузе. А джерси стояла как вкопанная и смотрела на озорницу томными глазами, не смея перешагнуть через забор. Но этого было мало. Молодая корова повадилась залезать в курятники. Рогом она поддевала крючок на калитке, входила в курятник, съедала весь куриный корм, опрокидывала кормушки и, вдоволь наевшись, рогом же отворачивала кран, пила воду и принимала холодный душ. Пришлось переменить все запоры, укрепить заборы.

Иногда наши интеллигентные посетители пугались наших громадных собак и коров. «Собаки не кусаются,— говорили мы,— не бойтесь». «А коровы не бодаются?» — «Нет». Коровы были очень общительные и, как только видели людей, так, к ужасу наших городских друзей, шли к ним.

Теперь казак наш часто уезжал. Мечта его жизни была жениться, на скопленные деньги купить небольшую ферму и жить там с женой.

— Поеду в Филадельфию,— как-то сказал он нам.

— Дело есть?

— Да што там. Може, и выйдет дело. Казаки невесту сватают.

Уехал. Прошло около недели, возвращается казак наш домой злой. Не разговаривает, спросишь что-нибудь — молчит, только рукой машет.

— Федор Данилыч, ну что невеста? Расскажите. Понравилась?

— Да шо там! Нечего рассказывать. Какая там невеста. Никудышная баба, кривобокая...

— Но, может быть, женщина хорошая?

— Хорошая, хорошая,— передразнил он нас.— Кривобокая, опять же астма, дышит, как запаленная лошадь...— И казак тяжело вздохнул.

— Вы бы американку взяли,— сказала я.

— Американку. Шо я с ума, што ли, сошел! Американку... Што от них толку? Американку...— с презрением фыркнул он.

Одним из самых знаменательных событий в нашей жизни была покупка автомобиля: 65 долларов, да еще регистрация, страховка. Для нас это было целым состоянием. Никогда, даже когда с годами я приобретала новые «форды», ни одна машина не казалась мне такой красивой, уютной, удобной! Это был маленький черный старый двухместный спортивный автомобиль. Училась я ездить без учителя, сама. Ездила по двору взад и вперед, сшибла один столб, чуть не задавила Весту, которая немедленно приревновала меня к машине и, когда машина трогалась с места, со страшным визгом и лаем хватала зубами передние колеса.

Но мне необходимо было ездить. Мой брат Илья серьезно заболел, нужно было его навещать, а добираться до него на автобусе или поезде было очень сложно.

Рядом с нами жила эстонская семья; старший сын, юноша лет 18, иногда возил нас на автомобиле.

— Альберт,— сказала я ему,— можешь ты проехать со мной завтра к моему брату в Саутбери (за 70 миль)?

— Почему нет, если заплатите.

— Заплачу, но ставлю одно условие: я буду править.

— Но вы же не умеете...

— Не умею, вот ты и будешь меня учить.

Юноша задумался. Через минуту согласился под условием, что я буду его беспрекословно слушаться.

— Конечно, но теперь я поставлю тебе условие: мы выедем в половине четвертого утра, когда на дорогах никого нет.

Он согласился, и мы поехали. Чудное было утро, свежее; солнце еще не всходило, и на прозрачном серо-голубом небе потухали звезды, блестела трава, седая от росы. Громко зарычал, получивши слишком обильную порцию газа, мой черный фордик, но я обеими руками крепко уцепилась за руль, и все, кроме дороги, перестало для меня существовать.

Казалось, что я непременно влечу в каждый придорожный столб, в каждое дерево. Ехали мы медленно, 25 миль. В Мериден, первом городе на нашем пути, кое-где стали встречаться и обгонять нас грузовики. В следующий большой город — Вотербери — 50 миль — приехали часам к семи. Градом катил с меня пот, промокло насквозь белье.

— Альберт,— сказала я юноше,— я изнемогаю.— И мы переменились местами. Но на обратном пути я правила одна все 70 миль, а через несколько дней сдала экзамен в ближайшем городке Миддлтаун, куда мы вместе поехали с Джейн Ярроу.

Когда я вернулась домой, мне Ольга сообщила, что приезжал господин, с ним еще двое. Господин называл себя капитаном Макензи и сказал, что был в Москве, виделся с моим братом Сергеем и привез мне от него поручение.

— Ну и что же? Ты узнала, когда он приедет, его адрес? — спросила я.

— Нет...

Я рассердилась:

— Но как же так? Мне это так важно?

— Да ты меня выслушай, Саша,— спокойно перебила меня Ольга,— я не расспрашивала этого господина, потому что и он, и те, кто с ним приехал, показались мне очень подозрительными.

Прошло недели две. Было часов 9 утра. Я сидела в своем маленьком домике за письменным столом, писала. Веста лежала у меня в ногах. Вдруг она свирепо зарычала, поставила шерсть дыбом и бросилась к двери. Почему-то я испугалась. Встала и быстро повернула ключ в двери. Стук.

— Кто это?

— Я продавец персидских ковров, хочу показать их вам.

— Мне не надо ковров, да и денег у меня нет.

— А вы только посмотрите... Если не хотите покупать, не надо...— Торговец коврами говорил по-английски с русским акцентом. Застучала наружная ручка двери, торговец, видимо, пробовал ее открыть. Дверь трещала, сыпалась сухая краска. Я выдвинула ящик, достала револьвер, взвела курок. Веста, стоя у порога, рычала. Все внутри у меня дрожало; я молча выжидала, не спуская с двери глаз. Но вдруг исчезло напряжение, Веста отошла от порога, дверь уже больше не сотрясалась, слышен был шум подъезжавшего автомобиля. И через несколько минут Ольга была уже у двери и звала меня.

— Саша, Саша, отопри! Уехал капитан Макензи! Тот самый, который на днях приезжал к тебе с поручением от твоего брата Сергея! Это же был он!..

— Макензи... уехал... что случилось? — И не успела я спросить, как вижу, что посреди двора стоит грузовик. Это наш мясник со своим помощником привезли нам мясо.

Громадная черная машина с тремя мужчинами — я заметила, что один был с бородой и в картузе,— быстро катила вниз по дороге, под гору.

— Скорей, скорей, звонить в полицию! — Но полиция за 17 миль! Пока дозвонились, пока полиция поняла, в чем дело, а может быть, и не поняла и не поверила нашему рассказу, капитан Макензи, он же персидский торговец коврами, он же товарищ коммунист, со своими спутниками был уже далеко.

СОЛНЕЧНАЯ ФЛОРИДА

Из дневника 2 марта 1937 года.

«На юге поражает дискриминация по отношению к черным. В дамском клубе разговор такого содержания:

— Скажите,— спрашиваю,— вы не думаете, что запрещение неграм ездить в общих вагонах, разделение уборных на вокзалах создает великолепную почву для большевистской пропаганды среди негров?

— Ах, нет,— быстро возразила мне дама,— мы очень любим негров, они такие великолепные иногда бывают служащие, такие преданные... Добрые, наивные, как дети... Я люблю негров... Нужно только, чтобы они знали свое место...

Отношение к неграм, как и к другим расам, мне совершенно непонятно, как и непонятна мне, с одной стороны, демократия, а с другой — шоферы навытяжку: «Yes, mam»,— а вся прислуга называется просто по имени, кто бы и какого возраста они ни были».

Из дневника 15 марта 1937 года.

«Мы наняли две комнатки над гаражом в Вест Палм Бич за 35 долларов в месяц и стали искать работу. Палм Бич — великолепное место на берегу океана, с аллеями громадных пальмовых деревьев, дворцами, садами, полными цветов. Великолепные пляжи, но все частные.

В Палм Бич богачи тратят деньги, а в Вест Палм Бич люди стараются деньги заработать.

Когда вы делаете грязную работу у себя на ферме, вы сами себе хозяева, но когда надо наниматься — тяжело!

— Ваше имя? А сколько вы весите? А какие у вас рекомендации? Интеллигентный труд? Нет, нет, у нас спроса нет. Хотите в помощницы по дому?

У американцев не принято говорить «прислуга», они говорят «помощница».

— Но разве знание языков, литературы не пригодится? Может быть, репетировать детей, переводить, может быть, нужны гувернантки, компаньонки?..

Ничего не выходило. Деньги подходили к концу. Но тут неожиданно счастье нам улыбнулось: с нами познакомилась одна русская дама, очень богатая. Она скучала и предложила Ольге давать ей уроки итальянского языка. А я снова получила предложение прочесть несколько лекций.

Здесь же, в Вест Палм Бич, мы познакомились с братом нашего хаддамского м-ра Ярроу и его женой. Они были такие же бедняки, как и мы. Он продавал какие-то журнальчики и очень обрадовался, когда я ему предложила 25% с лекций, если он мне их устроит. Но это дело для Ярроу было новое, знакомств не было и... размаха не было. Приходилось читать за гроши, 25—30 долларов за лекцию, но я и этому была рада.

Из Вест Палм Бич я ездила по окрестным городам. В Майами меня пригласили читать в большой гостинице «Мак Фаррен», расположенной на пляже. Зал полон. Рядом со мной с одной стороны сам Мак Фаррен, с другой — председатель торговой палаты, который меня представлял. Начинаю читать, тема: Толстой и русская революция. Говорю с микрофоном. Много народу, низкие потолки, вместо окон — люки, как на пароходе. Когда дохожу до революции и начинаю говорить против большевиков, под окнами начинается неистовый кошачий концерт. Публика не слышит. Хотя я говорю с микрофоном, мне под этот неистовый шум говорить трудно. Тогда, чтобы обратить внимание председателя, чтобы он как-то прекратил этот концерт, я, продолжая свою речь, где я говорю о расстрелах большевиками сподвижников Ленина — Зиновьева, Каменева, Рыкова и других, добавляю: «К сожалению, вам не слышно, но и сейчас, здесь под окнами на дворе, товарищи большевики кошачьим концертом справляют тризну по тем, которых они казнили».

Но глухой председатель или не расслышал моих слов, или их не понял. Так я и докончила свою речь под звуки этого кошачьего мяуканья. А после окончания лекции:

— Почему же вы никого не послали унять большевиков, которые безобразничали под окнами? — спрашиваю я у председателя.

— Какие большевики?

— Да те, что под окнами безобразничали.

— О, нет,— сказал председатель.— Это же были кошки.

В ту же минуту, почтительно согнувшись, подошел к Мак Фаррену его секретарь.

— Сэр,— сказал он,— вот что оказалось на каждом столике! — И он протянул Мак Фаррену листок. Это была типичная, нахальная коммунистическая листовка.

С лекции я возвращалась в автомобиле Мак Фаррена. С двух сторон на подножках стояли полицейские...»

ПЕРЕМЕНА ЖИЗНИ

Из дневника 1937 г. Апрель.

«Неужели большевики имеют такую силу гипноза на мир? В чем дело? Когда документально доказано в печати, что Сталин, Литвинов — бывшие экспроприаторы, когда иностранные корреспонденты установили, что правительство Сталина не только в продолжение многих лет терроризирует население, но искусственно создало голод, погубило на Украине миллионы людей, экспортируя пшеницу и рожь и в то же время предавая суду людей за каннибализм, что оно в год неурожая вывезло 160 миллионов пудов зерна, а на следующий год 39 миллионов, когда люди, несомненно, знают, что, где только появляются советские агитаторы, там горе, убийство, предательство и зло, точно дьявольская крамола разрушает целые народности, сея смуту и раздоры, знают, что все, что есть наивысшего в мире — религию, философию, искусство,— большевики топчут и поносят, люди с пафосом восклицают: «Мы восхищаемся великим экспериментом, мы заинтересованы, мы взволнованы, мы потрясены сдвигами и достижениями, которых добился великий вождь Сталин!»

Стыд и позор миру, который в Лиге Наций обсуждает вопросы всеобщего мира вместе с Литвиновым, слугой кровопийцы Сталина! Стыд и позор правительственным деятелям, позволяющим себе серьезно считаться с правительством Сталина! Стыд и позор нам, русским, допустившим, чтобы нашим народом правили убийцы, грабители и разбойники, подобные Сталину!

Неужели мир и сейчас так же безразлично-постыдно будет относиться и поддерживать рабство, в которое попал русский народ? Неужели не поймет, наконец, что такое большевики? Газеты в заголовках печатали об убийствах одних разбойников другими, а почему все газеты молчали и молчат об убийствах и терроре, который 20 лет длится в России?

Христианские организации, молодежь, почтенные профессора с гордостью называют себя радикалами и сочувствуют Советскому правительству, Сталину, советскому Нерону, обезумевшему и залившему Россию кровью, отнявшему у народа решительно все свободы. Стыд и позор этим псевдорадикалам, обманутым или обманывающим общество!

Но Бог поможет нам. В конце концов изведется нечисть, освободится русский народ, вскроются темные дела разбойников и позорным клеймом запечатлеется деятельность тех, кто помогал этим разбойникам!»

На душе было невесело и смутно. Кроме того, что беспокоили мировые события, я совершенно не знала, куда и как приложить свои силы. Вернувшись из Флориды, мы не сразу поехали на ферму. Мы все-таки решили попытаться найти работу в Нью-Йорке. Мы просили Марту найти нам квартиру в Нью-Йорке. Но каков был наш ужас, когда мы узнали, что Марта сняла квартиру на 120-й улице Ист, в негритянском квартале, около Мадисон авеню.

Мы прожили там недолго. Все мое существо протестовало против городской жизни, среди подонков человечества. Вечером даже нельзя было выйти в парк. За Ольгой гнался какой-то негр, когда она гуляла в сумерки с Вестой. Веста же и спасла — не подпустила близко...

Почему же, почему я живу в этой дыре на 120-й улице, среди чуждых мне и страшных людей, негров, мексиканцев? Что это: гордость, презрительное отношение сверху вниз к черной или желтой расе? Нет, нет... Не к расам, а ко всему городскому, испорченному. По ночам дикие, отчаянные крики. Что случилось? Я видела, как два негра тащили девушку в автомобиль — она отбивалась, кричала. Я видела, как в темном углу сада взрослый человек прижимал к себе девочку, тоненькую, маленькую, как куколку, она вырывалась от него, но он успокаивал ее и держал... крепко. Наверху над нами стук, возня, глухие удары, жуткие, душу раздирающие крики — это пьяный муж, возвратившись домой, бил свою жену. Это повторялось почти каждый день.

«Зачем,— думала я,— я трачу, может быть, последние годы моей жизни, не работая, ища заработка вдали от божественной природы, тишины, покоя, без творчества, которое дает силу жизни и которому так трудно приспособиться в этом городе греха, порока, смрада и ничтожной суеты. Все мое нутро возмущается, ропщет. Жизнь моя проходит в беготне по городу в тщетных поисках работы.

Собвей. Несется, громыхает, раскачиваясь, поезд под землей. Лица смятые, усталые, хмурые и нездоровые. Читают газеты, дремлют. На остановках спешат, толкаются. Толкаюсь, спешу и я... Куда? Зачем? Контора по найму. Нет, нет, больше я не могу. Сотню кур, небольшой огород, овощи свои... Опять на ферму. Проживу как-нибудь. Ольга уехала под Нью-Йорк, нашла работу, а мы с Мартой, забрав Весту, которая радовалась не меньше нашего, уехали на ферму.

1938 год. Настроение подавленное. Я устала физически. Но, несмотря на тяжелый труд, на материальные неудобства, тесные помещения, отсутствие ванны, скудную одежду, я все же люблю свою ферму...

...В 1939 году, ранней весной, на квартире последнего русского посла, Бориса Александровича Бахметьева, было созвано первое организационное собрание в составе Б. А. Бахметьева, Б. В. Сергиевского. С. В. Рахманинова, гр. С. В. Паниной, друга б. президента Хувера д-ра Колтона, проф. М. А. Ростовцева, присяжного поверенного Гревса, Т. А. Шауфус и меня.

В память моего отца, Л. Н. Толстого, решено было назвать комитет Толстовским фондом, и он был зарегистрирован в нью-йоркском штате 15 апреля 1939 года. В моей жизни начался новый, очень важный этап.

На этом я заканчиваю эту часть своих воспоминаний. История Толстовского фонда — обширная и отдельная тема.

Предисловие, публикация и подготоека текста — Сусанны РОЗАНОВОЙ.

Сдано в набор 04.05.90. Подписано к печати 05.06.90. А 00308. Формат 84×60⅛. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,16. Усл. кр.-отт. 31,62. Уч.-изд. л. 16,85. Тираж 450 000 экз. Заказ № 2292. Цена 70 коп

Адрес редакции: 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24. Тел. 257-37-66, 285-28-68.

Ордена Ланина и ордена Октябрьской Революции типография им. В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.